В29
Т-78
КР64 465
7020

РСФСР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА ПОЛИТПОСОБИЙ

ТРУДЫ

1-го Всероссийского с'езда библиотечных работников Красной Армии и Флота

1922 г.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЭКЗЕМПЛЯР ПРОДАЖЕ
не подлежит.

Продажа будет преследоваться, как расхищение народного достояния.

~~935.~~
6488 спец. ф

КР64 465

Р. С. Ф. С. Р. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

БИБЛИОТЕКА ПОЛИТПОСОБИЙ.

№ 2 № 2

ТРУДЫ

1-го ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА

БИБЛИОТЕЧНЫХ РАБОТНИКОВ КРАСНОЙ АРМИИ и ФЛОТА

(15—24 октября 1920 года).

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Е. ХЛЕБЦЕВИЧА и А. ТЬЕВАРА.

А. О. Р. Инв. № 2486 Ир. Армии 49 1 3466

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

МОСКВА.

235 64882 экз. 2

Н

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 25825 1972 г.

В. В. Р. С. № 471. Тир. 10.000 экз.

Р. В. Ц. № 28. 27-ая типография М. Г. С. Н. Х. Москва.

1-ый Всероссийский с'езд библиотечных работников Красной Армии и Флота 15-25 октября 1920г.

Москва, Б. Дмитровка, д. Петра Алексеева.

От библиотечного отделения военной секции Главполитпросвета.

Изданием „Трудов 1-го Всероссийского съезда библиотечных работников Красной армии и флота“ выполняется соответствующее постановление съезда.

Подготовляя материал для издания, Редакция имела в виду заполнить пробел в нашей литературе по библиотечному делу. Конечно, эта книга ни в коей мере не может заменить „систематическое руководство“ в буквальном смысле этого слова, но дает ясное представление как о научных достижениях библиотечной мысли, так и об итогах практической библиотечной работы в Красной армии.

Труды 1-го Всероссийского Съезда библиотечных работников явятся безусловно ценным пособием для постановки библиотечного дела в Красной армии и флоте.

В виду технических затруднений и, еще больше, вследствие долгого промежутка времени, отделяющего нас от съезда, мы нашли возможным издать пока только доклады, являющиеся наиболее интересными по важности освещаемых ими вопросов. С улучшением технических условий издан будет II-ой выпуск, посвященный вопросам организации библиотечного дела в Кр. армии и флоте.

Евг. Хлебцевич.

А. Тьевар.

Психологические основы библиотечного дела.

Проф. А. И. Нечаев.

Как организовать распространение книжных знаний в народе? Какие книги заслуживают рекомендации? Какие книги следует считать полезными и какие вредными?

Вот те вопросы, которые должны невольно волновать всякого, кто задумывается над основами организации библиотечного дела.

Иногда кажется, что на эти вопросы возможно дать какой-то один общий ответ. Некоторые думают, что возможно даже выработать какой-то список безусловно полезных и вредных книг, независимо от того, для кого они предназначаются.

Такая точка зрения, конечно, неправильна. Нет книг безусловно полезных или безусловно вредных. Всякая книга может быть и полезна, и вредна, смотря по тому, какому читателю она попадет в руки. Один прочтет данную книгу с интересом и вниманием, у другого она вызовет скуку. Один сумеет разобраться в мыслях, вызванных ее содержанием, другой окажется совершенно неспособным к этому.

Чтение—сложный процесс. Читатель должен пережить целый ряд сложных моментов прежде, чем взятая им книга окажет на него то или другое влияние. И то, что переживает при этом читатель, в значительной степени зависит от его собственной психики, а не от данной ему книги.

Для того, чтобы понять легче эту мысль, проследим главные моменты в процессе чтения книги.

В этом процессе можно различить четыре основных момента: 1) восприятие данных слов, 2) понимание содержания, связанного с этими словами, 3) оценка прочитанного, 4) влияние впечатления, произведенного чтением, на волю читателя.

Разберем каждый из этих моментов.

1. Восприятие данных слов.

Уметь читать—это значит, прежде всего, уметь по буквам догадываться о тех словах, которые ими обозначаются. Простое называние подряд всех данных букв, без слияния их в целые слова, еще не называется чтением. Чтение начинается только с того момента, когда человек, смотря на буквы, оказывается в состоянии произнести, или вспомнить, определенное слово, соответствующее сочетанию этих букв. Не трудно показать, что в этом процессе восприятия букв, как символов определенного слова, большое участие принимают не только зрение, но также память, воображение и ум человека. Когда мы читаем слова, то не просто складываем букву за буквой, а схватив одну или несколько букв, сразу догадываемся о целом слове. Если в читаемой нами книге или газете какая-нибудь буква (или даже ряд букв) случайно оказываются выпавшими, замазанными или плохо отпечатанными, нас это часто совсем не смущает: мы все-таки свободно прочитываем соответствующие слова, дополняя не ясно видимые буквы своим воображением. Этим объясняется, между прочим, и то, почему так часто при чтении люди не замечают встречающихся в книге опечаток. В связи с участием в процессе чтения не только зрения (в узком смысле слова), но также памяти и воображения находится также и тот интересный факт, что люди с низким уровнем памяти и воображения, люди со слабым развитием догадливости, обыкновенно с трудом научаются тому, что в процессе обучения чтению называется слиянием звуков в целое слово. Интересно также отметить, что, как показывают специальные наблюдения, процесс чтения отдельных слов у разных людей тем легче, чем ближе им их содержание, т.-е. чем больше может во время этого чтения обнаруживаться работа их памяти и воображения. Если одному и тому же человеку предложить прочесть вслух несколько строк из разных книг, напечатанных одинаковым крупным и отчетливым шрифтом, но на разных не одинаково знакомых ему языках, то он скорее будет читать на том языке, который ему более близок. Почему? Конечно, не потому, что его глаза могут получить более сильное впечатление от букв определенного языка, а только потому, что его память и воображение могут сильнее обнаружить себя в одной области, чем в другой.

Итак, простое умение правильно прочесть слова, данные в книге, находится в зависимости от памяти и воображения читателя, т.-е. от его прежнего опыта, от его догадливости: его умения кстати припомнить то, что прежде приходилось ему слышать и говорить. Кто сам плохо владеет речью и не умеет хорошо понимать речь окружающих его людей, не может быть и хорошим читателем, в самом скромном смысле этого слова: он не сможет правильно воспринять многие слова, он будет их путать и искажать. Известно, что для выражения разных мыслей и чувств существуют разные формы речи. В этом смысле, говоря о разных стилях, разном слоге, разном языке, различают речь обыденную, звучную, поэтическую и т. д. Для того, чтобы овладеть каждой из этих форм речи, требуется особый навык, специальный опыт. И в зависимости от того, каким опытом в этом отношении обладает читатель, для него становится более или менее доступным восприятие слов попавшей ему в руки книги.

2. Понимание содержания, связанного с прочитанными словами.

Каждое слово, прочитанное нами, может вызывать в нашем сознании различные изменения, которыми определяется понимание нами этого слова. В одном случае в нашем сознании возникает определенный, более или менее яркий образ, в другом—логический процесс чувства или желания, в третьем—и то, и другое вместе, в четвертом—никакого образа и чувства, а только лишь простое повторение самого воспринятого слова или, быть может, другое слово, с ним связанное. Так, например, слово „лес“, прочитанное нами, может вызвать в нашем сознании: 1) представление зеленых и шумящих деревьев, поющих птиц, голубого неба, запаха смолы и земляники, 2) чувство успокоения, радости или страха, 3) желание побыть в лесу, 4) представление о том, что „лес“—имя существительное и что оно может быть соединено с рядом глаголов, 5) представление ряда других слов, связанных по ассоциации со словом „лес“: „лес—лесной“, „лес—леший“, „лес—полесье“ и т. д.

Способность человека связывать с воспринятыми словами более или менее яркие образы, очевидно, зависит от разнообразия его личного опыта. Кто никогда не был в лесу, не слышал его шума и не переживал других вызываемых им ощущений и чувств, тот и при слове „лес“ не сможет припомнить ничего

яркого, ничего такого, что действительно могло-бы мысленно перенести его в обстановку леса. В таком случае, может быть, вспомнится картинка леса или зеленый цвет, или темнота, или какие-нибудь отдельные предметы, связанные с представлением о лесе, но самый лес все-таки не будет представлен. Многочисленные исследования, произведенные в разных странах, показывают, что количество определенных представлений, связанных с самыми употребительными словами, у многих людей бывает неожиданно невелико. Попросту говоря, есть много людей, которые не связывают с рядом употребляемых ими слов никаких реальных представлений. Они слышат, даже и повторяют слова, которые не имеют для них никакого содержания. Они знают названия предметов, не зная самого предмета. Как много людей (в особенности среди неинтеллигентных и малолетних), которые не связывают правильных представлений с названиями некоторых цветов. Как много людей, проведших всю свою жизнь в однообразной обстановке и потому не связывающих никаких воспоминаний с названиями многих предметов: один никогда не бывал в большом городе, другой не видел деревни; один ни разу не видел моря, другой не бывал в лесу или на горе; один всю свою жизнь провел в жарком климате, никогда не видя снега, другой не знает, как растет виноград и как зреют ананасы.

Одной из самых главных задач образования является обогащение человека необходимым запасом реальных представлений, помогающих ему понимать значение многих слов.

Но слова, употребляемые нами, обозначают не только различные предметы, но также и различные чувства. И для того, чтобы понять смысл этих слов, опять-таки необходимо иметь возможность воспроизвести в своем сознании когда-то пережитые душевные состояния. Слова „радость“, „горе“, „тревога“, „страх“, „стыд“ только тогда могут считаться понятыми, когда при восприятии их действительно явятся воспоминания о пережитых состояниях радости, горя, тревоги, страха и стыда. Чем разнообразнее были пережитые нами процессы чувства (или, как часто выражаются, наш „эмоциональный опыт“), тем легче нам будет понять и словесные выражения, к этим чувствам относящиеся.

Многие из слов, употребляемых в языке, обозначают не конкретные предметы и не чувства, а различные понятия, представляющие собою результат определенных логических процессов.

Понять, что такое „добро“, „право“, „власть“, „причина“, „число“ и т. д., можно только, предварительно проделав известную умственную работу над целым рядом отдельных представлений, при чем к этой работе не редко должен присоединиться и ряд процессов чувства. Отсюда ясно, что некоторые слова могут быть поняты человеком не только после того, как он успел обогатиться определенным жизненным опытом, но и после того, как он успел подвергнуть этот опыт систематической переработке.

Из всего этого следует, что понимание содержания, связанного с прочитанными словами, несомненно зависит от запаса жизненного опыта человека и от глубины переработки этого опыта.

Но этого мало. Для того, чтобы воспринимаемые нами слова могли шевельнуть в нашей душе живые воспоминания, чтобы мы могли связать с ними яркие образы, определенные чувства или ясные понятия, необходимо, чтобы самые слова эти были нам известны, чтобы мы хоть один раз уже успели связать с ними то, что составляет их смысл. Иначе говоря: надо, чтобы между словом и его содержанием была установлена известная связь или, как выражаются психологи, известная ассоциация. Если бывают люди, у которых замечается больше слов, чем знаний, то и наоборот—можно встретить лиц, у которых богатство жизненного опыта превосходит богатство их речи: человек много видел, много пережил, много передумал, а выразить всего этого словами с достаточной ясностью не умеет и даже иногда не узнает в словах чужой речи отголоска своих собственных чувств и мыслей.

Воспитание человека, его жизненный опыт, умение разбираться в воспринятом и перечувствованном, богатство его собственной речи—все это существенным образом отражается на понимании прямого содержания читаемых слов. В зависимости от содержания своей психики, от общего направления своего внимания и основного характера своих интересов, люди невольно воспринимают неодинаково содержание читаемых ими книг. Разные читатели, прочтя одну и ту же книгу, могут пережить разные состояния, вызванные словами этой книги. И потому самый предмет этой книги будет для них, строго говоря, совсем не одним и тем-же.

3. Оценка прочитанного.

Умение не только прочесть книгу, но и критически отнестись к ее содержанию наблюдается, как известно, не всегда. Есть

люди, которые готовы со слепой верой относиться почти к каждому напечатанному слову и не привыкли размышлять над прочитанным. С другой стороны, если присмотреться к тому, как разные люди судят о разных книгах и с какой точки зрения они их оценивают, то не трудно подметить в этом отношении большую разницу. Есть люди, которые умеют направлять свое внимание на основную мысль книги, на ее общий план, на то, что называется „общим духом“ или „основной идеей“ данного сочинения. Другие в своем суждении о книге разбиваются на мелочи, обращая внимание только на частности, выражают свое удовольствие или неудовольствие по поводу отдельных фраз, придираются к отдельным словам.

Эта разница в отношении к книге, несомненно, зависит от душевного склада читателя.

Здесь прежде всего сказывается влияние того, что называется „большим или меньшим объемом внимания“ читателя. Известно, что одни люди в состоянии бывают одновременно удерживать в своем сознании довольно большое количество представлений: человек может одновременно делать несколько дел, например, писать письмо, слушать разговор и в то же время отвечать третьему лицу на предложенный вопрос, он может представить себе очень сложную комбинацию каких-нибудь образов, ему не трудно принять участие в работе, требующей напряженного внимания сразу в нескольких направлениях (как это бывает, например, при сложной административной работе), и т. д. Другие люди неспособны к проявлению такого широкого „объема внимания“: их внимание узко, они чувствуют себя уютно только тогда, когда их сознание сосредоточено сравнительно на очень малом числе представлений, в окружающей жизни они обыкновенно замечают только небольшую часть явлений. Поэтому их суждения часто носят узкий, односторонний характер. Им трудно бывает понять сложную комбинацию образов и чувств. Всякая деятельность, требующая одновременного сосредоточения внимания в разных направлениях, бывает для них непосильна: они теряются, разбрасываются, не умеют обнаружить необходимой находчивости и такта.

Эта разница в объеме внимания, наблюдаемая у отдельных лиц, конечно, должна сказываться и тогда, когда они отдаются процессу чтения и оценке прочитанного. Многие потому только направляют свое внимание на оценку частностей, а не целого, что они не в состоянии схватить это целое: объем их внимания слишком узок.

Однако, говоря об отношении способности оценивать содержание прочитанного к объему внимания читателя, необходимо помнить, что объем внимания не есть что-нибудь неизменяемое. В зависимости от накопления опыта в известном направлении. увеличивается в том же направлении и объем внимания. Нам трудно бывает следить за длинной речью, в которой говорится о малоизвестных нам предметах. Но процесс нашего внимания сейчас же облегчается, как только речь коснется близких нам вещей. Точно такая же картина наблюдается и при восприятии содержания читаемых книг. Чем ближе нашему обычному кругу представлений содержание книги, тем больший объем внимания мы можем обнаруживать при чтении ее и тем более мы оказываемся способными к тому, чтобы произвести ее оценку, как единого, цельного произведения, тем легче бывает нам понять и оценить „основную идею“ и „общий дух“ данной книги.

Из этого ясно, какое важное значение в вопросе о „сознательном“ чтении имеет справка о круге знаний читателя и тех интересах, которые господствуют в его душе.

Эти господствующие интересы, определяющие общее направление внимания читателя, не только отражаются на его способности к более или менее широкой оценке прочитанного, но также обусловливают известный характер оценки. Есть люди, которые интересуются, по преимуществу областью реальных восприятий. И в книгах они больше всего ищут реальной внешней правды, фантастические образы и лирические отступления им не нравятся. Бывает и наоборот. Человек с пылким воображением и развитым чувством находит „скучной“ и „сухой“ книгу, в которой содержится только объективное изложение фактов. При оценке каких-нибудь описываемых в книге событий или излагаемых теорий один охотнее становится на точку зрения логическую, другой — этическую, третий — религиозную, эстетическую, политическую и т. д.

Насколько разнообразен человеческий опыт и насколько различны человеческие интересы, настолько же разнообразно должно быть и отношение читателей к оценке книг.

4. Влияние книги на волю читателя.

Редкий грамотный человек не сможет указать книги, которая так или иначе отразилась на его воле. Много есть лиц, которые готовы в этом отношении придавать книгам колоссальное

значение. Известны рассказы о целых переворотах в душевном складе людей после прочтения некоторых книг, о коренном изменении в поведении под влиянием чтения, о важных жизненных решениях, навеянных литературными произведениями. Но при этом интересно отметить, что та же самая книга, которая производит настоящую бурю в душе одного человека, оставляет в совершенно равнодушном состоянии другого. Очевидно, и здесь мы имеем дело с глубокими личными особенностями, отражающимися на процессе влияния книги на читателя.

Прежде всего, очевидно, что всякая книга может влиять на читателя только своим содержанием, а это содержание, как мы знаем, определяется личностью самого читателя: каждый вычитывает из книги не больше, чем он способен оттуда вычитать. Поэтому, подобно тому, как не бывает книг, одинаково понятных для всех, так не может быть и книг, оказывающих одинаковое влияние на волю читателей.

Даже в тех случаях, когда содержание книги более или менее одинаково понимается известной группой читателей, все-таки нельзя поручиться за то, что будет одинаковое воздействие этой книги на их волю. Надо помнить, что процессы влияния на волю переживаемых нами представлений и чувств очень разнообразны. Мы различаем влияние прямое и косвенное, положительное и отрицательное. Разные лица в разных обстоятельствах неодинаково поддаются разным формам внушения. Иногда человек легко следует простому совету или приказанию, иногда возможно достичь результата, только дав человеку слабый намек или показав отдаленный пример, которые толкнут его на известные решения. Но бывают случаи, когда всякая попытка приказа, совета, примера или намека вызывает только обратное действие. То же самое может наблюдаться и в процессе чтения. Некоторые книги, в известное время, могут производить на нас сильное прямое влияние: мы глубоко задумываемся над их содержанием, проникаемся определенными чувствами и желаниями, там изображенными, и невольно начинаем действовать под влиянием этих мыслей и чувств. Но, конечно, многим приходилось наблюдать и прямо противоположные примеры, когда книга вызывала в читателе желания, как раз обратные в сравнении с ее содержанием. В этом отношении характерна печальная участь, которая во все времена много раз постигала так-называемую агитационную

литературу, нередко вызывавшую как раз обратные действия в сравнении с теми, на которые она была расчитана.

Все сказанное имело целью показать, как сложны и разнообразны душевные процессы, определяющие культурное значение книги. Решение вопроса о целесообразной постановке библиотечного дела (в смысле умелого подбора и распределения книг) находится в явной зависимости от того, насколько нами изучена психика читателя. Только зная общий душевный склад своих читателей, уровень их знаний, господствующие интересы и настроения, можно успешно руководить их чтением. Очевидно, что для такого руководства требуются люди с известной психологической подготовкой, с определенным чутьем, выработанными или долгой практикой, или специальной научной подготовкой.

Для того, чтобы изучить душевный мир своих читателей руководители библиотечного дела могут прибегать к различным приемам. Во-первых, здесь может иметь место прямой опрос (анкета) читателей относительно тех книг, которые им приходилось читать и которые произвели на них то или иное впечатление. Во-вторых, возможно организовать специальные беседы с читателями по поводу книг, только-что ими прочитанных, с целью установить общий уровень их понимания и восприимчивости. Наконец, возможна постановка особых психологических опытов, расчитанных на исследование объема внимания, процесса восприятия, памяти, воображения, интересов и подверженности внушению читателей интересующей нас среды.

Каждый из этих методов имеет свои достоинства и недостатки. Несомненно, что путем прямого опроса читателя относительно впечатления, полученного им от прочитанных книг, можно выяснить очень многое. Но данный способ собирания материала имеет свои крупные недостатки. На основании самонаблюдения возможно проследить далеко не все стадии процесса чтения. Особенно трудно таким путем установить самые начальные состояния в процессе чтения, как, например, восприятие отдельных слов, на котором основывается понимание содержания книги. Кроме того, при опросе читателя относительно того впечатления, которое произвела на него книга того или другого содержания, всегда приходится учитывать разнообразие личного опыта опрашиваемых лиц. Читатель может отдать предпочтение книгам известного рода только потому, что ему до сих пор случайно не попадались книги иного рода, соответствующие уровню его развития.

Поэтому более точные результаты может дать нам беседа с читателями после предварительного чтения ими тех или других произведений. Здесь можно сознательно сопоставлять разного рода литературный материал и учитывать разницу в производимом впечатлении.

Однако, получаемые таким образом данные могут только тогда получить свое надлежащее научное истолкование, когда они будут связаны с результатами точных психологических исследований, произведенных хотя бы над некоторыми типичными группами интересующих нас читателей. Мы должны не только знать, какого рода чтение нравится или не нравится определенной читательской группе, но и понять источники того или иного отношения к известной книге лиц известного душевного уровня.

Для выполнения этой последней задачи (которая, несомненно, должна глубоко заинтересовать практических деятелей библиотечного дела) должны быть привлечены опытные психологи-экспериментаторы. Только тесное общение практиков библиотечного дела с психологической лабораторией может с достаточной глубиной выяснить основы целесообразной организации распространения книжных знаний в народе.

Если вы хотите, чтобы книги, отпускаемые из ваших библиотек, не только брались и возвращались, но действительно читались, понимались, оценивались и оказывали культурное воздействие на читателя, вы должны хорошо понимать психический механизм чтения, знать душевные особенности ваших читателей и предугадывать то впечатление, которое может произвести на них та или другая книга. Если для этого вы сами еще недостаточно подготовлены, старайтесь восполнить ваше психологическое образование и желайте скорейшего создания таких психологических центров, где шла бы планомерная разработка интересующих вас вопросов.

„Международная десятичная классификация и десятичная классификация Дьюи“.

Проф. Б. С. Боднарский.

Не без колебаний я принял предложение выступить по вопросу об отличии международной десятичной классификации книг от десятичной классификации американца Дьюи.

Я не сомневаюсь в том, что вопрос этот имеет существенное значение, и должен стать во весь рост перед деятелями книжного просвещения. Но, зная настроение некоторой части библиотекарей, я точно также не сомневаюсь и в том, что им покажется узкой моя тема в нынешнее время широких проблем.

Съезд действительно будет на некоторое время отвлечен к лабораторно-библиотечной работе, так как без нее серьезно трактовать мою тему невозможно. И я беру на себя смелость вовлечь вас в эту трудную работу, результат которой будет тем успешнее, чем дальше мы уйдем от предрассудка, будто между классификацией Дьюи и международной разницы нет.

Перенесемся мысленно к 1-му Всероссийскому Съезду по библиотечному делу в 1911 году. Кто из вас был на нем (а таких я вижу здесь), тот помнит, какие горячие прения уже тогда возбудил вопрос о попытке внести классификационный раскол в среду русских библиотекарей.

То была первая стрела, пущенная в сторону библиографического интернационала, породившая эпизод, заслуживающий того, чтобы о нем вспомнить.

Группа петроградских библиотекарей, образовавшая „общество библиотековедения“, выдвинула на Съезде свою собственную десятичную классификацию—„псевдодесятичную“. Как в кривом зеркале отразились петроградские индексы: математика, перескочив со своего 51 места две ступени, очутилась под индексом изящных искусств 71; медицина, носящая индекс 61, попала в область словесности 81 и т. д.

Такими произвольными перестановками десятичная классификация была изуродована не меньше, чем был бы изуродован химический язык, если бы, напр., формула воды H_2O приняла измененный вид O_2H.

Петроградские новаторы получили достойный ответ, и новая система прочно упокоилась в архиве Общества Библиотековедения. Истинная международная классификация не понесла никакого ущерба, и шествие ее продолжалось не менее успешно, чем раньше.

Но вот в сторону библиографического интернационала последовал новый удар, и действие его на этот раз было не без результатов.

Несколько лет тому назад появилось течение в пользу, как утверждают идеологи этого течения,—американской десятичной

классификации Дьюи. Опубликованные „американские“ таблицы широко распространились по территории России (особенно в провинции) и многими библиотекарями, по недоразумению, были приняты за международные.

Сторонники истинной международной классификации стали свидетелями печального зрелища начавшейся классификационной разрухи. И, вместо продолжения своей творческой работы, они вынуждены были поднять знамя борьбы против разрушителей,— борьбы особенно тяжелой, так как надо было доказывать и доказать, что предложенная им классификация есть суррогат системы не только международной, но даже и Дьюевской.

Борьба эта ведется до сего дня, и мой доклад является одним из этапов этой борьбы.

Пользуясь случаем присутствия на Съезде многих библиотекарей, примкнувших к новому течению, я, в целях выяснения истины, попробую сделать, насколько это возможно, опыт сравнительного анализа международной десятичной классификации и подлинной классификации Дьюи, так как лишь тогда можно будет по достоинству оценить попытки наших „дьюистов“, и желающие понять поймут, по какому пути ведут их новоявленные учителя.

* * *

Прежде всего следует помнить, что материал Дьюи, который пошел в переработку Международного Библиографического Института, стоит в количественном отношени неизмеримо ниже схемы Института.

Можно было бы посвятить особый доклад теме о том, до какой степени в этом отношении между Дьюи и Институтом „дистанция огромного размера“.

Ограничимся первыми попавшимися примерами. Под индексом 637—продукты животноводства—у Дьюи только одна эта рубрика, тогда как в международной схеме их 185; в следующей сельско-хозяйственной группе под инд. 638 у Дьюи тоже одна рубрика, в международной схеме 65,—во всем Отделе сельского хозяйства (инд. 63) вместо 18 помещенных у Дьюи рубрик, в международных таблицах имеется 1572 рубрики. Так и в других отделах, напр., в гражданском праве. Здесь все обязательственное право (инд. 347.4) у Дьюи представлено одной рубрикой, тогда как в международной схеме расчленение доведено до 133 рубрик.

Но не только в количественном отношении разнятся рассматриваемые схемы, они в значительной степени отличаются и по существу.

Это объясняется тем, что Международный Институт вынужден произвести значительные изменения, исправляя своеобразные американизмы Дьюи, его неточности и просто ошибки.

Так, американскую литературу, выделенную у Дьюи под особым индексом 81, Институт соединил с английской (инд. 82); индекс „души“ был перенесен Институтом из „метафизики“ (128) в отдел психологии (151.4); „познанию“, отнесенному Дьюи к индексу 156, дано место под инд. 153 и т. д., и т. д. (Здесь кстати, хотя и с грустью, следует отметить, что те несовершенства, которые все-таки имеются и в международной классификации, исходят именно от Дьюи, так как в некоторых случаях было невозможно произвести исправления).

Исправления таблиц Дьюи делались Институтом также и потому, что многие понятия, благодаря присутствию международных определителей (о чем будет сказано особо), потребовали нового выражения. Напр., древняя философия, которая у Дьюи фигурирует под инд. 180, в международной системе обозначается индексом 1(3); французский роман XVIII в.—по Дьюи 843.5, по международной транскрипции 84—3 „17“; сельскохозяйственная экономия—по Дьюи 338.1, по международному—338.63 и т. д.

Что касается основных индексов, в пределах первых трех знаков, обычно считающихся идентичными в обоих таблицах, то и они в этих своих наиболее видных частях разнятся, благодаря присутствию у Дьюи злополучных нулей.

По нормальному десятичному принципу всякое понятие, начиная с самых широких, выражающихся числами в один и два знака, по мере своего дробления увеличивается присоединением новых цифр первого десятка. Так, напр., первый отдел, выражающийся однозначным числом 1, в международной схеме расчленяется на: 1, 11, 111, 112, и т. д.; у Дьюи же даются сразу 3-хзначные инд.: 100, 110, 111, 112, и т. д. И лишь с 4-го знака у Дьюи проведено расчленение посредством присоединения новых знаков, напр.: 115, 115.5, 115.51 и пр.

В таком виде представлены у Дьюи все его таблицы, почему, напр., отд. 3-й в международной схеме расчленен:

3 социальные знания
31 статистика

Архив Кр. Армии
19 49 г.
№ 13026

311 методы статистики и т. д.

тогда как у Дьюи мы видим: 300 социальные знания
310 статистика
311 методы статистики и пр.

Мало и этого, по американским таблицам Дьюи, все нулевые деления, в интересах однообразия, служат показателями „общих сочинений“, почему, напр., индекс 100 обозначает общие сочинения по философии, 310—общие сочинения по статистике и т. п.

Международный Библиографический Институт смотрит иначе. Если бы для обозначения „общих сочинений“ было необходимо пользоваться нулевыми индексами, то такие нули пришлось бы прибавлять не только к однозначным и двузначным индексам, как это делает Дьюи, но и к каждому из всех остальных индексов основной таблицы, так как ведь каждый самый детальный вопрос может трактоваться с „общей“ точки зрения. Тогда получилась бы таблица, где нуль повторялся бы 50.000 раз. Было бы, напр: 33 Политическая экономия.

330 Общие сочинения.
331 Рабочий вопрос.
331.0 Общие сочинения.
331.1 Труд и капитал.
331.10 Общие сочинения.
331.11 Договоры с рабочими.
331.110 Общие сочинения и т. д.

Однако, по мнению Библиографического Института, в особых индексах для „общих сочинений“ нет никакой нужды, так как каждый более крупный индекс по отношению к более мелкому уже сам по себе является „общим“, почему, напр., инд. 33 и представляет собой символ политической экономии вообще, а не ее частностей, для которых имеются дальнейшие деления: 331, 332 и т. д.; точно также инд. 331 есть символ рабочего вопроса вообще, частности которого имеют свои индексы: 331,1, 331,2 и т. д.

Таким образом, получается то, что почти везде в международной классификации деления начинаются не с 0, а с 1.

И лишь в сравнительно редких случаях,—там, где в таблицах Дьюи между рядом стоящими рубриками был логический пробел, Международный Институт пользуется упраздненными нулями, чтобы заполнить такие пробелы. Так, напр., усмотрев в делениях инд. 583 (двудольные растения) между индексами 583.1

(раздельнолепестные) и 583.11 (лютиковидные) пропуск ложецветных, Институт восполнил его включением промежуточного индекса 583.10, получив схему: 583 двухдольные растения

583.1 раздельнолепестные

583.10 ложецветные

583.11 лютиковидные и т. д.

Вопрос о нулях весьма существенный, так как нули не только создают раскол в транскрипции, но и—что еще важнее—препятствуют естественному росту каталога.

В самом деле, представим себе две небольших библиотеки, в 1-й из которых вся экономическая часть каталога зафиксирована под международным индексом 33, а во 2-й—под Дьюевским инд. 330.

При необходимости дальнейшей дифференциации каталога (в связи с ростом библиотеки), в первой библиотеке пришлось бы инд. 33 подвергнуть расчленению посредством простого присоединения к нему новых знаков, благодаря чему получились бы индексы 331, 332, 332,1 и т. д.

Во второй библиотеке в таком случае пришлось бы предварительно проделать операцию по устранению (выцарапыванию) нулей, так как лишь после этого было бы возможно превратить инд. 330 в 331 и т. д.

Наконец, мы подходим к последнему, еще более радикальному, расхождению между таблицами Института и Дьюи,—к т. наз. „определителям“.

Созданная Международным Библиографическим Институтом система „общих определителей“ позволяет придавать каждому основному индексу тот или иной оттенок, в зависимости от тех или иных библиографических потребностей. Так, напр., книги по одному и тому же вопросу, имеющие, поэтому, один и тот же основной индекс, могут быть расчленены по форме издания путем присоединения к индексу определителей: (03) для обозначения словаря, (05)—журнала и т. д.; в качестве топографических знаков имеются свои определители: (42) для Англии, (47) для России и т. д. Кроме указанных, употребляются также определители времени (хронологические), отношения и др.

Таким образом, книги, напр., по медицине могут быть по международной системе представлены под индексами:

61 (03) медицинский словарь,

61 (05) медицинский журнал,

61 (47) медицина в России,

61 „17“ медицина в XVIII веке и т. п.

То же приложимо к любому вопросу жизни и знания: к музыке—78 (03), 78 (05), 78 (47), 78 „17“; философии—1 (03), 1 (05), 1 (47), 1 „17“; экономике, математике и пр. и пр.

Едва ли надо прибавлять, что указанный способ дробления до nec plus ultra обогащает классификацию, делает ее поистине универсальной.

Такого волшебного камня у Дьюи нет. Лишь в некоторых случаях Дьюи дает слабые намеки на определители, включая в свою основную таблицу индексы с конечными знаками, напоминающими собой определители формы, места и отношения.

Так порой в таблицах Дьюи встречаются индексы, конечные цифры которых обозначают:

1—теорию предмета, 2—руководство, 3—словарь и т. д.

Это—эмбрион определителей формы, которые присоединяются у Дьюи обыкновенно к трехзначным индексам с нулями.

Напр. 330.1—теория политической экономии,

.2—руководство,

.3—словарь и т. п.

Значительно реже символы формы присоединяются к индексам, кончающимся значащей цифрой, и в таких случаях Дьюи прибавляет к основным индексам нуль в качестве 4-го знака. Так, напр., в отд. 341 (международное право) мы видим деления:

341.01 теория международного права,

.02 руководство,

.03 словарь и т. д.

Едва ли самый закоренелый дьюист признает такие индексы равноценными определителями формы. В самом деле, не говоря уже о том, что определители формы своим внешним видом (скобками) ярко оттеняются в международной схеме,—в ней, как общее правило, определители могут быть присоединяемы к любому из 50.000 индексов, создавая беспредельный простор библиографическому творчеству. В таблицах же Дьюи превращение рядовых номеров в формальные имеет место лишь в отношении немногих №№, так что библиотекарь никогда не знает заранее, какой именно классификационный нумер допускает расчленение по форме.

И потому, в то время как определители формы: (01) теория, (02) руководство, (03) словарь и т. д. могут быть присоединены

и к рубрикам философии—1 (01) теория философии, 1 (02) руководство по философии, 1 (03) философский словарь; и к логике—16 (01) теория логики, 16 (02) руководство по логике, 16 (03) словарь логической терминологии; и к кооперации — 334 (01) теория кооперации, 334 (02) руководство по кооперации, 334 (03) кооперативная экциклопедия и т. д. и т. д.,—по таблицам Дьюи даже из двух пар №№, напр., 340—341 и 530—531, лишь первая пара допускает формальные расчленения; вторая же имеет такие расчленения только в отношении индекса 530 (индексов 530.01, 531.02 и т. д. у Дьюи нет).

Мало и этого. Как оказывается, не все нулевые расчленения индекса 341 имеют у Дьюи формальное содержание, напр. 341.05 обозначает не периодический журнал, а сравнительное законоведение, 341.06—не юридическое общество, а судебную медицину и т. д.

Все это съуживает таблицы Дьюи, делает их бессистемными и сильно осложняет работу с ними.

Точно также обстоит дело и с расчленениями места, которые присоединяются у Дьюи к индексам в виде конечных знаков: 4—для Европы, 42—для Англии, 43—для Германии и т. д.

В международных таблицах определитель места, как и всякий другой определитель, может быть присоединен к любому №-ру, напр.: 1 (42) философия в Англии, 1 (43) философия в Германии и т. д.; 331 (42) рабочий вопрос в Англии, 331 (43) рабочий вопрос в Германии и т. д. В таблицах же Дьюи расчленения по месту так же, как и расчленения по форме, могут быть прилагаемы только к некоторым индексам, при чем в одних случаях вышеуказанные конечные знаки приписываются непосредственно к расчленяемому индексу, напр. 378 Университет,

378.42 Университет в Англии,

378.43 Университет в Германии,

в других—посредством соединительной цифры 9, как, напр.,

282. католическая церковь,

282.942 католическая церковь в Англии,

.943 католическая церковь в Германии,

в третьих после исключения нулей из основных индексов, напр.

900 История	910 География,
942 История Англии	9142 География Англии
943 История Германии	9143 География Германии и т. д.

По примеру расчленений формальных и топографических в

таблицах Дьюи встречаются также индексы, напоминающие международные определители отношения.

Здесь особенно резко сказывается разница между рассматриваемыми системами классификации, так как, взамен открытых международной библиографией широких перспектив взаимной комбинации каждого основного индекса со всеми другими, Дьюи робкой рукой включает в свои таблицы несколько сочетаний из нескольких индексов, И даже в этих немногих случаях не решается сохранить за сопоставляемыми индексами их самостоятельности, механически сливая их в одно число.

Таким образом, в то время как пользующийся международной схемой легко и просто выражает всевозможные соотношения тем, напр., для права и нравственности 34 : 17, для философии и религии 1 : 2, для кооперации и социализма 334 : 335, для Франции и России (44 : 47) и т. д. и т. д., работающий „по Дьюи“ не имеет средств для выражения подобных соотношений, так как они не предусмотрены Дьюи. Такие же сочетания, как им предусмотрены, имеют более, чем несовершенные выражения, напр.

016. 2 библиография религии,
016.34 библиография права и т. д.

Насколько несовершенна структура подобных дьюевских индексов, можно судить, взяв для примера какой-либо составной, строго „по Дьюи“ комбинированный индекс, в роде 016.58194731, долженствующий обозначать библиографию флоры Московской губернии, и сравнив его с соответственным международным индексом 016 : 581 (47 . 31).

Таковы лишь наиболее резко бьющие в глаза несовершенства классификации Дьюи сравнительно с классификацией международного Библиографического Института. В действительности, таких несовершенств, в чем каждый лично мог бы убедиться, внимательно проследив обе схемы, значительно больше. Их настолько много, что мы в праве говорить о двух классификациях: 1) дьюевской, построенной на децимальных принципах бостонского библиотекаря Нафанаила Шертлефа, и 2) международной, созданной на тех же принципах Международным Библиографическим Институтом.

Рассматриваемые в грубых очертаниях, эти схемы как будто идентичны. Стоит, однако, заглянуть в них глубже, чтобы сразу обрисовалась между ними резкая разграничительная линия.

На это печальное явление не должен закрывать глаза сознательный децималист, как бы ни хотелось ему верить, что десятичная классификация как в Америке, так и во всех других частях света одна и та же.

Обстоятельство это, повидимому, учтено и самим Дьюи, который для каждого нового издания своих таблиц (до 1915 г. их вышло уже 9) черпает готовые индексы из таблиц Международного Института. Но как бы в этом отношении далеко он ни зашел, разница между обоими классификациями не исчезнет до тех пор, пока Дьюи не признает свои таблицы материалом, готовым для архива.

* * *

Начал я свой доклад с петроградского эпизода—покушения э негодными средствами на международную десятичную классификацию. Кончать приходится оценкой попытки, имевшей более серьезные последствия.

К этой оценке в сущности и сводится мой доклад, центральная часть которого, различие между системой Дьюи и международной, служит базой, на которой должны покоиться наши выводы.

Виновники классификационного раскола, называющие себя сторонниками Дьюи, появились в Москве среди библиотекарей, всем вам известных из деятельности их в Русском Библиотечном Обществе.

Свой поход против международной десятичной классификации они объясняют тем, что названная классификация пригодна лишь для работ библиографических, и что для библиотечной работы должна быть принята более упрощенная система, каковой они считают классификацию Дьюи.

Пока вопрос не выходил за пределы чистой теории, можно было думать, что речь идет о подлинной классификации Дьюи, которая, несмотря на свои несовершенства, все же представляет собой серьезную попытку классификационной схемы.

Опубликованные таблицы сразу вскрыли истинную сущность „дьюистов". Книжная Россия увидела не Дьюи, а „чудище обло": новую десятичную систему, которая одинаково далека как от международной, так и от Дьюевской.

Что эта новая система, вопреки утверждению ее авторов, далека от системы Дьюи, не трудно показать.

Квалицифируя свою работу, как насаждение на русской почве системы Дьюи, они на самом деле дают классификационный винегрет, в котором система Дьюи приготовлена с примесями и от Международного Библиографического Института, и от собственного разума.

Так, дьюисты сразу же исказили Дьюи, надев на свою систему броню 3-х знаков, благодаря чему для индексов с 1 и 2-мя знаками они сохранили дьюевские нули, а от дьюевских индексов с 4-мя и большим количеством знаков откинули эти „лишние“ цифры.

Эта операция была произведена для „уравнения“, и в ней наши дьюисты видели свое главное превосходство как перед системой международной, так же и перед Дьюи, который, как известно, позволял себе грешить такими индексами, как 581.9, 331.89, 616.986 и т. д.

У дьюистов, таким образом, получается картина далеко не дьюевской кисти: в книжных каталогах, которые призваны возможно ярче отразить разнообразие научных явлений, царит мертвая искусственность, все индексы ограничены 3-мя знаками, точно жизнь вселенной так монотонна, что все ее явления имеют одно значение.

Прокрустово ложе такой схемы не могли не почувствовать и некоторые из наших дьюистов. Но гипноз 3-х знаков оказался так велик, что они предпочли пожертвовать даже таблицами самаго Дьюи, лишь бы не выйти из заколдованного круга, в который они себя заключили. И вот мы видим в качестве индекса географии России, вместо 4-х значного подлинного дьюевского 914.7, взятое дьюистами совершенно произвольное трехзначное число 913, которое по таблицам Дьюи символизирует... древнюю археологию.

Справедливость требует, однако, сказать, что не все дьюисты оказались столь смелыми реформаторами; некоторые из них ограничились более скромным коррективом к таблицам Дьюи: в тех случаях, где дьюевские индексы превышают 3 знака, решено этим „лишним“ знакам придавать вид едва заметных цифр. Таково происхождение таких индексов, как, напр., 914.$_7$ или 891.$_7$, где под микроскопическими семерками скрыт символ России.

Едва ли следует добавлять, что дьюисты, следуя за Дьюи, изгоняют из своей системы и определители.

Но и здесь они, как оказывается, остаются дьюистами больше на словах. По системе Дьюи, правда, не имеющей определителей в форме, данной Международным Институтом, в иных случаях роль определителей несут, как известно, конечные знаки основных индексов, которые, благодаря этому, имеют нередко 4,5 и большее число знаков.

Дьюисты в подобных случаях неумолимы; никаких конечных знаков, хотя бы и в виде маленьких привесков, они не допускают. Поэтому, напр., такие рубрики, как законодательство Англии, Германии и пр., выраженные у Дьюи под индексами 340.42, 340.43 и т. д., у дьюистов имеют одно и то же выражение 340.

Такова классификационная система наших дьюистов, которые несут на себе грехи как самого Дьюи, так и перед Дьюи. Но самый большой их грех перед международной десятичной классификацией: они не только срывают единый библиографический фронт, не успевший еще в достаточной мере укрепиться у нас в России, но и дискредитируют самую идею библиографического интернационала, так как все бьющие в глаза дефекты дьюистов нередко приписываются неповинной в них международной классификации.

Вред, который причинили дьюисты, особенно значителен потому, что свои идеи они разбросали главным образом по провинции, заполнив ее „популярными“ брошюрками, где доморощенные индексы переплетаются с подлинными и искаженными индексами как Международного Библиографического Института, так и Дьюи.

Провинциальный библиотекарь волей-неволей должен расхлебывать всю эту кашу.

Вот перед ним индекс 940, под которым значится рубрика „история в средние века и новая“. Здесь,—умозаключает библиотекарь,—идет речь об истории всех народов за последние 15 веков. И он будет прав, фиксируя под указанным индексом все исторические сочинения от 5-го века нашей эры, не подозревая того, что у подлинного Дьюи под 940 значится история лишь европейских народов, так как для других народов Дьюи дает и другие индексы: 950, 960, 970 и т. д.

Для возможно более беспристрастной характеристики деятельности наших дьюистов откроем одну из наиболее ярких страниц в „труде“ одного из наиболее усердных дьюистов.

Автор советует библиотекам держаться „возможно более дробной классификации“, распределяя книги на „много мелких отделов“, хотя бы по отдельным вопросам было всего „одна—две книжки“.

Как отнестись к этим словам, видя тут же, несколькими строками выше, что автор из страха перед 4-значным индексом не постеснялся подкинуть Мельвилю Дьюи для географии России индекс 913.

И не звучат ли перед вами злой иронией слова того же дьюиста, проповедующего „однообразие, единство, общий язык для всех библиотек“?

А. В. Цикуленко. — *Идейные основы подготовки библиотекарей.*

Прежде чем говорить, как надо вести подготовку библиотекарей, необходимо сначала остановиться на том, какой библиотекарь в Красной армии нам сейчас нужен, к чему он должен стремиться, как работать, что в своей работе ставить на первое место.

Оглянемся на наших учителей, на библиотеки гражданские и посмотрим, каковы эти библиотеки. Начнем прежде всего с того, какой слой населения они обслуживают. В городских библиотеках мы видим детей, учащихся, служащих. Рабочих так мало, что можно коротко сказать, что их нет. Приспособлено-ли все в них так, как удобно рабочему? Нет, не приспособлено. Наоборот, обыкновенно все устроено так, что рабочему все там неудобно, все чуждо: стеснительны правила библиотеки, непонятны каталоги, нет возможности выбрать подходящую книгу, вход, обстановка, сам биб-карь, его работа,—одним словом, весь быт наших библиотек чужд рабочему, все приспособлено для интеллигенции, пропитано буржуазно-интеллигентским духом от начала до конца. Напр., возьмем читальню Румянцевского музея. Могут туда ходить рабочие? Никогда. Их там обижать не будут, а ходить туда они все-таки не будут.

И вот с этих-то библиотек и берут пример наши красноармейские библиотеки. Нам же надо, наоборот, посмотреть, как идет работа в гражданских библиотеках, и сделать у себя все не так, как у них.

Отклонимся немного в сторону и посмотрим на окружающую нас жизнь. Гражданская война ведется, как мы все знаем, не только Красной армией на фронте, она ведется и тут у нас в тылу за новое общество, основанное на новой организации труда, за новые хозяйственные отношения, за новую культуру. Культура буржуазного общества была основана на его хозяйственных отношениях, т.-е. на хаосе в производстве, на личном усмотрении в нем и личном интересе. Новая пролетарская культура имеет в своем основании дисциплинированную организованность, интересы класса пролетариата и подчинение личных интересов интересам коллектива. На этих основаниях и должна быть создана новая библиотека, библиотека, отвечающая интересам рабочих и только рабочих. Библиотека, как и все другие учреждения, имея такие формы, которые совпадают с интересами пролетариата, тем самым укрепит его в борьбе за новую организацию общества, съэкономит его силы и увеличит его влияние на другие классы общества и тем поможет ему привлечь их к себе на помощь.

Гражданская война в области культурного строительства должна быть особенно беспощадной, потому что определение пролетарских линий в культурной работе еще только намечается. Обывательская снисходительность и добродушие тут недопустимы, так как новое всегда бывает сначала слабее старого, которое сильными и крепкими руками старается удержать жизнь в своей власти пуская в ход старые авторитеты, верно расчитывая на привычку преклоняться перед ними.

Революция в области школьной жизни и в вопросах воспитания нами уже пережита. Еще в 1918 г. на конференции представителей пролетарских культурно-просветительных организаций была отвергнута декларация „прав ребенка“, прочитанная на конференции от кружка педагогов во главе с знаменитым деятелем прежних лет Вентцелем. Она отвергнута была потому, что клала в основу воспитания личные желания ребенка. Представители пролетарских организаций потребовали нового воспитания, в основу которого была бы положена идея подчинения личного желания интересам коллектива. То же мы видим и в школе. Буржуазной науке и буржуазному быту в ней объявлена гражданская война. Так, например, в начале октября мы все читали в газете „Правда“, что таких-то и таких-то товарищей человек 15, обязывают написать новые учебники, напр. М. Н. По-

кровского обязали написать III-й том русской истории, с освобождением его от всех обязанностей в Наркомпросе в течение $1^1/_2$ месяца.

Объявлена ли гражданская война в области библиотечного дела? Нет. Мы думаем, что у нас все благополучно. Мы так пропитаны буржуазной идеологией, что не замечаем даже этого угара, не замечаем его так, как не замечаем воздуха вокруг себя. Наши враги предсказывают нам поражение только потому, что буржуазная культура сильнее пролетарской и „сколько бы Красная армия ни одерживала побед — говорят они — вы будете порабощены буржуазией, ее культурой“.

Новые библиотеки, библиотеки пролетарской культуры, совпадающие всецело с интересами борющегося за новую жизнь пролетариата, могут быть созданы только самим пролетариатом, а потому все библиотеки, как и другие очаги создания новой культуры, как театры, школы и проч., должны быть в его руках.

Привлечь в библиотеку рабочих и крестьян, именно тот слой населения, который старым режимом отстранялся от знаний, от книги, также смогут лучше сами рабочие. Истина азбучная, а приходится о ней говорить, потому что еще многие, многие посылают всегда на библиотечные курсы только-что кончивших среднюю школу девочек, и во многих красноармейских библиотеках можно найти „барышень“ в полном смысле этого слова. Что может быть общего между интересами красноармейца и барышней лет 17—18?

Из всего вышесказанного делаем вывод, что на библиотечные курсы необходимо принимать только красноармейцев, бывших рабочих и крестьян.

Теперь перейдем к следующей задаче библиотеки, а следовательно и библиотекаря.

В нашей теперешней жизни очень часто употребляются слова: „коммунизм“, „коммунистический“, „коммунальное хозяйство“, „с.-х. коммуна“ и т. п., и т. п. Когда же приглянемся ближе к этим учреждениям, то, к сожалению, во многих случаях мы видим, что прилагательное „коммунистический“ совершенно не соответствует тому существительному, к которому оно прилагается. Делают это очень часто для того, чтобы отвязаться от настоящей сути дела. Поставят ярлык и спокойны, все благополучно. Такое неправильное наклеивание слова совершенно беспо-

лезно, а иногда и вредно. Необходимо, чтобы дела были коммунистические, а не слова. Злоупотребление этими словами бывает очень часто, но бывает и другое... совершенно противоположное. Есть люди, которые боятся этого слова и стараются обойти его, замолчать, и если даже оно встретится им на пути, то они постараются его не замечать, назовут „революционный“, „марксистский“, „революционно-марксистский“, „трудовая справедливость“, но только не коммунизм. Теперь перейдем к библиотеке. Нужно-ли, на месте ли будут слова, если мы скажем, что библиотека должна быть коммунистической? Есть мнение, что библиотека должна быть беспартийной. Но что такое беспартийная библиотека? Если быть последовательным, то это такая библиотека, которая дает рабочему книгу, как победить капиталиста, а капиталисту, как задавить рабочего и выжать из него большую прибыль; которая будет иметь книгу о чудотворных мощах, распространяющую самые грубые суеверия и, конечно, другую, критикующую эти мощи, и т. п., т.-е. библиотека будет класть один кирпич для тюрьмы, а другой для освобождения трудящихся, и туда и сюда, на обе стороны.

Нужна ли нам теперь, в данный момент, такая библиотека?

В острый момент гражданской войны, когда часть красноармейцев льет свою кровь за идеалы Советской власти, за идеалы коммунизма, а все лишаются всех удобств и каждую минуту рискуют своей жизнью, красноармейская библиотека должна ли активно участвовать в борьбе за новую жизнь? Конечно, да. Она обязана принимать самое горячее участие в строительстве новой коммунистической жизни, она должна итти впереди этой борьбы. Беспартийной библиотеки в Красной армии не должно быть.

Но могут возразить, что тогда все библиотекари должны быть коммунистами. Да, правильно, желательно, чтобы все библиотекари были коммунистами, чтобы тот человек, в руках которого такое богатство, такое сильное орудие, как книги, был коммунистом. Говорят, хорошо, чтобы коммунисты были в транспорте, в снабжении, в производстве и т. д., но тогда у книг должен быть тем более коммунист.

А потому второй вывод: на курсы необходимо принимать по возможности коммунистов — и обязательно сочувствующих, преимущественно рабочих, по своему классовому положению носящих в своем сознании элементы коммунизма, и ни в каком случае не принимать беспартийную интеллигенцию.

Теперь перейдем к нашему третьему положению, будем говорить о методах подготовки библиотекарей, как способе в достижении тех двух задач, о которых сейчас говорилось.

Когда вопрос идет о партийной работе библиотеки, то сплошь и рядом можно встретить такое представление о ней, что это выдача как можно большего числа книг о коммунизме.

Такое представление совершенно неправильно, библиотека должна и непосредственно участвовать в окружающей жизни, напр., участвовать в устройстве „недель крестьянина", „фронта", „труда", способствовать увеличению грамотности, общего развития и проч. Иногда взятые книги бывают совсем не прочитаны, или прочитаны, но не поняты, или прочитаны, но не до конца, или, что самое худшее, книга не читана, а искурена. Следовательно одной выдачи книг мало, библиотекарь должен сделать так, чтобы тема взятой книги заинтересовала читателя, чтобы книга была понята и т. д. Мы видим, что главной работой библиотекаря должна быть творческая работа, на этом мнении все сходятся, а между тем в жизни таковых библиотекарей очень, очень мало.

Среди окончивших библиотечные курсы мы таковых тоже не видим, наоборот, большей частью это библиотекари-схоластики, попадая на место, они зарываются в технику, мало обращая внимания на все остальное. Вот, например, характерные эпизоды. Встречаю знакомых библиотекарей, недавно окончивших библиотечные курсы и начавших работать в провинции.

Распрашиваю об их работе. Жалуются, что в провинции совсем нельзя работать. „Почему?" — спрашиваю. „Да представьте,—отвечают, — карточек нет, конвертиков нет, картону нет"...

И начинается разговор о каталогах, инвентаре и проч., а об остальном ни слова. Другой случай. Вхожу в одну из библиотек в Москве, поставленную очень и очень плохо, и вижу новую работницу. Спрашиваю: „Нравится вам тут в библиотеке?" „Помилуйте,—отвечает она,—такое безобразие, № ставят не справа, а слева", а о крупных недостатках ни слова. Можно подумать, что как в первом случае, так и во втором этим новым библиотекарям на курсах, где они были, не говорилось, что библиотека должна быть активной, искать читателя, пропагандировать библиотеку и т. д. Конечно, говорилось, но беда в том, что именно только говорилось, а привлекали ли они сами, самосто-

ятельно, читателей—нет, заинтересовали ли темой книги, которую они хотят дать читателю—нет, объясняли-ли сами книги читателям—нет. То, что они на курсах делали, они и в библиотеках делают, а то, о чем им на курсах только говорили, некоторые помнят, а другие и забыли, но все не умеют делать. Подготовить библиотекарей деятельных, которые бы ставили на первом месте в самом деле главные и нужные задачи и умели бы с ними справиться, нам необходимо во что бы то ни стало.

Если даже на курсы будут приняты только рабочие и только одни коммунисты, но если на этих же самых курсах мы погрузим их в карточки, конвертики и проч., то мы можем быть уверены, что деятельных, нужных нам библиотекарей мы не создадим. У нас будут библиотекари-схоластики, не умеющие делать самого главного, что должен уметь библиотекарь. Отсюда вывод—метод преподавания библиотековедения должен быть не лекционным, а основанным на общественно-необходимом труде при какой-нибудь уже имеющейся библиотеке или только-что еще организующейся. Не надо смешивать эту работу с так-называемыми практическими занятиями в библиотеке; нет, это должна быть работа, из которой учащийся должен исходить в своих занятиях на курсах. Он должен приучиться на ней делать то, что требуется в данной местности, для данной библиотеки, для данных читателей и в данный момент.

Учащиеся должны суметь сделать все выводы из своих работ, конечно, при соответственных указаниях руководителей.

Организовать трудовой метод подготовки библиотекарей, конечно, труднее лекционного. В последнем случае один лектор может читать лекцию хоть тысяче человек. Поставить лавки для „слушателей“, стол и стул для лектора—и все тут. Это фабричный способ приготовления библиотекарей.

При малейшей возможности необходимо упразднять лекционный способ преподавания, лекции заменять беседами, беседы — семинариями, семинарии—трудовым методом.

Я. Киперман. *Задачи и средства библиотечной активности.*

Методология активной библиотечной работы мало разработана. Неопределенность обиходной терминологии.—Термин—библиотечная активность—как наиболее подходящий.—Необходимость переоценки методов и средств активной библиотечной работы с точки зрения Октябрьской революции.—Анализ условий библиотечной работы в Красной армии.—Характерные черты психологического типа начинающего читателя.—Выявление главнейших методов активной библиотечной работы в соответствии с условиями работы.—Руководство чтением, как основная задача библиотечной активности. — Организационная сторона вопросов. — Организующее значение библиотечных центров и творческая роль библиотекарей.—Очередные задачи тех и других.—Библиотечные советы, как промежуточная организационная единица.—Первая группа средств активной библиотечной работы: рекламирование библиотеки и книги, благоустройство библиотеки, работа с иллюстрированными и другими рекомендательными списками, организация чтений вслух, кружков, судов и проч.—Вторая группа средств: организация справочной работы в библиотеке (непосредственно-справочная работа, работа с газетой и декретами, организация почтового отделения).—Основной организационный принцип в осуществлении активной библиотечной работы.—Новая книга и библиотека.

В любом из современных определений понятия „библиотечная работа“ активность подчеркивается, как отличительный признак этого понятия.

С особенной яркостью сказано это Рубакиным в его образных, полных глубочайшей убежденности словах, посвященных задачам современной библиотеки.

„Необходимо сделать так,—говорит он,—чтобы книги ежедневно вылетали из библиотеки, как искорки из фабричной трубы и неслись бы во все стороны, отыскивая для себя подходящий материал“.

Или в другом месте: „Мы должны сделать библиотеку живым организмом. Мы должны сделать этот организм своего рода питомником самых полезных общественных микробов. Каждая книга должна быть таким микробом; эти микробы должны летать во все стороны из этого нашего организма, с нашею... именно нашею планомерною и сознательною помощью“.

Не менее красочно этот принцип активности оттенен в американском образе, уподобляющем библиотеку водопроводу, разносящему живительную влагу знания по улицам и домам.

И тем удивительнее, что методы, помощью которых надлежит осуществлять этот основной принцип библиотечной работы, разработаны слабо и поверхностно, что литература, посвященная этому вопросу, слишком незначительна: несколько десятков страниц в книжках Л. Б. Хавкиной, Медынского, статья Невского, брошюра Покровского—и вот, в сущности, все, что есть значительного по этому вопросу.

Он разработан вопиюще мало, начиная с терминологии, неясной и запутанной до сего дня. Какими только словами не пытаемся мы определить тот круг понятий, который подразумевается под активной библиотечной работой.

В обыденной терминологии фигурируют слова: „внутренняя“ библиотечная работа, „культурная“ или „идейная“ работа библиотеки, „средства привлечения читателя и приближения книги“, „социально-просветительная“ работа библиотеки и т. д. и т. д.

И характерно то, что ни одно из этих выражений не завоевало себе преимущественного права гражданства ни в литературе, ни в разговорной речи: они употребляются равно все, и неизвестно почему одному из этих выражений отдается предпочтение перед другим.

Быть может в силу их нехарактерности, неблагозвучности—безразлично какое из них употреблять, безразлично, наконец, в силу того, что каждое из них освещает понятие библиотечной активности лишь с одной какой-либо стороны или вовсе не определяет его.

Начнем с термина „внутренняя“ работа, термина, совсем не соответствующего понятию, ибо та часть библиотечной работы, которая определяется этим термином, лежит во всех своих планах вне библиотеки, имеет одно устремление—от библиотеки к читателю. Если работу над организацией библиотечной техники еще можно назвать „внутренней“ работой библиотеки, то устремление последней по привлечению читателя и продвижению книги, когда объект библиотеки находится вне ее,—никак нельзя назвать термином „внутренняя“ работа.

Чем, как не тавтологией являются слова „культурная“ или „идейная“ работа библиотеки? Разве работа с книгой и читателем в общественной библиотеке может быть не идейна, а тем более не культурна сама по себе? Даже на самых низких ступенях развития она несет в себе эти элементы идейности и культурности.

То же самое можно сказать о словах „социально-просветительная работа“, ибо общественная библиотека (а мы такую только имеем в виду) есть учреждение социальное и осуществляет работу социальную (в противоположность библиотеке домашней, частно-владельческой) и работа ее, хотя бы элементарно, но просветительная обязательна. И подчеркивать это в определении совершенно излишне.

Определение библиотечной активности, как работы по „привлечению читателя и продвижению книги“, характеризует лишь техническую сторону активной библиотечной работы, определяет средства ее, зато ни в одном из упомянутых определений не подчеркнут отличительный признак современного понимания библиотечной работы—ее активность.

Это слово определяет не только характер библиотечной работы, но и устремления ее вне библиотеки, идеологическую сущность всей работы.

Резкое и определенное, ударное слово это характеризует понятие в его сущности, охватывает его в целом, не оставляет места сомнениям и неясностям.

Оно должно завоевать право гражданства, должно войти в наш лексикон.

Но оставив терминологию в стороне, спросим, неужели революционная эпоха не внесла нечего освежающего, нового в разработку методов и средств библиотечной активности, не углубило этого вопроса?

Необходимо признать, что эта эпоха не отметила себя пока еще ни чем в этой отрасли внешкольного образования.

Возьмите любую из брошюр по библиотечному делу или другой отрасли внешкольного образования из массы издающихся сейчас внешкольными отделами наробразов, библиотечными отделами политотделов и т. д., возьмите любую из этих брошюр и вы обязательно там встретите стереотипные фразы о роли библиотекаря в библиотечной работе, о первенствующем значении в этой работе той ее части, которая направлена на привлечение читателя в библиотеку и продвижение книги в читательскую массу.

В каждой из этих фраз вы слышите отголосок, повторение „классических“ страниц из книг Медынского, Невского, Хавкиной и Покровского.

Я не скажу, что эти повторения бестолковы, ошибочны—нет Они скорее слишком верны, черезчур точны, фотографичны...

И оттого в наши дни они не имеют души живой; нечего и говорить, что конкретный материал, представляющий наибольшую ценность в брошюрах, о которых идет речь, отсутствует почти совсем, что в сущности страницы этих брошюр лишь регистрируют, перечисляют те методы и средства активной библиотечной работы, тот канон, который был установлен упомянутыми авторами.

Я сказал: был установлен. Не важно, что эта давность по времени не велика—не важно потому, что после октября она сделалась уже исторической давностью, чем то „давно прошедшим".

А в работе внешкольной, где гибкость методов и приемов, приспособленность их к самым тончайшим изгибам условий обстановки работы есть главный принцип, первая заповедь для внешкольника, и в этой работе, спрашиваю я, можно ли применять приемы, имеющие историческую давность?

Этим вопросом не задавались авторы многочисленных брошюр по библиотечному делу, вышедших за последнее время. Каноны Медынского и Хавкиной повторяются ими рабски, схематизируются (опущен даже наличный конкретный материал), а относительно применения их в новых условиях работы не говорится ни слова [2].

Этим последним обстоятельством убивается все то живое, „вечное", что было в этих канонах, и особенно это нужно подчеркнуть в отношении нашего времени, после пережитых эпох войны и революции.

Кто знает эти условия (особенно условия работы в Кр. армии), тот только удивится, прочтя в современном „Руководстве" о „часах рассказывания" в красноармейской библиотеке, об организации кружков самообразования, литературных и др. (без всякой конкретизации этого вопроса, потому что автор, наверно, имеет понятие только об интеллигентных кружках такого типа), о составлении библиотекарем рекомендательных списков книг по разным вопросам (это предлагается заведывающим передвижными библиотеками), об осуществлении метода открытого доступа к полкам, наконец, об устройстве лекций и собеседований о книге, а также по вопросам чтения (в пояснение этой фразы не только не приведена хотя бы примерная программа лекции или указаны материалы и источники для лектора, не только не сделано даже этого, но вообще не сказано более ни слова).

Подобного рода примеров я мог бы привести достаточное количество.

И так как регистрация приемов „культурной“ библиотечной работы не представляет большого труда, то во всех брошюрах эти приемы перечислены вполне добросовестно, и в количестве обильном.

Задавая вопрос можно ли в наших условиях пользоваться приемами, имеющими „историческую давность“, я не думал отрицать абсолютную ценность этих приемов, но полагаю, что они сохранят всю свою действенную силу в настоящий момент лишь в том случае, если мы пересмотрим основные предпосылки активной библиотечной работы, определяющие эти приемы, если мы выявим эти предпосылки в соответствии с текущим моментом, и под таким углом зрения рассмотрим методологию активной библиотечной работы.

Особое значение это приобретает, если иметь в виду условия работы в Красной армии, условия чрезвычайно своеобразные. Необходимо проанализировать эти условия в их отношении к организации активной библиотечной работы.

Первое, что нужно отметить, это эфемерность всего здания этой работы: таким его делают обстановка гражданской войны вообще, изменение самого института Красной армии (трудармии и милиционная система, как перспективы ближайшего будущего), текучий состав всех частей армии в отношении определенной территории и, наконец, текучесть людского состава этих частей.

Все это вместе, а особенно последние обстоятельства, когда читатель остается в сфере влияния определенной библиотеки самое непродолжительное время и не может быть изучен ею, когда библиотека имеет дело с постоянно меняющимися волнами все новых и новых читателей, к запросам которых нужно лихорадочно, поспешно применять свою работу, чтобы через неделю опять поставить себе новое задание в соответствии с новой человеческой волной,—все это должно делать работу библиотек не только эфемерной, лишенной прочности, но и поверхностной. Гораздо более благодарной деятельностью в этом отношении является деятельность среди населения гражданского.

Другое неблагоприятствующее условие работы я определяю, как несоответствие читательской массы географическому положению данной библиотеки, и рядом чрезвычайное разнообразие читательских типов. Действительно, сплошь и рядом, библиотеке,

расположенной где-либо в Витебской губ., приходится иметь своим объектом красноармейца-читателя южных или восточных губерний Республики со всем своеобразием их национально-бытовых черт.

Локализация средств работы, приспособление их к этим национально-бытовым чертам читателя, понятно, очень затруднительна.

Разнообразие же читательских типов, делая невозможным их систематическое изучение со стороны библиотеки, тем самым парализует правильную постановку работы по руководству чтением.

Все это специфические условия работы в армии.

К этому нужно присоединить не менее специфические условия наши, как-то: отсутствие опытных работников, оторванность политическо-просветительных организаций Красной армии от таких же организаций среди гражданского населения, наконец, отсутствие удобств и других материальных средств для широкой организации дела, что связано непосредственно с подвижным характером единиц армии.

Но в нашей работе есть и условия, положительно влияющие на развитие дела. Из них нужно указать, во-первых, на однородность бытовых условий, в которых находятся читатели-красноармейцы.

В какой огромной степени эти бытовые условия влияют на работу библиотек среди гражданского населения и влияют как раз в обратную сторону: разная обеспеченность, состав семьи, условия труда и т. д. и т. д., все это делает отношение к библиотеке читателя из гражданского населения крайне разнообразным и неровным.

Другим благоприятствующим условием в нашей работе является равная удаленность всех читателей-красноармейцев от библиотеки.

Эти два условия работы дают возможность красноармейцу-библиотекарю привлечь в число читателей своей библиотеки всех красноармейцев данного района, все 100% их, что является недостижимым идеалом для библиотеки, обслуживающей гражданское население.

Таковы основные черты своеобразия работы в Красной армии.

Старые методы работы, сломанные революцией, требуют дальнейшей ломки и приспособления к этим чрезвычайно своеобразным условиям работы.

И особенно это нужно сказать о методах активной библиотечной работы, хрупкой и чуткой по существу своему.

Очевидно необходимо по-новому определить относительную важность каждого из методов, вложить во многие из них совсем иное внутреннее содержание, взвесить каждый метод со стороны возможности его применения: 1) в наших условиях вообще, 2) библиотекарями-красноармейцами, 3) в красноармейских библиотеках разных типов.

Но было бы слишком недостаточно остановиться лишь на анализе чисто внешних условий нашей работы.

Нужно приглядеться еще к объекту ее—к рядовому читателю-красноармейцу.

В массе мы имеем перед собой в красноармейских библиотеках читателя, начинающего, неподготовленного, не умеющего не только „читать", в точном смысле этого слова, но не научившегося еще держать книгу. Полагаю, что положение это достаточно наблюдено и не требует доказательств.

Начинающий читатель не любит книг теоретических, с отвлеченными рассуждениями: он предпочитает рассказы фактического характера, наблюдения, он практик; рассуждения он не способен запомнить; да на них и труднее сосредоточить свое внимание, еще недостаточно гибкое и прочное, а, следовательно, отсутствует усвоение прочитанного, т.-е. чтение оказывается безрезультатным. Легче усваивается им беллетристика, художественная проза, ибо, как тип начинающий, читатель обладает слабым воображением и этот недостаток требует восполнения извне. Беллетристика отвечает и природной (если можно так выразиться) у начинающего читателя эмоциональности (преобладанию чувства), наконец, чтение беллетристики не требует значительных усилий внимания и усвоение достигается легко. „Мы знаем, говорит Е. Н. Медынский, что раствор усваивается организмом легче, чем твердые вещества; беллетристика зачастую представляет собой, так сказать, раствор тех или иных идей и теорий, воплощенных в жизни".

Данные о читательских интересах в красноармейской массе вполне подтверждают такую характеристику психологического типа начинающего читателя.

Наибольший спрос в красноармейских библиотеках падает на беллетристику (на „романы") и на книги по прикладным знаниям (сельское хозяйство, ремесла и пр.).

Если мы теперь примем во внимание, что наш читатель в массе крестьянин, то чисто практический уклон его интересов этим обстоятельством подчеркивается. Читателю-горожанину, особенно рабочему, доступны отвлечения, умозрительные теории: фабрика, город приучили его к обобщениям и широким построениям; крестьянин-же практик, материалист по преимуществу.

Далее необходимо подчеркнуть еще то обстоятельство, что начинающий читатель не только не имеет ясных представлений о значении книги, о пользе чтения, но самое главное у него нет запаса эмоций, чувствований, связанных с возвышающим влиянием чтения.

Вот почему способ подхода к начинающему читателю с лекцией „О значении и пользе чтения“ дает слишком незначительные результаты: пока этот читатель практически или эмоционально не поймет, вернее почувствует дружественную помощь книги в жизни, до тех пор он еще не завоеван для библиотеки.

Наконец, нельзя упустить еще одного бытового условия, специфического для армии. Это условие: оторванность красноармейца от привычного уклада жизни, от усвоенных представлений, во время пребывания его в армии. Находясь в совершенно незнакомом подчас городе, в чуждых бытовых условиях, соприкасаясь с иными интересами, будучи сам в центре грандиозных событий мощного и своеобразного строительства, попав в эту новую для себя обстановку, красноармеец естественно нуждается в осведомлении, указаниях, разъяснениях. Понятно, библиотека должна оспаривать возможность первой помочь этому красноармейцу, ибо библиотека передовой пост внешкольного образования, самый чуткий его орган.

Резюмирую:

1. Психологический тип начинающего читателя вообще и психологический тип читателя-крестьянина, которого в массе мы имеем перед собой, в своих интересах к чтению исходит из жизненных бытовых запросов; интересы его имеют уклон чисто практический.

2. Кроме того, новизна и своеобразие бытовых условий жизни читателей-красноармейцев ставит перед ними целый ряд вопросов практического и отвлеченного содержания, требующих ответа.

3. У начинающего читателя отвлеченные представления о значении чтения, положительные переживания, связанные с чтением, отсутствуют.

4. Активная библиотечная работа должна исходить из необходимости удовлетворить практические интересы начинающего читателя в первую очередь, и дать ему возможность запастись эмоциями чтения, которых у него нет.

Только на этом фундаменте библиотечная активность приобретает прочность.

Оказывая действенную помощь читателю в его естественных практических запросах, в его обыденных потребностях, мы только и можем завоевать его для книги. Этому читателю необходимо дать возможность почувствовать огромную социальную роль библиотеки, показать библиотеку, как учреждение, в такой же мере полезное, необходимое, как почта, железная дорога, баня.

Таким образом, приспособление методов и средств активной библиотечной работы к условиям работы в армии можно формулировать так:

1) Осуществление прямой полезности библиотеки является основным методом работы.

2) Вследствие краткости срока, в течение которого читатель находится в сфере влияния данной библиотеки, а также в силу единообразия некоторых черт психологического типа начинающего читателя, которого мы в массе имеем перед собой, методы активной библиотечной работы должны быть рассчитаны на массовое воздействие. Это предполагает необходимость организации читательской активности, отношение которой к активной библиотечной работе можно формулировать так: активность читателей прямо пропорциональна активности библиотеки.

3) Локализация приемов активной библиотечной работы является важнейшим ее методом; она должна быть применяема в каждом данном случае в соответствии с боевым или техническим назначением данной воинской части, преобладанием в ней того или другого национального элемента, количеством неграмотных, наконец, в соответствии с текущим политическим моментом.

4) Индивидуализация отдельных приемов (особенно связанных с руководством чтением) должна предполагать не отдельные читательские личности, но определенные, однородные, в том или ином отношении группы, т. е. индивидуализация должна исходить из принципа массового воздействия.

5) Вследствие краткости срока, в течение которого читатель-красноармеец находится в зоне влияния данной библиотеки, все

методы активной библиотечной работы должны быть рассчитаны на столь же краткий промежуток времени.

Такие выводы диктует нам анализ условий работы в отношении локализации методов библиотечной активности.

Основатели наших канонов в области внешкольного образования считают локализацию одним из основных принципов работы.

И мы видим, что эти каноны претерпели значительную эволюцию, что-бы не сказать революцию, от приложения этого принципа, от столь необходимого приспособления методов работы к ее условиям.

Далее необходимо отметить, что в тех канонах, о которых идет речь, не выявлено основное устремление библиотечной активности, не определена ее главная задача.

Если принять ходячее определение: методы и средства „привлечения читателя в библиотеку и приближения книги к читателю“ за такую формулировку основной задачи библиотечной активности, то нужно возразить, что эти методы есть не более как техническое средство, что „привлечение читателя“ так-же как „продвижение книги“ должны предполагать какую-то цель и цель, понятно, идеологическую.

Этой целью может быть одна цель—руководство чтением.

Замечу, что вопросы руководства чтением трактуются обычно у Медынского, Хавкиной, Покровского вне той зависимости, какая указана здесь.

Таким образом, задача привлечения читателя и приближения его книге, являясь лишь средством для осуществления основной задачи руководства чтением, в трактовке упомянутых авторов, отмечена чертой определенной беспредметности, в чем ясно видно влияние старого взгляда на библиотеку, как на учреждение лойяльное и аполитичное.

Задачи же руководства чтением формулированы у Медынского так: „направлять чтение, развивать интересы, вкусы и запросы читателя, углублять действие прочитанной книги и удовлетворять уже имеющиеся запросы“.

Однако, эта формула нас не может удовлетворить; в какую сторону направлять чтение? Что является критерием для развития у читателя вкусов и запросов? Имеется ли в виду этой формулой углублять действие всякой прочитанной книги или нет?

Ясно: формула страдает отвлеченностью, беспредметностью.

Покровский эту задачу руководства чтением определяет в том, „чтобы: 1) вовсе не чтитающие стали читать, 2) читающие плохие и несерьезные книги стали читать книги хорошие и серьезные, 3) читающие беспорядочно или односторонне перешли к систематическому чтению для самообразования“,

Опять не указано главное: идеологическое устремление задачи руководства; потому-что все перечисленное Покровским есть задачи второстепенные, есть не более как технические приемы в известном смысле.

Более определенные формулы Рубакина и Хавкиной. Последняя говорит: „необходимо, однако, помнить, что руководительство —лишь воспитательный путь, а конечная его цель — выработка в читателе самостоятельности“.

Но самостоятельность может наступить лишь тогда, когда читатель будет обладать определенным критерием оценки, определенным своим миросозерцанием (вспомним слова Рубакина: „чтение—это создание собственных мыслей при помощи мыслей других людей“).

Руководя чтением, мы, должны, следовательно, дать читателю определенное миросозерцание, с точки зрения которого он будет расценивать окружающую жизнь и мудрость книг, с помощью которого он сумеет самостоятельно ориентироваться в фактах жизни и книгах.

С момента приобретения такого миросозерцания и наступает самостоятельность читателя, а вместе с тем заканчивается и творческая работа библиотеки по отношению к этому читателю.

Следовательно, сообщение читателю такого определенного миросозерцания, при помощи руководства его чтением — вот задача этого руководства и вот в чем ее идеологическое устремление.

Несомненно, что эту идеологическую основу задачи руководства чтением мы понимаем определенно, вкладываем в нее вполне конкретное содержание, в соответствии с главной задачей библиотечного строительства в армии, которая формулирована в известном приказе ПУР'а (№ 16 от 31-го марта 1922 г.) в словах: „в выработке им коммунистического миросозерцания“.

Выше мы сказали, что основной целью библиотечной активности может быть одна цель—руководство чтением.

Выяснив сущность последнего понятия, мы можем эту цель формулировать так:

Основной целью библиотечной активности является организация руководства чтением для развития в читателях-красноармейцах коммунистического миросозерцания.

Все остальное в сложном понятии библиотечной активности есть не более как средства к тому.

Этим путем красноармейская библиотека подведет теоретический фундамент под то здание социализма, какое воздвигает армия в своей практической боевой работе, этим путем она осуществляет свое главное задание—поднятие классового сознания красноармейцев.

Не останавливаясь сейчас на сложной задаче руководства чтением, я перейду к организационным вопросам активной библиотечной работы.

Систематичность, стройность в осуществлении определенного плана, соблюдение известных организационных принципов, вот что, во-первых, обеспечит плодотворность всей работы.

Необходимо поэтому в осуществлении задач библиотечной активности различать два момента: 1) организующее значение библиотечных центров и 2) творческую роль библиотекарей.

Под первым я понимаю организующую работу таких центров, как библиотечные отделы пуокров и пофронтов, во главе с библиотечным отделением ПУР'а, библиотечные секции погубов, поармов и т. д.

Ясно, что без определенного плана, без осознания основных задач работы, без материальной помощи местам и помощи инструкциями, работа не может быть организована, даже если иметь на местах достаточно опытных библиотекарей с самостоятельной инициативой.

Но организующее значение библиотечных центров имеет свои ясно очерченные границы. Главная же роль в осуществлении методов библиотечной активности принадлежит, понятно, местам, принадлежит творческой инициативе библиотекаря.

Организующие центры как бы определяют качество и количество материала, творчество же определенных форм из этого материала есть дело рядовых библиотекарей.

В их руках волшебная палочка созидания и превращения, в их руках душа живая, которую они могут вложить или не вложить в послушное тело библиотеки.

Организующие центры строят корабль, дают карты, компас, должны указать и направление кораблю, но вести корабль биб-

лиотеки—благополучно или нет—это дело уже библиотекаря и только его.

Он—„душа дела“, по старому определению.

Удивительно метко оценено американцами значение библиотекаря в их известном определении: „в библиотеке $^3/_4$ библиотекарь, а книги и все прочее $^1/_4$“.

И недаром в этой же стране с получением звания библиотекаря связана продолжительная, упорная работа: десять лет изучения книги и два года изучения библиотечной техники.

Однако, имея в виду, с одной стороны, такое огромное значение творческой роли библиотекаря в осуществлении задач библиотечной активности и, с другой,—не только крайний недостаток библиотекарей, но и чрезвычайно слабую подготовку большинства работников на местах, принимая во внимание эти два обстоятельства, мы не должны переоценивать роли библиотекаря в красноармейских библиотеках и, наоборот, нужно подчеркнуть, что значение организующих центров возрастает с этими обстоятельствами, усложняет их задачу, делает ее более ответственной.

Мы не имеем возможности подробнее останавливаться на роли организующих библиотечных центров, однако, должны хотя бы в самых кратких чертах набросать их очередные текущие задачи.

Они сводятся к следующему:

1) Установление целесообразной и упрощенной библиотечной техники с целью свести до минимума работу библиотекаря по преодолению этой техники и тем дать возможность ему сосредоточить все свое внимание на осуществление задач библиотечной активности.

2) Точный и возможно полный учет опыта активной библиотечной работы на местах.

3) На основании этого опыта—теоретическая разработка отдельных вопросов и установление степени важности и целесообразности отдельных мероприятий в определенных условиях.

4) Выработка плана ударной работы в библиотеках определенного района путем осуществления в каждой из них какого-либо одного из мероприятий с целью экономии сил, усиления действий отдельных мероприятий и возможности получения наивысшего эффекта.

5) Широкое осведомление библиотекарей об опыте активной библиотечной работы в других районах, рекламирование удачных опытов (путем выставок, например) и инструктирование библиотекарей.

6) Издание библиографических указателей по текущей литературе и широкое ознакомление библиотекарей с книжным миром, путем издания сводок рецензий о книгах; также издание кратких руководств по методологии самообразовательной работы.

7) Снабжение библиотек необходимыми материалами для постановки работы как-то: справочными изданиями политического, юридического и прикладного характера, письмами, иллюстративным материалом и проч. (Издание политического словаря является срочным заданием центра). Систематическая и целесообразная подготовка библиотечного персонала, как условие дальнейшего роста библиотечного дела не только в ширь, но и в глубь.

Вот в основных чертах в чем заключается организующее значение библиотечных центров.

И в силу тех условий, о которых я говорил выше, значение их нужно признать огромным.

Так же приблизительно трактуются задачи организующих центров в резолюциях съезда библиотечных работников западного фронта (сентябрь мес. 1920 г.) и в резолюциях 1-ой Окружной конференции ответственных библиотечных работников западного округа (октябрь мес. 1920 г.).

Но помимо организующих библиотечных центров и творческой инициативы библиотекарей есть еще третий, промежуточный орган, который должен сыграть крупную роль в деле осуществления задач библиотечной активности.

Я подразумеваю здесь библиотечные советы, как организующие коллективно-творческие ячейки на местах.

Они вызваны к жизни совсем недавно и только кое-где.

Они возникли внезапно, но в силу необходимости.

И действительно осуществление грандиозных задач библиотечной активности не по плечу индивидуальному усилию: в силу природы этих задач, осуществление их требует усилий коллективных.

И библиотечный совет является стихийно удачной формой такого коллективного осуществления задач библиотечной активности.

Эта форма организации известна уже давно в России, но какую колоссальную эволюцию претерпела она за революционный период!

Смешно было бы сейчас наделять хозяйственными функциями такие органы, как биб. советы. А ведь раньше они были именно органами административно-хозяйственными.

Остановимся несколько на вопросе современной организации бибсоветов.

Каковы задачи этих советов сейчас?

При всей неустойчивости организационных форм библиотечного дела в данный момент, возложим ли мы на Советы разрешение вопросов, связанных с установлением единообразия этих форм?

Безусловно нет. Установление единообразия этих форм возможно при одном условии—при условии декретированя их сверху.

Основное ядро бибсовета состоит из заведывающего районной библиотекой (в качестве руководителя) и заведывающих всеми передвижными библиотеками района.

Понятно, что первой задачей бибсоветов будет объединение отдельных библиотечных единиц, составляющих сеть передвижных библиотек, действующих вокруг той районной, к которой они прикреплены. Без такого объединения на местах не может быть того целого, что мы называем сетью.

Дальше: упрочение этой сети, поддержание ее жизнеспособности путем руководства своевременным обменом передвижками между отдельными воинскими частями, наконец, определение плана деятельности всей сети и заданий каждой ее единицы.

Основная же задача бибсоветов лежит в области осуществления мероприятий библиотечной активности.

Только путем содружества целого ряда лиц, путем совместной их творческой работы возможно создать в этой области что-либо цельное, реальное.

С другой стороны, вопрос объединения деятельности всех полит.-просвет. учреждений—кардинальный вопрос системы внешкольного образования—входит естественно в круг задач биб. совета.

Это объединение уже не может быть продиктовано сверху—оно должно быть осуществлено на месте, в каждом моменте практической работы.

Библиотечный Совет должен быть той организационной ячейкой, которая будет координировать работу библиотеки с другими полит.-просвет. учреждениями, объединять деятельность всех их.

Биб. Советы—наиболее удачная форма для разрешения этого важного вопроса, я сказал бы, единственная реальная форма. И единственная потому, что ни школьный совет, ни клубный, ни какой другой совет не могут поставить вопроса объединения

столь широко и всеобъемлюще, как совет библиотечный, ибо библиотека подчиняет себе все другие формы внешк. образования, является самым фундаментальным средством его.

Одновременно бибсоветы поддерживают тесный контакт с соответствующими организующими библиотечными центрами в лице биботделений Погубов, гаров, поармов и т д.

Наконец, строительство биб. советов отвечает одному из важнейших принципов методологии внешкольного образования— принципу общественной самодеятельности.

Одно название—„Совет“ уже предполагает вовлечение в процесс работы более или менее широких кругов заинтересованных лиц. Нечего и говорить, что это вовлечение не должно быть механическим. Но без него, при пассивности тех, на кого направлено наше воздействие, работа будет безрезультатна.

Безусловно, здесь мы чертили программу-максимум. Вне сомнения, сначала нельзя ставить задачу так широко.

Необходимо эту программу известным образом приспособить к условиям нашей работы.

Посмотрим, что предполагает это приспособление в практической работе.

Возьмем задачу объединения деятельности политическо-просветительных учреждений в Красной армии. Широко понимая нашу постановку вопроса, необходимо создание при районной библиотеке совета из представителей всех видов полит. работы; здесь и заведывающие передвижками, и инструктор клубного дела, и заведывающий театральной секцией, музыкально-хоровой. спортивной, и заведывающий школой и т. д. В то время, когда учреждения, руководимые этими представителями, еще не окрепли, когда еще только выковываются их новые формы, нужно предполагать на местах наличность слишком опытных руководителей-организаторов, чтобы биб. совет в таком составе сразу же проявил работоспособность. Ясно, что биб. советы должны самостоятельно вырасти до этого состава, развиться из более мелкого ядра, которое будет однороднее по своему составу. Таким ядром однородного состава мы считаем бибсовет (при районной библиотеке), состоящий сначала из заведывающих всеми передвижными библиотеками данного района. Когда эта первоначальная форма организации окрепнет, тогда естественно будет привлекать всех тех представителей, о которых мы говорили выше.

Это не исключает, однако, возможности привлечения с самого начала работы бибсоветов школьных и других работников-специалистов в каждом данном случае, когда того требуют рассматриваемые вопросы. В сущности, этого требует соблюдение элементарных организационных принципов.

Пойдемте дальше. Широкое понимание принципа общественной самодеятельности предполагает вовлечение в библиотечную работу, в частности и в бибсоветы, достаточно широких кругов читателей.

Но кто из нас не знает, что сейчас поставить вопрос так, это значило бы заниматься маниловскими планами.

Понятно, нужно начинать с вовлечения в работу в бибсоветах тех нескольких человек, давно присосавшихся к библиотеке, наверно старых книголюбов, которых можно сразу же заметить в каждой красноармейской библиотеке.

Увеличение круга читателей, вовлекаемых в повседневную библиотечную работу, должно итти постепенно и тогда эта работа будет прочной.

То же мы скажем и о программе библиотечных советов на первое время их организации: не раскидываться слишком широко, вспахивать меньше пространства, но глубже.

Начинать нужно с выслушивания недельных отчетов работы каждой библиотеки. Никогда ошибки и недочеты в работе не вскрываются так ярко, как при сопоставлении ряда однородных по характеру фактов. С другой стороны, такие сопоставления явятся прекрасным побудительным средством для соревнования в усовершенствовании приемов работы в каждой отдельной библиотечной ячейке.

Только таким образом будет широко использован и повторен каждый удачный опыт, избегнута возможность повторения другими ошибки, допущенной в одном месте.

Здесь в этой лаборатории будут обсуждаться приемы привлечения читателя, осуществление которых возможно в данных условиях; здесь будет говориться о книгах, продвижение которых необходимо в первую очередь, или продвижение которых уже дало благоприятные результаты; здесь будут обсуждаться программы громких чтений, будет подбираться, путем обмена, материал для них; здесь будут обсуждаться совместно вопросы обмена и пополнения передвижек. Здесь будет положено прочное основание объединению деятельности отдельных библиотечных единиц.

Здесь будут обсуждаться программы работ кружков самообразования, литературных и иных кружков, организация которых предполагает привлечение широких читательских масс.

И, понятно, в вопросе привлечения представителей этих масс в бибсоветы мы должны прибегнуть, во-первых, к представительству таких кружков, таким образом, в бибсовет попадает в будущем не случайный представитель „читателей", но уже кристаллизовавшийся читатель.

Наконец, заседания библиотечных советов должны быть использованы также для ознакомления всех его членов с книжными новинками, преимущественно по библиотечному делу и вообще внешкольному образованию, путем чтения вслух таких книг, попадающих на места только в одном экземпляре. Если объем книги не позволяет прибегнуть к чтению ее вслух, то кто-нибудь из библиотекарей берет на себя труд возможно подробнее изложить ее участникам совета.

Нужно указать также, что работа в библиотечном совете для каждого из его участников будет прекрасной школой расширения своих познаний, приобретения организационных навыков.

Библиотечные советы положат предел тому печальному явлению, которое наблюдаем сейчас: кротовой работе в одиночку.

Они являются действительно кузницами коллективного творчества.

В духе принципов, изложенных здесь, библиотечным Отделением Пуокра издан циркуляр об организации на местах библиотечных Советов.

Итак, в осуществлении методов библиотечной активности принимают участие три органа: организующие библиотечные центры, коллективно-творческие ячейки библиотечных советов и творческая инициатива библиотекарей.

Проследим, какова роль этих трех органов в осуществлении отдельных методов и средств библиотечной активности.

Подчеркивая еще раз, что все многообразие средств активной библиотечной работы имеет одно устремление, одну цель— руководство чтением в том смысле, как это выявлено выше, мы устанавливаем группировку этих средств по признаку их непосредственного воздействия и различаем две основные группы средств.

Первая группа средств непосредственно осуществляет основную задачу библиотечной активности по руководству чтением

К этой группе мы относим т. н. средства приближения читателя и продвижения книги: рекламирование библиотеки и книги, благоустройство библиотеки, работу с иллюстрированными и другими рекомендательными списками, организацию чтений вслух и кружков, работу по изучению читателя и изучению книги и т. д.

Вторая группа средств осуществляет прямую социальную полезность библиотеки. К ней относятся средства организации консультативной работы: выдача справок юридического и технического характера, организация почтового отделения, работа с газетой и декретами и прочее.

Мы не имеем возможности даже вкратце остановиться на конкретизации каждого из этих средств—это было бы задачей специального исследования.

Мы поделимся здесь лишь некоторыми результатами опыта работы по применению этих средств в библиотеках Западного Военного Округа, о которых мы достаточно осведомлены, отмечая работу организующего центра в лице Библиотечн. Отделения Пуокрзапа и проявления инициативы отдельных библиотекарей, и намечая очередные задачи тех и других. Учет опыта работы на местах ярко подчеркнет эти задачи.

Обратимся к первой группе средств. Рекламирование библиотеки и книги осуществляется во всех красноармейских библиотеках в большем или меньшем масштабе. Библ. Отделением были изданы аншлаги рекламного характера, а также художественно исполненные плакаты на темы изречений о значении книги и библиотеки. Они украшают стены всех библиотек в Округе. Но самодеятельность отдельных библиотекарей не удовлетворилась „казенными“ образцами. В целом ряде библиотек мы имеем образцы местного творчества, начиная с весьма робких и кончая остроумно задуманными и выполненными плакатами. В одной из передвижных библиотек Смоленского гарнизона на двери помещения библиотеки приклеен небольшой листок линованой бумаги; на нем крупным неровным почерком написано: „Библиотека—это открытый стол идей“ и т. д., красным карандашом отмечена рамка. Очень бедно, но трогательно. А в одной из районных библиотек того же гарнизона библиотекарь сделал стильный плакат: вырезав из известного плаката „записался-ли ты добровольцем“ яркую фигуру красноармейца с протянутой вперед рукой, он наклеил ее на большом листе картона с левой стороны; в уровень с головой красноармейца видна надпись

помазком: „газеты можно получить в читальне библиотеки“ такого-то батальона ВОХР. С правой стороны наклеены заголовки получаемых газет, а немного ниже—печатный аншлаг с указанием часов, когда открыта библиотека.

В Рославльской гарнизонной библиотеке (Смол. губернии) висят длинные аншлаги—ленты из приятного цвета серой бумаги, на которых красными буквами написано: „библиотека сеет разумное доброе, вечное“ и „библиотека—это водопровод, разносящий влагу знания по домам“.

Здесь инициатива библиотекарей проявила себя довольно широко.

Со стороны красноармейцев все эти плакаты встречают живой интерес; многие даже списывают слова в свои записные книжки.

Известен мне и такой полу-анекдотичный случай, рассказанный заведующим районной библиотекой Нарвского района Смоленского гарнизона: один из красноармейцев, на просьбу библиотекаря возвратить несколько брошюр по сельскому хозяйству, весьма хладокровно отвечал, что он отправил их почтой к себе домой, в деревню. Когда лицо библиотекаря изобразило крайнее изумление, красноармеец также хладнокровно и вполне серьезно указал на висевший в библиотеке плакат со словами Цицерона: „дом, в котором нет книг“, и т. д.; красноармеец был малограмотный.

Менее проявляет себя инициатива библиотекарей в отношении благоустройства помещения библиотеки. Или черезчур пусто, холодно, или навешено что-то по стенам, но так неумело, что производит скорее впечатление ободранных обой или грязных пятен, но никак не плакатов или рисунков, или, наконец, навешено и наставлено черезчур много. Так в читальне одной районной библиотеки (комната, длиной в 6 и шириной 3 аршина) были навешены на всех стенах без всякой системы и порядка, заслоняя друг друга и не оставляя пустого пространства, всевозможные плакаты, карты, портреты, учебные пособия и проч., общим числом 58 штук.

Нужно отметить, во-первых, что в отношении рекламирования библиотеки и ее благоустройства библиотекарями не применяется метод локализации в смысле приспособления этой работы к боевому или техническому назначению части, преобладающему

национальному элементу в ней, бытовым условиям места расположения части (в тыловых частях) и проч.

Во-вторых, отметим, что рекламирование библиотеки и книги только в незначительной степени выходит за стены самой библиотеки, тогда как работа должна быть поставлена совсем наоборот.

В-третьих, устная пропаганда поставлена тоже слабо.

Что касается таких условий, как доступность библиотеки, часы выдачи книг и т. д., то здесь можно поделиться следующими фактами: Библиотечным Отделением в приказе по Округу (от 9 марта с. г. за № 405) была зафиксирована полная доступность красноармейских библиотек; „предъявление красноармейцем соответствующего удостоверения личности вполне достаточно для права его пользоваться книгами из библиотеки“— говорится в этом приказе. И дальше: „стеснительные меры“ практически лишь отпугивают читателя - красноармейца от библиотеки. Очевидно, необходимо так поставить библиотечную работу, чтобы сделать самого читателя участником дела, охраны книги“ и т. д. Практика, однако, показывает закоренелость предрассудка; в „правилах“ некоторых библиотек такие стеснительные меры еще имеются. Что касается часов открытия библиотек, то здесь наблюдается огромное разнообразие, отнюдь, не вызванное обстоятельствами дела. Так, из обследования 98 библиотек Смол. губ. видно, что 24 библ. открыты с 10 утра до 10 веч., 11—с 2-х до 7 ч. в., 26—с 10 утра только до 5 ч. дня и 37— с 3-х до 9 ч. вечера.

Непосредственная рекомендация книги ведется двумя путями: устным и при помощи рекомендательных списков. Помимо того, что библиотечным Отделением были изданы 12 отдельных тем рекомендательных списков, на местах мы наблюдаем образцы весьма интересного творчества в этом отношении. В одной из Витебских районных библиотек при клубе имени Л. Троцкого рекомендательные списки, на темы по истории революций в Европе, украшены художественной графикой и являют приятную для глаза картину; на некоторых имеются портреты революционных вождей.

Рекоменд. списки по сельскому хозяйству (на картоне наклеено два таких списка, изданых Биб. Отделением), снабжены диаграммами, составленными на основании цифр, указанных в этих списках.

В другой библиотеке Смоленск. гарнизона для рекоменд. списка-плаката использована одна из картин серии учебных пособий, изданных Сытиным (губернии и окраины России). Яркая картина под заглавием „Польша“ в маленьких рисунках характеризует географию и этнографию края, добывающую и обрабатывающую промышленность и проч. Кругом картины расположены прикрепленные брошюры о войне с Польшей.

Интересно составлен другой список-плакат такого же рода. Библиотекарь использовал для него известный плакат, в две краски (красную и черную), в ряде рисунков изображающий карту войны с Польшей, характеристику землевладения в Польше, численность национальных групп в землях, включенных в границы 1772 г. и проч.

На плакате библиотеки эти рисунки, вырезанные, представлены в интересных группировках вместе с соответствующими рекоменд. списками обложками брошюр и диаграммой, вырезанной из шестого № журнала „Политработник“.

В Гжатской районной библиотеке рекоменд. список (произведений Пушкина) украшен рисунками, сделанными от руки пером. Против каждого названия книги стоит условная цифра, обозначающая в какой библиотеке города имеется такая книга.

Необходимо отметить еще почин одной районной библиотеки, выпускающей в своем районе передвижные рекомендательные списки книг, по большей части иллюстрированные или художественно украшенные.

Целый ряд других интереснейших образцов дает работа на местах. Понятно, она в значительной своей части является откликом на события текущего момента. Как рекоменд. списки, изданные библиотечным отделением Пуокра, так и списки-плакаты, созданные на местах, вызывают живой интерес красноармейцев и повышают требование на определенные книги.

Другим средством массового воздействия для повышения интереса к книге и рекомендации ее, а также для организации читательской активности являются чтения вслух, при чем наиболее развито чтение вслух газет.

Наблюдения над постановкой этой работы дают возможность сделать следующие заключения.

Работа эта ведется в красноармейских библиотеках, не систематически, со случайным часто выбором материала и вообще поставлена примитивно. Чтения по темам, путем освещения

вопроса научным и художественным материалом, музыкальной иллюстрацией и проч. не практикуются. Отсутствие инструктирующей литературы, программ и особенно указаний сказывается здесь в полной мере.

Между тем, интерес со стороны красноармейцев даже к тем чтениям, которые ведутся,—огромный.

Но вследствие неправильной их постановки—результаты получаются незначительные и выражаются в известном будировании читательской массы. Это очень ярко подчеркивается установленным фактом, что кр-цы после чтения забрасывают читавшего вопросами и оживленно беседуют, но совершенно вне зависимости от темы читанного произведения.

Еще слабее стоит работа по организации кружков при библиотеках.

Кружки аморфны, безличны.

Ни литературного материала, ни программ, ни указаний нет.

Кружки возникают лишь кое-где по инициативе отдельных библиотекарей и организация их носит характер чисто интеллигентских кружков с безусловно непригодным рефератным методом работы.

В общем, кружки в гораздо большей степени существуют в проектах, фигурируют в докладах, чем в действительности.

Однако, известны нам и здоровые начинания. Так в Рославльской библиотеке (Смол. губ.) работал кружок по естествознанию и агрономии, устроивший при библиотеке маленький музей-гербарий флоры местного края (Описан в „Бюллетене Политуправления З. В. О.“ № 1). Библиотекарь по специальности агроном.

В другой библиотеке смоленского гарнизона с весны текущего года был организован сельско-хозяйственный кружок, деятельность которого вылилась в вполне определенные формы. Кружок устроил огород, образцы продуктов которого, в виде тыквы, свеклы и других овощей огромного веса, красуются в читальне библиотеки. Кружок вел дневник работы, заключающий список его членов (свыше 100 человек), протоколы заседаний и записи о посадке, произростании, времени созревания всех овощей.

Наконец, нужно отметить еще один кружок, интересный по методу работы. Этот кружок немногочислен и занимается изучением отдельных вопросов экономической и исторической науки. Намечая какой-либо вопрос, члены кружка распределяют между

собой литературу по этому вопросу, с обязательством для каждого члена изложить на заседании кружка содержание прочитанной книги.

Заседания кружка бывают „открытыми“ и, таким образом маленькое ядро его приобщает к своей работе широкие красноармейские массы.

Без сомнения, это наиболее жизненная форма организации кружковой работы. Однородность интересов всех членов кружка и активность каждого из них—вот два важнейших условия, которые заранее обеспечивают успех дела. Но, кроме того, пересказ прочитанной книги не только содействует укреплению в памяти и уяснению прочитанного, но приучает читающего к осмысленному чтению, делает из него настоящего читателя.

Наконец, экономия времени для читателя, ознакомляемого с содержанием ряда книг из рассказа, возможность, таким образом, выбора для него тех книг, которые, как „подходящие“, должны быть им перечитаны лично, одновременное освещение разбираемого вопроса с различных точек зрения, широкие возможности анализа и критического отношения к заслушанным мнениям пересказанных авторов—все это столь важные преимущества указанного мною метода кружковой работы, что в защиту его излишне было бы приводить еще какие-либо доказательства.

С другой стороны, этот метод являет широкие перспективы для библиотекаря в отношении организации руководства коллективным чтением. В поле зрения библиотекаря находятся все читатели; изучая их по формулярам и помощью личных бесед и наблюдений, он легко определяет однородность психологических типов и интересов определенной группы читателей (кроме того, однородность интересов у известной группы читателей он может создать сам помощью индивидуального руководства чтением). Определив эту однородность интересов, он собирает группу и предлагает план систематического чтения и пересказывания прочитанного. Кружок организован. Таким образом, библиотекарю приходится уже руководить чтением целой группы читателей. Открываются интересные и широкие перспективы.

Помимо отсутствия инструкций и литературы о кружковой работе, необходимо отметить еще и отсутствие руководителей на местах, почему первые обстоятельства приобретают особую остроту.

К этому виду работы тесно примыкает организация так называемых литературных и политических судов, пользующихся большой популярностью.

Темы этих судов очень разнообразны: судят Пилсудского, польского пана, дезертира, попа, кулака, ругающего советскую власть, Обломова, Рудина, Антона Горемыку, Рабочего Шевырева (Арцыбашев), железнодорожника—саботажника и т. д. и т. д. Вот текстуальное описание этой работы в районных библиотеках Дорогобужского гарнизона, Смол. губ., сделанное заведывающим одной из библиотек: „В виду неподготовленности и незначительного уровня образования аудитории темы литературных судов бывают самые разнообразные и преимущественно такие, содержание которых можно сопоставить с текущим моментом, современными условиями жизни, так, например: суд над Венцелем из воспоминаний рядового Иванова, соч. Гаршина, суд над бурмистром из „Записок Охотника“, соч. Тургенева, „Пьяница“, „Поп и работник“, суд над „Дезертиром“, „Что хорошего и плохого дало нам духовенство“ и многие другие темы.

Агитатором и руководителем суда является в большинстве случаев библиотекарь. В суде принимают участие председатель и члены культпросвета, присяжные выбираются из числа аудитории.

Число присутствующих на литературном суде в несколько раз больше числа присутствующих на других видах культурной работы библиотек—чтениях, собеседованиях, лекциях и т. д.

В 16 полку на литературных судах присутствуют не менее 400—500 человек.

Прения на ту или другую тему происходят в некоторых библиотеках во время суда, в других же по вынесении судом того или другого приговора: один из т. т. красноармейцев соглашается с точкой зрения обвинителя, другие защитника, при том высказывают свои мнения; вообще, происходят самые живые и разнообразные прения.

Литературные суды пользуются большим успехом среди красноармейцев, весьма охотно посещаются ими без всякого принуждения и протекают с живым участием в них самих т. т. красноармейцев“.

Необходимо отметить теперь, что все эти виды работы в очень незначительной степени приспособляются библиотекарями на местах к делу руководства чтением. Я говорю о сознательном приспособлении.

Этим и объясняется незначительность результатов работы.

Вот очень характерные цифры из годового отчета деятельности одной из лучших библиотек Округа в г. Гжатске: за год (с августа 1919 г. по август 1920 г.) выдано книг—беллетристических—6598, а по обществоведению всего—700, по чистым наукам—22 книги, прикладным—459, истории—244, географии—192 и т. д.

Эти цифры, повторяю, очень характерны и варьируются в одинаковой пропорции в отчетах разных библиотек. Они показывают, что читательские интересы не направляются сознательной волей библиотекаря в определенное русло, что волна читательских интересов течет стихийно и вполне произвольно.

Здесь невспаханная новь нашей работы.

Перед организующими центрами в данном случае стоит огромная задача дать библиотекарям-красноармейцам методические указания по работе над своим самообразованием, по вопросу о систематическом чтении и библиографическом изучении книги, наконец, по вопросу о правильной постановке изучения психологических типов читателей.

Вообще, нужно подчеркнуть, что дело подготовки библиотекарей не должно замыкаться исключительно в дело фабрикования новых библиотекарей, что необходима интенсивная помощь всем работникам на местах—от мала до велика—в смысле возможности для них пополнения своего образования. Их работа на местах не должна являться той плотиной, которая может превратить их интеллект из бегущего и сверкающего ручья в стоячее болото.

Переходя к второй группе средств, предполагающих осуществление консультативной работы библиотек, мы должны отметить, что в смысле цельности и систематичности опыт постановки дела на местах оставляет желать лучшего.

Между тем, эта группа средств приобретает значение чрезвычайной важности в наших условиях работы, что мы подчеркнем дальше.

Поэтому мы остановимся на ней несколько подробнее. К этому нас понуждает также совершенное отсутствие литературы и каких-либо методических указаний по данному вопросу.

Анализируя ранее психологический тип начинающего читателя, мы установили, что последний в своих интересах к чтению исходит из жизненных бытовых запросов, что интересы его имеют преимущественно практический уклон.

Далее мы установили, что новизна и своеобразие бытовых условий жизни читателей-красноармейцев, ставит перед нами целый ряд вопросов практического и отвлеченного содержания, требующих ответа.

Таким образом, понятно, что справочная работа в библиотеке, преследующая цель прямой полезности библиотеки читателю, является могучим средством библиотечной активности.

Вполне уместно будет здесь напомнить одно из мест резолюций второго Всероссийского совещания работников в деревне о методах агитации; в этой резолюции говорится между прочим: „деревенский агитатор в своей работе должен исходить из повседневных местных конкретных нужд и интересов крестьян, а не из общих отвлеченных положений“.

Нужно иметь еще в виду, что в народном сознании с грамотностью олицетворяется знание вообще; за советом, за справкой идут к „разумеющему грамоте“, к книжному человеку. Ведь, „книга—это ковер-самолет, на котором облетишь весь мир“.

Итак естественно, чтобы библиотека, эта сокровищница книги, „открытый стол идей..., за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет“ (А. И. Герцен), что бы библиотека могла удовлетворить любой запрос, могла ответить на любое недоумение, на любую справку. Следовательно, „справочная работа“ в библиотеке не является каким-то придатком к библиотечной работе вообще, не является чем-то незаконным, насильно навязанным ей, но есть органическая, неотъемлемая часть ее.

Весь вопрос заключается в том, чтобы библиотекарь использовал это могучее орудие с пользой для читателя и, следовательно, для библиотеки.

Интересную картину широкой и оригинальной постановки справочной работы наблюдаем мы в американских библиотеках.

Е. Чарнолусская в своей книге „Общественные библиотеки в Америке“ сообщает: „немалую роль играют в последнее время справочные бюро; они являются расширением идеи справочных отделений и требуют особых осведомленных лиц для выдачи справок, делаемых читателями лично или же присылающими свои запросы по почте... Вопросы поступают в роде следующего: „в чем состоит теория Дарвина и есть-ли книги по этому вопросу в вашей библиотеке?“ Вопрос с именем, фамилией и адресом читателя пишется на печатной карточке, здесь же отмечается, когда дан ответ и дан-ли; на

некоторые вопросы ответы не даются, затем эти карточки к концу года сортируются по алфавиту и включаются в годовой отчет библиотеки...

Одной из последних новостей в сфере деятельности информационных бюро является устройство телефонной системы сообщений... Люди, состоящие на службе, занятые своим делом могут прямо со службы делать свои запросы в библиотеку вроде разного рода справок, адресов и т. п.; служащий при телефоне тотчас же наводит справку и звонит свой ответ. За последний год в Кардифской библиотеке таких телефонных запросов удовлетворено 1542... Многие библиотеки, не имея информационного бюро, оплачивают особого служащего, обязанность которого состоит исключительно в выдаче справок и ответов на разные вопросы".

Интереснейшие описания, характеризующие справочную работу американских библиотек, находим мы и в одной из книг Л. Б. Хавкиной.

Вот образец объявления библиотеки, одной приводимый в упомянутой книге:

„Телефон 403.

Пользуетесь ли вы нашим телефоном?

Если нужно найти название, которое вы забыли?

Если нужно разрешить спорный вопрос?

Если нужно проверить число, ускользнувшее из памяти?

Наши справочные книги к вашим услугам.

Вырабатывайте привычку к библиотеке — это хорошая привычка!

Идите со всякими затруднениями в библиотеку.

Это — университет для всех.

Притом совершенно бесплатный и т. д.".

А вот другая картина: библиотекарша города Гудвина штата Тенесси в статье „Людские интересы в публичной библиотеке" (цитированной в той же книге Л. Б. Хавкиной) так описывает день своей работы: Индус приходит справиться „что есть в библиотеке по вопросу об исправлении рек", два американца, один приземистый и толстенький, другой высокий и худой, спрашивают „какой рост нужно иметь для поступления в национальную гвардию? И сколько нужно весить для службы в армии?" „Я взяла армейские правила, справочник для рекрутов и, вдобавок, позвонила капитану расположенного у нас полка, чтобы правильно разрешить эти

вопросы"—пишет библиотекарша. Дальше: звонит телефон. Спрашивают имя немецкого генерального консула в Чикаго, и можно ли такому должностному лицу написать по-простому „уважаемый сэр". Молодой человек, глухонемой, протягивает смущенно записку. На ней вопрос: „есть ли у вас любовный письмовник?"... Снова телефон. Бюро улучшения фермерства просит указать шесть лучших книг по сельскому хозяйству. У прилавка появились три дамы—представительницы местного женского клуба, пришедшие в библиотеку разрешить спор „Бюро здоровья" и „Союза молочных ферм" о необходимости пастеризации молока. Не успела библиотекарша удовлетворить их, „как к ней подошел рыжеволосый чужестранец. Он только что пришел из С.-Луи. Полицейский на углу направил его в библиотеку и сказал, что „библиотечная барышня" научит его, как найти должность."

Я нарочно привожу эти несколько длинные живописные цитаты из общеизвестных книг, цитаты, очевидно, ускользавшие от внимания наших библиотекарей.

Если этот способ работы в американских библиотеках, где культурный уровень читателя несравненно выше нашего, приобрел такое значение, практикуется в таких размерах, то в России вообще, а в билиотеках красноармейских в частности, на этот способ работы должно быть обращено самое пристальное внимание.

Мы сказали уже, что справочная работа в библиотеке есть форма подхода к начинающему читателю, ставящая себе задачу при помощи прямой полезности читателю, привлечь его в библиотеку и там обнаружить перед ним „силищу книжную".

Как же технически осуществить эту справочную работу? Но прежде всего нужно указать, что она отнюдь не должна ограничиваться чисто механической выдачей справок и ответов на поступающие вопросы. Активность должна отличать и эту сторону работы.

Организация „почтового отделения" в библиотеке, работа с газетой и декретами, отчасти работа с рекомендательными списками книг,—все это, как составные части, входит в общее понятие „справочная работа".

Итак мы различаем в ней два момента: первый—удовлетворение всевозможных запросов, поступающих со стороны читателя; второй — создание условий, идущих навстречу невысказанным, реальным потребностям читателя. Организация „почтового отделения", работа с газетой и т. д.

Остановимся на первом моменте. Как это не странно, но в отношении даже чисто механической выдачи справок в красноармейских библиотеках делается мало.

Если такая работа кое-где наблюдается, то она протекает настолько в аморфорных формах, что придать ей название „справочной работы“ никак нельзя.

Обращение читателя в библиотеку за справкой, за разъяснением—есть явление скорее случайного порядка; также в работе библиотекаря по удовлетворению этих справок нет никакой систематичности.

Работа эта ведется в некоторых библиотеках, но в зачаточных формах, стихийно.

Необходимо подчеркнуть здесь, что хотя красноармейские библиотеки ничего не сделали в отношении организации обращения читателя в библиотеку с разного рода запросами (организация читательской массы и здесь необходима), но практика работы в наших библиотеках показывает, что такое обращение со стороны читателя, правда, хотя и в небольших размерах, а наблюдается, что подтверждает нашу точку зрения на справочную работу в библиотеке, как на органическую часть всей библиотечной работы.

Интересно содержание вопросов, с какими приходит красноармеец в библиотеку.

Вот некоторые собранные по этому поводу материалы;

1) Что такое „локализировать“ и „ложемент“.

2) Что такое кооперация?

3) Что такое империализм?

4) Каким образом можно расторгнуть брак?

5) Можно ли по своему соглашению деревни разойтись на хутора?

6) Допустимо-ли местной власти выгонять на гужевые наряды одну жену кр-ца, ни имеющей никакого работника, кроме 2-х малых детей?

7) Когда появилось слово „бог“, и что оно определяло в различные времена и причина обожествления? В случае недостаточности места для ответа, почтеннейше прошу при сем приложить таковой на отдельном куске бумаги. (Вопрос записан в специально предназначенной для этого тетради, находящейся в читальне одной из библиотек Смоленского гарнизона).

8) „Будучи красноармейцем, могу-ли получить отпуск на родину“?

9) „Имеют-ли право на пособие: моя мать, имеющая от роду 45 лет и отец—48 л.“?

10) „Может-ли единственная работница в семье красноармейца быть освобождена от трудовой повинности“?

11) „Почему по специальности не назначают, а держат в батарее“?

12) „Почему неправильно делается разверстка государственных нарядов“?

13) „Почему нас 200 всех назначили на фронт 23-го сентября, еще не отправляют?

14) „Почему у нашей волости не наделена земля, так-как и везде поделена, и мой отец нуждается в земле, так как нас 4 брата служат в Красной армии и он в земельном отделе просил, ему не дали“?

15) „Как переменить фамилию; что для этого нужно и куда обращаться“?

16) „Почему у меня отняли луг с покосом, которым я пользовался несколько лет, а взамен ничего не дали покосу, я теперь остался без сена в зиму и не знаю куда теперь обращаться“?

17) „Нет ли книги по устройству мельницы“?

18) „Где в городе находится социальное обеспечение“?

19) „Нужно-ли где записывать ребенка новорожденного“?

20) „Что такое граница 1772 года“?

21) „Как правильно нужно обрабатывать пар“?

22) „Что делать с пустошными и низменными лугами“?

23) „В какой книжке говорится про огороды“?

24) „Нет ли декрета о племенной книге“?

25) „Чем лечить ящур“?

26) „Чем кормить пчел“?

27) „Нет ли декрета о коммунах“?

При всей наивности некоторых вопросов и беспомощности формулировки ряда других, все они (взятые мною „на выбор“ в нескольких красноармейских библиотеках) достаточно ярко свидетельствуют, что у читателя-красноармейца есть целый ряд вопросов, что вопросы эти далеко не праздные—наоборот, серьезные вопросы бытового характера и—наконец—что читатель-красноармеец питает достаточно доверия к библиотеке, обращаясь туда с такими вопросами.

Теперь возникает вопрос, как же технически удовлетворять все эти вопросы? Положение, ведь, осложнено тем, что у нас до

сих пор не издан политический словарь, что в красноармейских библиотеках нет никаких словарей вовсе, что у нас нет, наконец, указателя политической литературы, если ни считать брошюр В. Бонч-Бруевича и Керженцева, которых в действительности можно не считать, настолько они устарели.

Очевидно необходимо воспользоваться другим методом.

Очевидно, библиотекарь - красноармеец должен использовать книжный запас своей библиотеки для работы по удовлетворению вопросов читателей.

Следовательно, нужно уметь быстро ориентироваться в характере задаваемых вопросов, с целью определить к какой области знания они относятся и затем обращаться к литературе по этой области знания, хотя бы имеющейся в библиотеке или той, какую мы укажем ниже.

Нечего и говорить, что эта работа предполагает хотя бы некоторое знакомство со стороны библиотекаря-красноармейца с литературой, а с книжным составом своей библиотеки безусловно

Ведь каждая брошюра в библиотеке может быть источником необходимых сведений. Особенно это нужно сказать в отношении следующих книг и журналов: советские календари на 1919 год и на 1920 г., „Первый народный календарь“ на 1919 г. (издание Союза Коммун Северной Области), „Социалистический сельскохозяйственный календарь на 1919 г. (изд. Комиссариата Земледелия), некоторые „кооперативные“ календари за 1919 год, все военные уставы Красной армии, Керженцев—„Как вести собрания“, Конституция Р. С. Ф. С. Р. (и брошюры Крупской, Стучка и Глебова о конституции), „Программа Российской Коммунистической Партии, утвержденная 8-м съездом партии“, Кодекс законов о труде и книга: Зинаида Теттенбори—„Советское Законодательство о Труде“ (М. 1920 г. Гос. Из-во, 164 стр.). Н. Бухарин и Е. Преображенский—„Азбука коммунизма“, сборники узаконений и распоряжений Раб.-Кр. Правительства, „Систематизированный справочник“—указатель декретов, постановлений, приказов и распоряж. по вопросам, относящимся к ведению Народного Комиссариата по военным делам за 1917—1918 г. г.“ и другие официальные издания такого же характера; „Политическо-просветительная работа в Красной армии“ (сборник приказов и циркуляров ПУР'а и Пуокрзапа. Изд. Просветительного Отдела Политуправления Западного Военного Округа (Смоленск, июль 1920 г.), „Письмо“ № 7. (Изд. Библ. Отдел. Пуокрзапа) с текстом:

„Что сделала Советская власть для обеспечения красноармейцев и их семейств“, рекомендательные списки книг под общим заглавием: „Что читать“—12 различных названий (изд. Библ. Отделен. Пуокрзапа), „Бюллетень Политическо-Просветительного Управления З. В. О.“ №№ 1 и 2, журнал ПУР'а „Политработник“ (смотри № 1—статья: „Резолюции Всероссийского съезда политработников“, № 2—статья: „Права и обязанности командного состава“, № 4—„Библиотека политработника“ и „Политическая грамота красноармейца“—краткие перечени литературы).

Список этих книг и журналов, непосредственно пригодных для справочной работы, указанными изданиями, понятно, не исчерпывается. Но моя цель подчеркнуть здесь, что любая брошюрка и книга, помимо упомянутых здесь, может быть использована библиотекарем для наведения всякого рода справок.

Для примера укажу тут же, что по ряду вопросов красноармейцев, цитированных мною выше, библиотекарь может найти ответы в следующих книгах и брошюрах.

По первому вопросу: Е. А. Звягинцев — „Родиноведение и локализация в народной школе“, М. 1919 г., изд. жур. „Народный учитель“, 96 стр., или Е. Н. Медынский—„Методы внешкольной просветительной работы“ М. 1918 г. изд. 3-е „Наука“, смотри стр. 17, 19, 20 и другие.

По второму вопросу: М. Хейсин—„Письма к потребителям“ и „Что дает потребительское общество“ или В. Тотомияиц—„Мощь кооперации“, смотри также: „Советский календарь“ на 1919 г., стр. 131, статья „Кооперация“ (краткий исторический очерк кооперативного движения в России и современное состояние кооперации).

По третьему вопросу: Быстрянский—„Империализм“, 1918 г. Изд. Петр. Сов. Р. Д., 20 стр. или Ленин—„Имнериализм, как новейший этап капитализма“ М. 1918 г., изд. „Коммунист“, 140 стр., или Бухарин и Преображенский—„Азбука коммунизма“, смотри страницы 82—95, 137 и 138.

По четвертому вопросу: проф. А. Г. Гойхбарг—„Брачное, семейное и опекунское право Советской Республики“ М. 1920 г., Гос. Из-во, 164 стр. или „Советск. календарь“ на 1919 г., стр. 190.

По вопросу двадцатому: К. Радек—„Война польских белогвардейцев против Советской России“ М. 1920 г. Гос. Из-во, 24 стр., а также статьи в периодической печати.

По вопросу 21-му: Д. М. Гедда—„Обработка почвы“, П. Изд. Госуд. С.-Х. музея, 36 стр. с 42 рисунк.

По 22-му вопросу: А. И. Вагин—„Наши луга и простейшие способы их улучшения“. Изд. Петроград. Отделен. Нар. Комис. Земледелия, 24 стр

По 25-му вопросу: Ф. Л. Марадулин—„Заразные болезни домашних животных“. П. 1919 г., 2-ое Изд. Госуд. С.-Х. музея, 45 стр. с 39 рис. и т. д.

Словом, умение библиотекаря ориентироваться среди книжного состава своей библиотеки окажет ему неоценимую услугу.

Отсутствие словаря и библиографических указателей диктует необходимость приспособляться к работе другим способом, заставляет библиотекаря проявлять максимум инициативы и самостоятельности.

Но самостоятельность библиотекаря должна итти еще дальше. Необходимо самому подготавливать и собирать материал для организации справочной работы, особенно же материал текущий. Советское законодательство, хроника политических и иных событий за последние полгода и даже год не запечатлены ни в каких изданиях, кроме, как в периодических—газетах и журналах.

Следовательно, последние являются исключительным источником для справок по всем вопросам текущего законодательства и жизни, и источником, нужно признать,—богатейшим.

Работа с газетой в наших красноармейских библиотеках ведется в довольно разнообразных формах.

Из личных наблюдений и отчетов мне удалось установить следующие формы этой работы: вывешивание газеты на стене в читальне (в библиотеке получается слишком мало газет, чтобы удовлетворить всех); подчеркивание в газете цветным карандашем наиболее важных сообщений: некоторых статей, сообщений с фронта, хроники мероприятий по обеспечению красноармейцев и их семейств или сводок трудфронта, важных декретов и распоряжений и т. д. (Несомненно очень важная работа, имеющая колоссальное значение для малограмотных читателей, которые не в состоянии ориентироваться в газетном материале, читающих газету или „от доски до доски“, или случайно выбирая материал и упуская главное).

В одной из красноармейских библиотек ежедневно одна из получаемых газет разрезается и вырезки наклеиваются по темам

на особые листы-плакаты, висящие на стене. Таких плакатов несколько: „Наша задача уничтожить польского помещика и царского барона“ (наклеиваются все сообщения с фронта), „Заботы Советской власти о семьях красноармейцев“ (газетная хроника по данному вопросу), „Красная армия“ (декреты, приказы и распоряжения по Красной армии), „Законы Советской России“ (важнейшие декреты и распоряжения центральной и местной власти) и четвертый плакат—„Кто не трудится, да не ест“, сводки трудфронта, декреты и сообщения об организации производства на местах, отчасти профессиональная жизнь).

В другой библиотеке одного из гарнизонов Смоленск. губернии висит плакат такого же характера по исполнению под заглавием: „Неграмотный—тот-же слепой“ (декрет и инструкция по ликвидации безграмотности, хроника и проч.) и плакат „Дезертир—пособник польских панов“ (официальный материал по борьбе с дезертирством, воззвания, хроника).

В одной из районных библиотек смоленского гарнизона обращает внимание плакат „Красноармеец, помни о Польше“! (черные и цветные буквы заголовка вырезаны из журналов и газет). Содержание его: газетная хроника о „польских зверствах“ над красноармейцами и отношении легионеров к местному населению.

Библиотекарь первой из упомянутых библиотек по мере накопления газетных вырезок снимает их с плаката и подклеивает в отдельные тетради опять-таки по темам, но уже с более подробной и тщательной классификацией.

Таким образом, у него под рукой получаются справочники, преимущественно юридического характера, которые приносят ему огромную пользу.

Способ такого наглядного демонстрирования перед читателем газетного материала чрезвычайно удачен не только с точки зрения широкой организации справочной работы, но также агитационное значение такого способа огромно, ибо материал газеты, представленный здесь читателю уже в определенной классификации, являет собою как-бы сгущенный, концентрированный раствор, усваивается читателем поэтому легче и оставляет несравненно большее впечатление. Кроме того, определенные запросы читателя здесь непосредственно находят свое удовлетворение.

Особого упоминания заслуживают еще альбомы-хроники, которые ведутся в Витебской гарнизонной библиотеке.

Здесь газетный материал, определенно классифицированный, разбитый по темам, представлен читателю собранным в одной тетради и более удобным для обозрения, чем на плакате. (Кроме того, этот способ позволяет дать больше материала).

Когда приходится слышать очень частые сетования библиотекарей на отсутствие материала для работы (бумаги и др. канцелярских принадлежностей), мне всегда хочется указать им на эти альбомы: лучшего доказательства не нужно; альбомы сшиты из старой газетной бумаги; обложки из более плотной оберточной. Стараясь красиво расположить отдельные газетные вырезки и лозунги, библиотекарь рисует к ним обрамления, помощью черных и красных чернил или цветочного карандаша. Обложки украшены или рисунками от руки или картинкой, вырезанной из плаката. Вы видите, насколько примитивны средства: ведь альбомы, в сущности, сделаны из ничего. Это их внешний вид.

Самый большой альбом озаглавлен: „Мировая Революция". Здесь собран весь газетный материал, касающийся 2-го съезда III-го Коммунистического Интернационала и хроника мирового революционного движения.

Начиная от мелких заметок и лозунгов и кончая статьями, довольно значительными по размеру, воззваниями и декларациями Коминтерна, перед глазами читателя протекает весь материал по вопросу, удовлетворяя самые разнообразные запросы и интересы.

Второй альбом: „Война с панской Польшей". Материал подобран из центральных и местных газет, журнала „Красноармеец" (рисунки), даже из стенных „Роста". Здесь собраны приказы Троцкого, обзоры, боевые статьи и лозунги; на одной из страниц красными чернилами написано от руки:

„Рабочие с нами—
Буржуи с панами".

Очень ценен материал третьего альбома: „К неделе крестьянина". „Цель недели крестьянина", „Красная армия и крестьянство", „Великий союз", „Город деревне", „Докажи в неделю крестьянина деревне, что город ей не враг, а друг и помощник"— вот заглавия статей этого альбома.

В четвертом альбоме—„Революционная сатира"—собраны каррикатуры из журналов, газет („Бедноты") и „Роста", „маленькие фельетоны", „частушки" и проч.

Мысль создать на месте сатирический журнал, при отсутствии у нас такового, нужно признать блестящей.

В районной библиотеке другого гарнизона (Гжатского) создан альбом по сельскому хозяйству, где приклеиваются статьи на эту тему из газеты „Беднота“.

Сколько кричат у нас об отсутствии этой литературы, о полной невозможности удовлетворить соответствующий читательский спрос. А вот, что может сделать самодеятельность библиотекаря, его творческая инициатива!

В такие формы выливаются на местах приспособление текущего газетного материала к организации справочной работы. Но, к сожалению, далеко не во всех библиотеках газета используется таким образом.

Иной формой, в которую выливается эта справочная работа в библиотеке, является организация „почтового отделения“.

В одном из выпусков журналов „Библиотекарь“ за 1914 г. была напечатана заметка под заглавием: „Библиотеки при почтовых учреждениях в Канаде“, где сказано, что „правительство занято рассмотрением проекта основания библиотек для чтения при почтовых учреждениях страны“. Неизвестно, осуществлен ли был этот проект, но любопытна его аргументация: „почтовое отделение является привычным учреждением для населения каждой общины, и прибавление к нему библиотечных функций представлялось бы совершенно естественным“.

Насколько широко в Америке усвоен взгляд на социально-полезную роль библиотеки, наглядно видно из того, что это ее значение вполне отождествляется со значением почтового отделения.

Но вернемся к нашим условиям работы.

В отношении снабжения красноармейцев материалами для писем на родину библиотека, как нельзя лучше, демонстрирует свою прямую полезность. И действительно, в то время, когда сейчас не только отдельные „лица“, но и учреждения испытывают крайнее затруднение с письменными принадлежностями, если красноармеец будет получать в библиотеке бумагу для письма, чернила, карандаш и еще—вдобавок—помощь товарища по написанию письма, если это нужно,—эта помощь библиотеки будет весьма ощутительна для красноармейца.

„В деле привлечения читателя в библиотеку нужно действовать в первую очередь именно в этом направлении, заставляя

читателя непосредственно почувствовать полезность, необходимость такого учреждения, как библиотека; уже после этого читатель сумеет уяснить себе в какой степени полезна ему библиотека теми знаниями, какие заключены в книгах. Только в этом случае его отношение к библиотеке, к книге будет достаточно „прочно“.

Так писали мы в циркуляре-обращении к библиотекарям-красноармейцам 17-го мая 1920 г., разъясняя значение работы с „письмами“, изданными библиотечным Отделением Пуокрзапа.

Изданием „писем“, организующий центр библиотечной работы в Западном Округе пришел на помощь не только читателю, но и библиотекарю, укавав ему на это средство работы и даже снабдив необходимыми материалами в виде „писем“. „Письма“ эти привились в работе сразу и прочно.

Наиболее интересно работа с ними поставлена—поскольку мне известно—в гарнизонной библиотеке г. Рославля (Смол. губ.). Она описана в корресподенции из Рославля, напечатанной в № 2 „Бюллетеня“ Политуправления З. В. О. под заглавием „Красноармейская почта“. Вот, как описывает автор эту „почту“: в помещении библиотеки установлено несколько красиво убранных столиков, на которых разложены письма, конверты и письменные принадлежности. Над каждым столиком красуется изящный почтовый ящик с плакатом, разъясняющим цели почтового отделения, при чем указывается, что библиотека берется помочь плохо пишущим и безграмотным, а также позаботиться о скорейшей отправке писем по назначению.

С тех пор жизнь в библиотеке закипела. Красноармейцы толпятся у столиков, в ожидании очереди, обступают библиотекарей с вопросами и справками.

При этом развивается библиотекарями максимум агитации о значении книги и пользе чтения. Доходит даже до того, что библиотекарь выдает письма вне очереди тому, кто берет книгу на дом или кто обещает прочесть предлагаемую брошюру. Часто пользуясь этим массовым посещением, библиотекарь устраивает летучие митинги, лекции и собеседования“.

В другой библиотеке наличное количество „писем“ совершенно не могло удовлетворить спроса, тогда библиотекарь стал заменять эти „письма“ небольшими кусками писчей бумаги и конвертами своего изготовления из старых газет с маленькой наклейкой из чистой бумаги на лицевой стороне конверта для надписания адреса.

Ко всему этому нужно добавить, что „письма“, изданные Библиотечным Отделением, заключают в себе каждое определенный текст, например, письмо красноармейца в деревню перед отправкой на фронт“, разъясняющее причины войны с Польшей, „письмо красноармейца к дезертиру“, „ложь и правда про коммунистов“ (маленький список книг), „что сделала Сов. власть для обеспечения красноармейцев и их семейств“, „Н. Ленин“ (биография) и др.

В упомянутом выше циркуляре Библ. Отделения мы писали: ...„письма“ будут заключать в себе целый ряд воззваний, рекомендательных списков книг, биографий и пр. Следовательно, они одновременно имеют агитационный характер, играют роль рекомендательных списков книг. И эта их агитационная роль распространяется не только на красноармейца, с которым непосредственно соприкасается библиотека—она распространяется в деревню, в крестьянскую массу, куда попадает письмо. Если мы примем во внимание теперь, что в данном случае, в целях пропаганды, мы пользуемся не официальным аппаратом (агитатор, газета, плакат), то будет ясно, что пропаганда таким путем будет глубже, сильнее по своему влиянию“...

Таким образом, этой работой, как и работой с газетой, мы, помимо непосредственной помощи читателю, ведем еще идейно-политическую работу в тесном смысле этого слова, живейшим образом откликаясь на события текущего дня.

В известном смысле к справочной работе примыкает и работа по рекомендации книг, когда она преследует не руководство чтением, но исключительно удовлетворение запросов или интересов читателей.

Так, в библиотеке одной из авио - частей висел рекомендательный список книг по истории и технике воздушного дела (большей части этих книг в библиотеке не имелось).

В другой библиотеке к развешанным по стенам портретам русских писателей (Тургенев, Гоголь, Гончаров, Пушкин, Толстой) были приклеены небольшие списки их произведений, упомянуты некоторые критико-биографические книги об этих писателях и указаны даты рождения и смерти.

В одной из районных библиотек Смоленского гарнизона висит плакат с надписью „Вожди пролетариата“, под надписью довольно живописно наклеены портреты Н. Ленина, Зиновьева, Троцкого, К. Либкнехта, Лассаля и др. (портреты вырезаны из „Первого

народного календаря на 1919 г.“, изд. Союза Коммун Северной Области), ниже этих портретов теми же красными буквами написано: „Читайте, что пишут вожди пролетариата“ и затем столбцами расположены несколько перечней произведений Н. Ленина, Зиновьева и др. (только часть указанных книг имеется в библиотеке).

Ясно, что все эти списки книг преследуют не столько цель рекомендации отдельных книг, сколько цель осведомления читателя о тех книгах, какие имеются вообще по данному вопросу или какие написаны определенным автором.

Безусловно, это начинание очень ценное.

Как этот способ работы, так и организация „почтового отделения“ и работа с газетой стремятся удовлетворить не высказанные, реальные потребности читателя и отличают собой второй момент в общей картине организации справочной работы.

Необходимо упомянуть еще о двух весьма важных технических принципах организации справочной работы.

Во-первых необходима организация направления читательской массы в библиотеку за справкой: я отмечал уже, что это у нас не сделано, что читатель идет в библиотеку за справкой не по привычке, не в силу уверенности, что ему дадут там нужный ответ, но скорее в силу ассоциации, связывающей библиотеку (книжное хранилище) с источниками знания вообще.

Читатель еще не знает с уверенностью, что именно в библиотеку можно и должно обратиться с вопросом.

Очевидно, необходимо широко рекламировать справочную работу библиотеки, перенеся рекламу из стен библиотеки непосредственно в красноармейскую казарму.

В одной из библиотек Смоленского гарнизона вывешено такое объявление: „Товарищи, при библиотеке и читальне имеются тетради для записи вами всякого рода справок, как-то: юридических, по земельному вопросу, продовольственному и т. п., ответы на которые дает библиотекарь на следующий день. Справки могут быть написаны без ваших подписей и адресов, лишь с написанием очередного номера. В случае получения одновременно нескольких вопросов, ответы будут даны по порядку №№.

Зав. библиотекой (подпись)“.

Что касается техники выдачи справок, то в этой же библиотеке Смоленск. гарнизона справки и ответы даются в письменной форме. За этим способом нужно признать безусловное пре-

имущество перед устной выдачей справок. В читальне библиотеки лежит обыкновенная школьная тетрадь, озаглавленная: Тетрадь для записи разного рода вопросов красноармейцами". Тетрадь разграфлена на следующие вертикальные рубрики: 1) номер по порядку, 2) вопросы, 3) номер по порядку, 4) ответы; таким образом каждому вопросу тут же соответствует ответ, написанный библиотекарем.

Итак, широкое рекламирование справочной работы есть первый принцип ее технической организации.

Во-вторых, нужно строго держаться принципа: ни отказа, ни ответа незнанием на справку со стороны библиотекаря быть не должно. Нет необходимости удовлетворить вопрос тут же. Это можно сделать и на следующий день, если справка требует осведомления со стороны библиотекаря по книгам или где-либо на стороне; отсрочка ответа произведет на читателя только приятное впечатление серьезным отношением библиотекаря к вопросу и желанием его ответить возможно точнее. Эта отсрочка ответа дает возможность библиотекарю поступить именно таким образом.

Нужно добавить еще, что библиотекарь—при добросовестном отношении—может удовлетворить всякий запрос, как бы мало он ни был сам знаком с литературой, как бы ни была бедна его библиотека, ибо он имеет возможность всегда сам обратиться за разъяснением к более осведомленному товарищу: к школьному работнику, к политруку, может отправиться в местную библиотеку Отдела Народного Образования, в которой, как в бывшей городской или земской, почти всегда найдешь и какой-либо словарь или нужную книгу для отыскания справки, он может обратиться в комячейку части или местный партийный комитет и т. д. Вот в общих чертах план организации справочной работы в библиотеке.

И здесь нам опять нужно отметить, что и организующим центрам и библиотекарям на местах остается еще многое и многое осуществить.

Я нарочно рассматриваю вопрос под углом зрения текущих, очередных задач этих двух организующих единиц.

Нарочно потому, что до сих пор не проводился в их работе принцип разграничения функций, разделения труда, если позволено будет так выразиться.

Библиотекари на местах, не имея достаточного опыта и средств брались за осуществление задач, выполнение которых под силу лишь работникам Политотделов армий, фронтов, округов. А Библ.

Отделы этих Политотделов сплошь и рядом в своей работе размениваются на мелочи, недостаточно чутки в отношении определения своих текущих задач и потому в работе своей не поспевают и не идут навстречу потребностям местных масс.

Больше того: если мы сравним результаты работы более мелких организующих единиц (Подивы, Поармы, Погарны, Погубы) с работой более крупных (Пофронты, Пуокры), то мы подметим тоже несоответствие выполняемых заданий с кругом компетенций, с территориальным районом данного Политотдела.

Так напр., Библиотечное Отделение Поарма издает свою инструкцию для библиотекарей-красноармейцев, Библ. Секция одного Погуба издает руководство по десятичной классификации, Библ. Секция другого Погуба устраивает библ. курсы с чрезвычайно обширной программой, на местах начинает издаваться целый ряд библиографических указателей литературы, надобность в которых чрезвычайно велика.

Такая несогласованность в работе, такое смешение функций, помимо того, что влечет за собой совершенно непроизводительную трату сил, не может дать абсолютно никаких результатов.

Итак только строгое разграничение организационных задач в осуществление библиотечной активности, начиная с задач Пур'а, Пофронтов и Пуокров и кончая задачей отдельного библиотекаря, придаст работе целесообразность, обеспечит благоприятное результаты.

Такое разграничение тем более необходимо, что в связи с новыми условиями работы, библиотечная активность, занимавшая вообще первенствующее положение в библиотечной работе в целом, приобрела значение исключительной важности, даже грандиозности в новой библиотеке.

Современную библиотеку мы не мыслим себе без широкой постановки такой работы.

Активная библиотечная работа как бы заслоняет перед нами всякую другую работу в этой библиотеке, которая не видна, как не видны звезды при солнце.

И я не скажу, чтобы это было явление ненормальное, особенно в наших красноармейских библиотеках.

Я скажу даже больше: библиотека не существует, остается лишь шкаф с книгами, до тех пор, пока не развернет широкой активной работы.

И еще: библиотека-сеятель книги, книга—даже самая прекрасная—вне библиотеки, как организующего центра, как осуществителя социального значения каждой книги, вне библиотеки—она ничто: распыленная, бессильная она является тем отдельным винтиком, который не составляет еще машины.

Библиотека организует книжный поток; она русло, распределитель его.

И если нет библиотеки—нет и книги.

Библиотекой же мы будем называть только такую, которая широко и могуче развернула активную работу.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Обе цитаты из статьи Н. А. Рубакина „Основные задачи библиотечного дела". См. „Письма к читателям с самообразовании", Птр. 1919 г., изд. Карбасникова, стр. 337 и 350.

2) Исключением является известная брошюра А. А. Покровского „Библиотечная работа (о культурной и социальной работе народных библиотек)", М. 1919 г., издание внешкольного Отдела Н. К. П., стр. 40 VI.

3) Циркуляр этот издан 15-го сентября с. г. Вот инструкция, приложенная к этому циркуляру.

ИНСТРУКЦИЯ

по организации библиотечных советов в частях Красной армии З. В. О.

§ 1. В развитие приказа № 16 от 13 марта 1920 г. Политического Управления Революционного Военного Совета Республики настоящая инструкция предусматривает организацию библиотечных советов при районных (базисных) красноармейских библиотеках.

§ 2. Библиотечный совет представляет собою постоянное районное совещание библиотекарей при районной красноармейской библиотеке.

Состав библиотечного совета.

§ 3. В состав библиотечного совета входят: заведывающий районной библиотекой, в качестве его руководителя, и все заведывающие передвижными библиотеками данного района.

§ 4. Представители других отраслей политическо-просветительной работы в Красной армии привлекаются к работам совета по мере необходимости в этом.

§ 5. Представители читателей привлекаются обязательно, в размере одной четверти состава бибсовета, при чем желательно организовать это представительство из состава литературных, политических и других кружков, где таковые имеются.

Порядок работы бибсовета.

§ 6. Общее собрание бибсовета избирает из своей среды товарища председателя и секретаря, составляющих президиум бибсовета.

§ 7. Бибсовет собирается не реже одного раза в две недели.

§ 8. Заведывающие подвижными библиотеками обязаны безусловно аккуратно посещать все заседания совета.

§ 9. В качестве обязательного пункта в порядке дня каждого заседания бибсовета должен стоять доклад заведывающих передвижными библиотеками о деятельности последних за истекший период.

Примечание. 1 На каждом заседании ведется подробный и точный протокол, копия которого представляется в соответствующий политотдел.

Задачи библиотечного совета и круг его деятельности.

§ 10. Библиотечный совет должен объединять деятельность всех красноармейских библиотек данного района, сопрягая эту деятельность с работой других политпросветучреждений района: клуба, школы, театра, лекций и др.

§ 11. Библиотечный совет разрабатывает мероприятия культурной работы в библиотеках. К этим мероприятиям относятся: рекламирование библиотек и их книжного состава, устройство плакатов, выставок, использование дней исторических и общественных событий для пропаганды книги, рекомендация определенных книг читателям и обмен между библиотеками необходимыми книгами для удовлетворения читательских запросов, организация руководства чтением, громких чтений и выработка программ таких чтений. Организация кружков самообразования, литературных и иных кружков, организация справочного стола библиотек и т. д.

§ 12. Библиотечный совет собирает воедино данные опыта каждой библиотеки в ее культурной работе и в зависимости от

местных условий и результатов опыта использует удачные опыты во всех библиотеках района, имея в то же время возможность избежать повторения ошибок.

§ 13. Бибсовет вырабатывает объединенный план мероприятий по вовлечению читательской красноармейской массы в работу библиотек вообще и работу бибсоветов.

§ 14. Бибсоветы обсуждают вопросы обмена передвижек между воинскими частями (на основании статистических данных о работе этих передвижек), вопросы комплектования передвижных библиотек и т. д.

§ 15. Бибсоветы поручают отдельным членам подробное ознакомление с интересующими или неясными вопросами библиотечной техники и культурной библ. работы.

§ 16. Бибсоветы вырабатывают план работы как всех библиотек данного района на ближайший период времени, так и определяет задачи каждой библиотеки на это время.

§ 17. Бибсовет следит за поддержанием тесной связи библиотек с соответствующими политпросветами и с биботделением Пуокрзапа.

4. Библиотечным отделением Пуокра изданы следующие плакаты и аншлаги художественного и рекламного характера: плакаты: 1) со словами А. И. Герцена („Книга—это духовное завещание одного поколения другому, завет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся, часовому, заступающему ему место... Итак, будем уважать книгу“). исполнен в семи красках литографским способом; 2) плакат со словами М. Горького („...Любите книгу—источник знания, только знание спасительно, только оно может сделать нас духовно сильными, честными, разумными людьми, которые способны искренно любить человека, уважать его труд и сердечно любоваться плодами его непрерывного великого труда“) в одну краску. 3) Плакат со словами—„Книга поможет тебе уничтожить самое проклятое неравенство — неравенство в умственном отношении“ в три краски. 4) Художественный табель календарь на 1920 г. с несколькими изречениями о значении библиотеки и маленьким списком книг. 5) Аншлаг: „Библиотека открыта от час., до час.“. 6) Плакат: „Что сделала советская власть для обеспечения красноармейцев и их семейств.

5. Рекомендательные списки книг изданы библиотечным отделением Пуокра на следующие темы: № 1. „Нападение панской

Польши на Рабоче-Крестьянскую Россию,“ 2. „Орудие борьбы с голодом в наших руках“ (разводите огороды), 3. „Знаниями и трудом поможем советской власти“ (помощью книги улучшай хозяйство), 4. „Вечно ли владычество капитала?“, 5. „За что мы воевали прежде и за что воюем сейчас“, 6. „Чем был солдат в царской армии и кем стал в Красной армии“, 7. „Правда и ложь про коммунистов“, 8. „Учись военному делу“, 9. „Прошлое и настоящее Интернационала“, 10. „Скотоводство в крестьянском хозяйстве“, 11. „Как уберечь себя от заразных болезней“, 12. „Борьба с голодом в советской России“. Каждому списку предпослано краткое введение в вопрос, с рядом характеризующих вопрос цифр. Темы разработаны „по вопросам, а не по наукам“, т.-е. освещены с точки зрения ряда наук гуманитарных, прикладных и т. д. Так, например, в списке № 3 (Знанием и трудом поможем Советской власти—помощью книги улучшай хозяйство) указанная литература разбита по следующим рубрикам: общие популярные сочинения по сельскому хозяйству, с.-х. машины и орудия, борьба с вредителями и болезнями растений, строение и жизнь растения, как вести хозяйство: коммуной или в одиночку (всего указано 41 брошюра и книг по вопросу), в списке № 1 (Нападение панской Польши на Рабоче-Крестьянскую Россию) литература разбита по таким рубрикам: современные политические статьи и брошюры по вопросу об отношении Советской власти к народу других национальностей, из книг по истории Польши и борьбе ее за независимость, из книг о польском крае, быте польского народа и его литературе, из книг о борьбе польского пролетариата и крестьянства со шляхтой (беллетристика). Каждое название книги во всех списках снабжено указанием на место и год издания, издательскую фирму и число страниц в книге или брошюре; по преимуществу указаны издания последних двух-трех лет. Названия книг и брошюр расположены в списках по алфавиту авторов или названий — уже в пределах каждой рубрики.

Рекомендательные списки предназначены исключительно для развешивания на стенах в помещении библиотеки или жилом помещении для красноармейцев, о чем указывается в особом обращении к библиотекарям, напечатанном на обороте каждого списка. В конце перечня книг следует фраза: „подчеркнутые в этом списке книги имеются в нашей библиотеке. Книги выдаются от час. до час.“.

В упомянутом обращении к библиотекарям я между прочим писал:

5. „Пусть не смущает вас, товарищ, если из этого списка только несколько книг вы найдете в своей библиотеке; обращение ваше в районную библиотеку или экспедицию Политотдела тоже может остаться без результата, многих из указанных книг и брошюр достать сейчас трудно или нельзя вовсе, но не складывайте оружие, ищите их:

в соседней районной библиотеке,
в местном партийном комитете,
в Политотделе,
в библиотеках Отд. Народ. Образов. и т. д.

Вам всегда одолжат эти книги на несколько дней.

Теперь возникает вопрос: как в течение этих нескольких дней удовлетворить требования на книгу десятков, а может быть, и сотен красноармейцев читателей. И отчет напрашивается сам собою:

организуйте в роте
или в библиотеке
чтение вслух этой книги,

предупредив об этом особым объявлением читателей (такое объявление хорошо вывесить рядом с рекомендательным списком).

Только таким путем коллективного использования книги мы сумеем выйти из того положения, в каком находимся, когда самые нужные книги редки, о чем, товарищ, вы сами хорошо знаете“.

6. Как эти плакаты, так и ряд других материалов, о которых будет говориться дальше, и все издания библиотечного Отделения Пуокра были представлены на небольшой выставке, устроенной при съезде.

7. См. „Резолюции Второго Всероссийского Совещания работников в деревне (с 10 по 15 июня 1920 г.)“. Гос. Из-во, 1920 г. стр. 6.

По вопросу о подготовке библиотечного персонала считаем интересным привести следующую резолюцию первой конференции библиотечных работников Западного Военного Округа по докладу т. Кипермана „По подготовке библиотечных работников“ (82 11 октября 1920 г)..

1) В деле подготовки библиотечных работников в настоящее время можно констатировать полнейшее отсутствие плана, бессистемность как в организационной, так и в технической стороне этого дела, с самыми тяжкими последствиями этих обстоятельств.

2) Между тем, вопрос о планомерной интенсивной подготовке бибработников есть вопрос не только развития и углубления, но гарантия дальнейшего существования библиотечного дела на местах.

3) В настоящий момент центр тяжести в вопросе подготовки персонала лежит в организационной и методической части его.

4) В отношении организационном необходимо придерживаться принципа, в силу которого каждому из органов, централизующих библиотечную работу, в соответствии с областью его компетенции и числом централизуемых библиотечных единиц, должна соответствовать своя определенная форма организации дела подготовки бибработников; примерным планом организации такой сети школ будет следующий: а) первый тип—Высший Библиотечный институт в Москве при Пуре для подготовки заведывающих и начальников библиотечных отделений Пофронтов, Поармов, Подивов, Пуокров, Погубов, ответственных инструкторов, организаторов и заведывающих бибкурсами низшего типа; б) второй тип—библиотечная школа при Пофронтах, Поармах, Пуокрах для подготовки заведывающих районными—базисными библиотеками и их отделениями, инструкторов Поармов, Подивов, Побригов, Пуокров, Погубов и Гаров; в) третий тип—школа при Подивах и Погубах (краткосрочный семинарий) для подготовки заведывающих передвижными библиотеками.

5) Программы библиотечных школ всех типов должны быть разработаны в точном соответствии с этим организационным планом, сохраняя единство для всех типов школ.

6) Вместе с тем конференция должна подчеркнуть, что дело подготовки бибработников не должно ограничиваться организацией соответствующих школ, но должно также вылиться в ряд мероприятий, направленных к повышению уровня знаний и общего развития работающих на местах библиотекарей и в борьбе с рецидивами библиотечной безграмотности.

Резолюция эта с целым рядом дополнений была принята на 1-м Всероссийском Съезде.

8. Е. Чарнолусская—„Общественные библиотеки в Америке“, П. 1920 г., изд. 2-е „Школа и жизнь“, 80 стр.

9. „Библиотекарь“, журнал общества библиотековедения. 1914 г., вып. II отд. „Из иностранной литературы и жизни“, стр. 220.

10. Библиотечным Отделением Пуокра изданы „Письма“ со следующими текстами: № 1. „Письмо красноармейца к дезер-

тиру“, № 2. „Письмо красноармейца в деревню перед отправкой на фронт“, № 3. „Ложь и правда про коммунистов“ (рекомендательный список книг), № 4. „Дисциплина, принуждение и милитаризация труда“ (из ст. Н. Бухарина в „Правде“), № 5. „За работу“ (ст Л. Троцкого), № 6. „Н. Ленин“ (краткий биографический очерк с указателем литературы), № 7. „Что сделала Советская власть для обеспечения красноармейцев и их семейств“ (Систематизированный перечень декретов и постановлений), № 8. „Горе не доводящим до конца“ (известная статья Л. Троцкого).

А. А. Покровский.—*О работе с беллетристикой.*

В работе библиотек выдача беллетристики обычно занимает одно из первых мест, если не первое. Вероятно, так будет и дальше, поскольку можно пока предвидеть: среди „массовых“ читателей очень многие будут читать почти исключительно беллетристику, и разве очень немногие „верхние“ читатели обходятся вовсе без беллетристики. Уже в виду такого количественного преобладания выдачи беллетристики библиотекарям следует с большим вниманием относиться к подбору и рекомендации беллетристических книг. А еще нужно принять в соображение и качественную сторону дела, то, что влияние беллетристики на читателя во многих случаях оказывается сильнее и глубже, чем влияние научных и деловых книг.

Но мы, библиотекари, по большей части не думаем о важном значении работы с беллетристикой. Вместо сознательной и планомерной рыботы мы просто выдаем направо и налево, кому попало и как попало, наличный беллетристический материал. По большей части мы не знаем, для чего в сущности выдаем данную книгу данному читателю, и далеко не всегда знаем, чего вообще мы хотим достичь, выдавая беллетристику.

Главные задачи библиотечной работы с беллетристикой, мне кажется, таковы:

1) Привлечение к чтению, приучение к книге людей, мало и плохо читающих;

2) Моральное и социальное воспитание людей (хотя бы и взрослых), влияние на эмоциональный строй души, развитие чувств и склонностей, нужных строителям и гражданам нового общества;

3) Во многих случаях также образовательное влияние, влияние на интеллектуальную сторону души, расширение запаса знаний и идей и, между прочим, социально-политическое просвещение;

4) И вместе со всем упомянутым выше—удовлетворение и развитие эстетической потребности читателя, потребности и способности испытывать эстетическое наслаждение.

I. Привлечение к книге.

В большинстве случаев люди становятся читателями—втягиваются в чтение и научаются читать, легко и быстро читая беллетристику; уже в результате приобретаемого таким путем навыка к чтению человек потом привыкает легко читать и более серьезные книги. Бывают, конечно, случаи иного порядка; бывает, что люди втягиваются в чтение и приобретают читательские навыки, начиная с книг научных, но таких случаев мало.

Теперь часто указывают на то, что новые читатели из крестьян и рабочей среды, в противоположность рядовому читателю из среды буржуазно-интеллигентской, предъявляют сравнительно большой спрос на книги деловые и научные, и сравнительно мало берут беллетристику. Но это зависит, главным образом, от того, что пока библиотеки привлекают еще не массового крестьянина и рабочего, а только „верхи“ этих слоев, людей с более высокою активностью и культурностью. Да и те, по правде говоря, очень часто только берут серьезные книги, но не дочитывают их; или читают так медленно и „насильно“, что никакого навыка к легкому быстрому чтению в результате получиться не может. Рядового же человека из крестьянской или рабочей среды, не читающего, или очень мало читающего,—приохотить к чтению можно лишь беллетристикой, притом самой легкой, как „сказочки“ или „завлекательные романы“.

Задача привлечения к библиотеке и к книге требует наличности в библиотеке таких „завлекательных книг“. Нельзя довольствоваться тем, что в библиотеке имеются „Вечера на хуторе“ Гоголя или „Записки охотника“ Тургенева, или рассказы Короленко, Серафимовича... Нужно только ясно представить себе этого „желательного читателя“, не привлеченного нашей библиотекой, этого деревенского парня, покупающего на базаре

книжку, как: „Битва русских с кабардинцами“ или „Прекрасная магометанка, умирающая на гробе супруга“, этого подростка, спекулирующего на Сухаревке, зачитывающегося похождениями разбойника Чуркина или сыщика Пинкертона,—если вы ясно представите себе вкусы и запросы этого читателя, то согласитесь, что здесь мало помогут Тургенев и Короленко. Если мы хотим, чтобы к нам, а не на базар и не на Сухаревку шли за книгами эти читатели, если мы хотим конкурировать и с лубочными книжками, и с бульварным романом, и с разными заманчивыми удовольствиями деревенской и городской улицы,—мы должны иметь книги, дающие удовольствие сильное, яркое, хотя бы совсем элементарное, не „тонкое“.—Сказки, простые рассказы (без длинных описаний красот пейзажа и без тонкостей психологического анализа), юмористика (тоже без большой тонкости юмора), романы „про приключения“, „про любовь“, притом романы очень примитивные, близкие в этом отношении к лубочным и бульварные,—вот что должно иметься в наших библиотеках.

Конечно, дело идет не о том, чтобы просто угождать неразвитому читателю и укреплять его вкус к бульварному роману. Напротив, основная задача библиотекаря—повышать вкусы и углублять запросы читателя. Но, чтобы этого достичь, прежде всего нужно, чтобы люди были читателями, чтобы они охотно шли в библиотеку, охотно брали рекомендуемые библиотекарем книги. А для этого нужно на первых порах непременно угодить им, т.-е. дать им книжки завлекательные. Поэтому, кстати сказать, нам важно знать и даже внимательно изучать лубочную и бульварную литературу, ибо это научит нас лучше понимать интересы и запросы ее читателей и поможет нам выбрать среди принятых в наши библиотеки книг такие, которые бы обладали элементарною занимательностью книг лубочных и бульварных.

Нужно сознаться, что эти книги-приманки, „книги для разводки читателей“—это будут книги далеко не первосортные с точки зрения развитого вкуса; многие из них будут просто плохи с художественной и с идейной стороны. Но понятия „хорошая книга“ и „плохая книга“ вполне относительны; книга хороша, если она хоть немного лучше того, что человек читал перед этим, хоть на ступеньку поднимает читателя вверх; но та же самая книга плоха,—если человек читал и может читать лучшие книги, если эта книга является в данном случае ступенькой вниз.

Поэтому для наших целей хороши и потому допустимы и даже необходимы в наших библиотеках такие, например, книги, как „Хижина дяди Тома“ Бичер-Стоу, как романы Жюля Верна, как „Князь Серебряный“ А. Толстого. Это вещи—или очень слабые с художественной стороны, или очень малоценные со стороны идейной; но всетаки каждая из них—шаг вперед от „Тайн Мадридского Двора“ или от Пинкертона: а понравятся они, быть может, и читателю Пинкертона. Этими вещами мы „угодим“ нужному нам „рядовому“ читателю, привлечем его в библиотеку, удержим его,—а потом уже постараемся, чтобы он перешел к другим книгам. Да, даже и без наших стараний так случится, по большей части, „само собой“ наш читатель и сам постепенно перейдет к другим книгам заслужившей его симпатию библиотеки: многие из хорошо образованных рабочих, из вождей рабочего движения—с благодарностью вспоминают полулубочные романы, по которым они учились читать, и от которых они перешли к классикам и к идейной беллетристике.

Конечно, библиотекарь должен знать, кому и для чего следует давать и рекомендовать эти „книги-приманки“, и кому следует предложить иные, более содержательные или более художественные книги. Библиотекарь должен понимать основное правило руководства чтением (которое можно назвать также основным правилом всякой культурной работы вообще) исходить из наличных запросов человека, на них отвечать, их удовлетворять,—но так, чтобы их удовлетворение вело бы постепенно к их изменению, повышению. Иными словами: с одной стороны, библиотекарь не может руководиться своими собственными вкусами и интересами, игнорируя вкусы и интересы читателя,—потому, что тогда многие читатели вовсе уйдут от влияния библиотеки и библиотекаря; но, с другой стороны, библиотекарь не может и просто следовать вкусам и запросам читателя, забывая о задаче их повышения и преобразования,—потому, что тогда теряется смысл библиотечной работы, как работы культурной. Конкретные примеры: читатель просит „сказку“. И нужно дать ему сказки, но такие, чтобы они, удовлетворяя его наличный запрос, его интерес к сказочному, в то же время подготовляли бы переход к „не сказке“, к более содержательному чтению. На первый раз можно дать просто „Конек-Горбунок“ Ершова, но потом можно предложить хотя бы „Конек-Скакунок“ Верхоянцева, чтобы попробовать переход к политическим инте-

ресам. Или можно после русских народных сказок предложить сказки Пушкина, чтобы освоить читателя и с именем Пушкина и с его стихом и подготовить переход к чтению „классиков". Возможны и другие переходы, например, к естествознанию с помощью „научных сказок", как „Дедушка Время" Рубакина; к истории культуры с помощью книжек, объясняющих, откуда взялась вера в сказочные персонажи, в чертей, бабу-ягу, в колдовство и т. п. Другой пример: читатель интересуется „приключениями" и нужно ему дать книгу „про приключения"; но нужно давать не Буссенара или Эмара, а хотя бы Жюля Верна, подготовляющего переход и к географии, и к астрономии и даже к технике, или английских писателей, с переходами, напр., от Купера к Стивенсону или к Джеку Лондону—а от Лондона быть может, к социальному вопросу и к книгам о социализме. Такими, или подобными этим, переходами должен уметь пользоваться библиотекарь—иначе, если он будет вместо сказок прямо предлагать „Евгения Онегина", или вместо книги „про приключения"—политико-экономическую брошюру, он будет только смущать и отпугивать читателя.

II. Социальное воспитание.

Главная ценность беллетристики—в ее воспитательном влиянии; в этом отношении она гораздо сильнее научной книжки, которая не может так глубоко и прочно влиять на чувства и склонности человека.

Всякая беллетристическая книга, даже самый пустой роман „про любовь" и „про приключения", про нежных красавиц и невероятно благородных героев—дает читателю или читательнице те или иные душевные переживания. Эти переживаемые при чтении впечатления и волнения оставляют в душе следы, накопление которых влияет на формирование у человека настроений, чувств, склонностей, на изменение характера человека. В особенности важно влияние этих переживаний на установление „симпатий" и „антипатий", отношений к разного рода людям, к разным фактам жизни. Нередко отношение бульварного романиста к его героям в значительной степени определяет собою отношение читательницы к действительно встречающимся в жизни людям, она от героя своего романа требует качеств

графа Монтекристо или испанского дворянина дон-Сезар-де-Базана,—до „шикарного“ костюма, жгучих глаз и закрученных усов включительно и (как замечает в одном месте Карлейль), быть может, иногда влияние романа, выданного девушке из библиотеки, является решающим в деле выбора мужа—и, стало быть определяет не только судьбу этой читательницы, но и судьбу других людей, из которых некоторые еще не существуют. Уголовные суды знают много случаев, когда чтение „убийственных“ или „ужасных“ романов наполняют души молодых читателей переживаниями, предрасполагавшими к преступлениям. Под влиянием Купера или Майн-Рида иные даже русские читатели еще из четвертого класса гимназии убегали в Америку сражаться с индейцами и охотиться на ягуаров, а иные, менее порывистые, хотя этого и не делали, спокойно оканчивали гимназию, забыв про ягуаров и индейцев, но потом, уже взрослыми людьми, иногда неожиданно для самих себя, при подвернувшемся случае уже в серьез уезжали за океан.—Романы из жизни революционеров Запада, как „Один в поле не воин“ Шпильгагена или „Овод“ Войнича,—многих русских людей направляли на путь участия в русской революционной борьбе. Подобных примеров можно привести много—они подтверждают замечание, которое мимоходом высказал А. А. Богданов, что в наше время беллетристика является едва ли не самым могучим орудием социального воспитания, т.-е. установления между людьми известных отношений, „введения индивидуума в систему социальных связей“.

Эти соображения об эмоциональном по преимуществу характере психических процессов, связанных с чтением беллетристики, и о социально-воспитательном значении беллетристики—не новы для библиотекарей, но, мне кажется, они обычно не додумываются до конца, из них не выводятся их следствия. Признание важности эмоциональных переживаний читателей и воспитательного действия чтения на взрослых читателей (не говоря уже о детях) обязывает нас пересмотреть и переоценить обычный беллетристический материал наших библиотек.

Какие именно эмоции вызывает та или иная книжка, какие именно настроения и склонности она укрепляет, развивает, воспитывает.

Разные социальные группы и формы пользовались беллетристикой для того, чтобы в своих интересах воспитывать читателей. Так, в свое время создалась литература рыцарских поэм и

рыцарских романов, смысл которых—воспитывать в господах чувство и склонности, нужные для господства, для властвования меньшинства над большинством, как, например, храбрость, „верность“ (верность рыцаря своему слову, долгу, присяге, чтобы рыцари-господа могли положиться друг на друга, барон—на государя и государь—на барона) гордость (ощущение превосходства над чернью и права господствовать), и т. п. Отголоски этого аристократизма мы встречаем во многих произведениях даже 19-го и чуть ли не 20-го века, напр. у Вальтер-Скота, даже у Пушкина, даже, скажем, у Фета и чуть ли не у „символистов“.—Буржуазия создала свою беллетристику, воспитывающую буржуазные добродетели. Параллелью к храбрости рыцарских авантюр в буржуазных романах является смелость предпринимательства и приобретательства (приключения пионеров европейской колонизации в диких странах, романы о людях, которые „сами себе пробивают в жизни дорогу“—обычно дорогу к положению фабриканта или директора предприятия); параллель к рыцарской верности—верность в денежных отношениях (мотив уплаты в старости долга, сделанного в молодости, или мотив растраты, подделки векселя и т. п.—обычные темы буржуазных романов); гордости аристократа противопоставляется гордость разбогатевшего плебея и т. п. Даже у Диккенса, у Золя, у Гончарова, у Писемского, не говоря о бульварных романах буржуазной эпохи, мы увидим характерные и нужные для буржуазии эмоции и склонности. Борющийся пролетарий тоже имеет свою беллетристику, боевую пролетарскую литературу, воспитывающую эмоции и настроения, нужные для борьбы—классовую ненависть, чувство товарищества, и пр.

У нас есть множество романов, рассказов, стихотворений, укрепляющих монархические чувства (как сочинения Загоскина, Вс. Соловьева, как иные стихотворения Пушкина или хотя бы его „Капитанская дочка“) или воспитывающих национализм и шовинизм (романы Сенкевича или тот же Загоскин, или „Тарас Бульба“ Гоголя, „Полтава“ Пушкина). Важно заметить, что здесь дело не столько в сознательных намерениях автора, не столько в тех идеях, которые он высказывает или проводит, сколько в тех полубессознательных эмоциях, переживаниях, которые им владеют, пропитывают его произведения и так же полубессознательно воспринимаются читателями.

Из так называемых „психологических романов“ есть много определенно „эгоцентрических“ и развивающих этот эгоцентризм, склонность к чувствам, сосредоточенным на собственной особе; пример—хотя бы „Герой нашего времени“ Лермонтова. Из романов, главным содержанием которых является любовь, иные воспитывают священный ужас перед преступлением людей, полюбивших без разрешения церкви или родителей, иные—усиливают и укрепляют сентиментализм и отношение к любви, как к единственно важному и ценному в жизни, иные—толкают к половой распущенности...

А мы, библиотекари, раздавая направо и налево беллетристику, очень мало думаем об эмоциональном содержании того или иного романа или рассказа, о тех переживаниях, которые они дадут читателю... Каждым выданным нами романом мы влияем на людей, участвуем в воспитании их моральных и социальных свойств—не зная, в какую сторону мы на них влияем, в каком направлении их воспитываем.

Нужно сделать нашу социально-педагогическую работу библиотеки сознательной, продуманной, планомерной. Библиотекарь должен знать свойства своих книг, чтобы с ними сознательно работать—влиять на читателей не в направлении развития эгоизма или сентиментальности, буржуазного приобретательства или национализма. Работая над проведением в жизнь социализма, библиотекари имеют своей задачей воспитание людей для социализма,—должны уметь и беллетристикой воспользоваться для выявления, развития и укрепления тех чувств, настроений и склонностей, какие нужны строителям и гражданам социалистического общества. Чувства симпатии, общественные чувства, как общительность, чувство товарищества, склонность к устройству общих начинаний, увлечение работой на общественную пользу, живое интернационалистическое чувство, радость труда и коллективного товарищества—вот примеры тех эмоций и склонностей, которые теперь особенно нужны людям, и развитию которых должна помогать социально-воспитательная работа библиотеки.

С этой точки зрения и должна быть пересмотрена и переоценена беллетристика в наших библиотеках.

Конечно, дело идет не о цензурных мерах, не о простом исключении из библиотек сочинений, в которых проявляются аристократические или буржуазные чувства, националистические

или монархические склонности (т. е., между прочим, многих сочинений Пушкина и Гоголя, Лермонтова, Некрасова), а о сознательной оценке и сознательном использовании каждой книги, о том, чтобы библиотекарь знал, что он дает, и умел дать то, что нужно, тому, кому нужно, тогда, когда нужно.

Это дело далеко не легкое. Понимать и учитывать влияние той или иной книги—далеко не просто. Эмоциональное действие и воспитательное влияние книги очень часто совершенно не совпадает с явными тенденциями, „идеями", сознательными намерениями автора: история литературы знает много случаев, когда действующие лица романа, осуждаемые и обличаемые автором (как Ловелас в романе Ричардсона) оказывались образцами для подражания в глазах читателей, и наоборот. Притом даже влияние одной и той же книги на разных людей может быть очень и очень различным. Достаточно упомянуть, что, например, книжки о похождениях Пинкертона для одних читателей являлись толчком по пути на скамью подсудимых, а у других читателей, наоборот,—как показывают анкеты—вызывали эмоции нравственные, альтруистические, даже общественные. Опытный библиотекарь знает случаи, когда романы с революционной тенденцией для иных читателей давали толчек в сторону вражды к революционерам, и другие случаи, когда иные читатели из самых консервативных романов выносили впечатления, усиливавшие тяготение к революции. Если еще прибавить, что, быть может, влияние беллетристики относится более к области „подсознательного", то понятна будет трудность планомерной социально-педагогической работы библиотекаря с беллетристикой.

3. Образовательная работа.

Наряду с влиянием на чувства и склонности читателей—беллетристическое чтение может, конечно, влиять и на интеллектуальную сферу, на область мышления и знания. Значительная часть представлений о разных фактах жизни (любовь, ревность, преступления), о быте разных слоев и групп населения (как быт крестьян—для горожанина, жизнь тюрьмы и ссылки, жизнь артистов и т. п.), о жизни разных народов, дикарей Африки или о жизни в Соединенных Штатах Америки, об исторических событиях, о царях и народных героях—у каждого из нас получилась не из научных книг, а из романов, повестей и

рассказов. Представление об Екатерине II-ой у очень многих из нас сложилось по „Капитанской дочке“ Пушкина или по романам Всеволода Соловьева и Данилевского; много астрономических представлений публика берет начало из романов Ж. Верна; представления о жизни крестьян в разных странах можно получить из ряда романов и повестей (как Раймонд, Поленц, Розеггер, Френсен, Гильомен и т. д.). Предпочтительнее, конечно, чтобы люди получали научные сведения из более надежных источников—из научных книг, а не из беллетристики. Беллетристика же может иметь иное—но столь же важное значение по отношению к научному образованию: для многих людей чтение беллетристики может стать ступенью для перехода к чтению научных книг.

Для этого библиотека подбирает и выделяет книги „подготовительные“, беллетристические, но способные пробудить научные интересы (как Ж. Верн—для географии, астрономии, авиации и др., Уэльс или некоторые сочинения Дж. Лондона—для социально-экономических наук, и т. п.) и книги „переходные“, дающие настоящие научные сведения, но настолько же легкие и занимательные, как беллетристика (пример—многие естественно-научные и географические книжки Рубакина; некоторые исторические „хрестоматии“, как рассказы из русской истории Мельгунова и Петрушевского, „На повороте“ Мезнер).

Работая с такими „подготовительными“ и „переходными книгами“, применяясь к запросам, уровню развития, и наличным знаниям каждого читателя, библиотека может многих людей приохотить к чтению серьезных книг, многим помочь в самообразовательной работе. Но здесь может встретиться много трудностей и даже опасностей; неосторожность может привести к худшему, вместо лучшего,—к тому, что читатель взявши научную книгу, не заинтересуется ею или не справится с нею, и потеряет доверие к библиотекарю, или, что еще хуже, потеряет веру в себя...

4. Эстетическое удовольствие и развитие художественного вкуса.

Это—не отдельная задача, достигаемая отдельными средствами, особо для этого назначенными книгами. Это, скорее, общее условие успешного выполнения всех перечисленных выше задач—и общий результат всякого беллетристического чтения. Если книга не дает удовольствия,—читается вяло, неохотно, почти насильно,—она не будет служить цели привлечения читателей,—

приохочивания к чтению; она не может возбуждать эмоции, глубоко и сильно влиять на душу, воспитывать читателя; она не может оставить в уме читателей ярких представлений, знаний, мыслей, возбудить деятельность интеллектуальных сил,—даже памяти, не говоря уже об активном мышлении.

Может быть, покажется неподходящим для удовольствия, испытываемого читателем Майн-Рида или Пинкертона, название: „эстетическое наслаждение". Но для многих читателей это удовольствие, во всяком случае, является первой ступенью в ряду тех ступеней, проходя которые читатель доходит до того, что ему перестают доставлять удовольствие романы Майн-Рида—и он испытывает удовольствие при чтении „Евгения Онегина" или „Фауста".—Эта постепенность развития художественного вкуса также должна быть понятна библиотекарю, если он ставит своей задачей доставление читателю эстетического наслаждения. И здесь встретится много трудностей при конкретном выполнении задачи, при рекомендации читателю художественной литературы; и здесь нужно уметь дать книгу, которая бы отвечала достигнутому уровню развития художественного вкуса,—была бы несколько выше по художественности, чем книги, ранее доставлявшие этому читателю удовольствие,—но не настолько выше, чтобы читателю ее художественность оказалась недоступной и непонятной. Библиотекарь располагает сочинения „классиков" в ряды—в порядке последовательности ступеней художественного вкуса. Конечно, не возможно дать точных списков, одинаково пригодных для всех читателей; но все таки можно установить примерные ряды, более или менее подходящие для большинства средних читателей, напр., для поэтов—от Кольцова или Никитина через Некрасова, Надсона или Плещеева—до Фета, до Бальмонта. И в такие же ряды располагаются различные сочинения одного и того же писателя (напр., для Л. Толстого,—„Анна Каренина",—„Война и мир"...).

Нужно, кстати, оговориться, что задача поднятия эстетического вкуса читателей далеко не совпадает с другой задачей, которая иногда ставится библиотеке,—задачей историко-литературного образования, последовательного ознакомления с писателями, имевшими большое значение в развитии литературы. Мне лично кажется, что наши народные библиотеки не должны ставить себе эту острую задачу, не должны побуждать читателей изучать историю литературы и оценивать беллетристические произведе-

ния с точки зрения их исторического значения:—не нужно также, мне кажется, знакомить читателей с различными эстетическими теориями и побуждать его к эстетическому разбору произведений. Читателю не стоит на это тратить время, внимание и труд. Библиотекарю же, пожалуй, не лишне знакомиться и с историей литературы и с теорией словесности (особенно в той разработке, которую дает т.-н. школа Потебни, Овсяннико-Куликовский и др.).

Все это должны делать библиотеки; но могут ли они это делать? Сумеют ли наши библиотекари оценивать доступность и занимательность книг, их эмоциональное содержание и воспитательное влияние, их образовательную и художественную ценность, сумеют ли руководить выбором книг и чтением, учитывая и общие цели социальной работы библиотеки, и психические особенности читателей, от которых зависит влияние книги.

Конечно, хорошо выполнять поставленные задачи и работы не могут и опытные, хорошо подготовленные, хорошо образованные библиотекари. А новые библиотекари, неопытные и неподготовленные, конечно, не в состоянии не только хорошо, а хотя бы „удовлетворительно“ справляться с трудностями задач.

Следует ли отсюда, что нужно отказаться от этих задач, отказаться от сознательной планомерной работы с беллетристикой и выдавать, что попало и кому попало.

Не умеют—должны научиться. А научиться работе можно, только выполняя работу. Выполняя сначала плохо, чтобы потом выполнять хорошо.

А центры, опытные и подготовленные работники—должны помочь рядовым работникам на местах в подготовке к этой работе и в самой работе.

В ряду важнейших предметов, основных занятий на библиотечных курсах должно быть поставлено изучение работы с беллетристикой.

Библиотечные центры должны дать библиотекарям простые и удобные пособия для работы с наличным, обычным в библиотеках беллетристическим материалом—рекомендательные списки и каталоги, с распределением книг по ступенькам, по характеру содержания, с аннотациями—краткими заметками о книге для библиотекаря и для читателя.

О необходимости поставить при библиотечных центрах планомерно и систематично работу по научному изучению психологии

влияния беллетристической книги я могу не распространяться, так как на Съезд представлены два специальных доклада по этому вопросу (А. И. Нечаева и Н. А. Рыбников). Я бы только со своей стороны хотел особенно подчеркнуть, что такие научные работы должны быть поставлены отнюдь не исключительно силами специалистов-психологов, что здесь необходимо сотрудничество науки и практики, соучастие ученых психологов и библиотекарей.

Н. А. Рыбников—*Изучение психологии читателя.*

(Некоторые результаты анкеты о читательских интересах).

Работа библиотекаря должна иметь в виду два объекта: книгу и читателя. По первому пункту—о книге—существует довольно обширная литература, где библиотекарь-практик найдет много ценных указаний. Но он в ней совсем почти не найдет указаний по второму вопросу—о читателе, его психологии и интересах. Между тем, едва-ли какая-нибудь профессия требует такого уменья разбираться в чужой психике, как профессия библиотекаря, в особенности имеющего дело с начинающим читателем, и именно с таким читателем, с которым приходится иметь дело в красноармейских библиотеках. Сплошь и рядом красноармеец обращается к библиотекарю с просьбой дать книжку „поинтереснее", при чем он зачастую совершенно не в состоянии дать более детальных указаний; для этого у него отсутствует нужный запас слов, уменье разбираться в своих переживаниях. И вот поэтому-то этим уменьем должен сугубо располагать библиотекарь. „Что бы могло интересовать данного читателя"?—вот вопрос, который так часто встает перед библиотекарем. И как мало у него бывает данных, чтобы решить это уравнение со многими неизвестными.

С целью пролить свет на этот мало изученный вопрос Библиотечным Отделением Пур'а была организована анкета, опрос красноармейцев по предложенной мною схеме. Текст анкеты предварительно был заслушан на Конференции Опытной Психологической Лаборатории Генштаба. Затем он был предметом обсуждения специального собрания библиотекарей г. Москвы. На этом собрании и решено было поставить опрос сначала в небольшом масштабе среди Московского гарнизона, поручив производство опыта желающим, наиболее заинтересовавшимся библиотекарям.

Самый текст анкеты, принятый на этом собрании таков:

1. Сколько Вам лет.
2. В какой части служите, какую должность занимаете.
3. Где учились. Сколько времени.
4. Чем занимались до военной службы.
5. Любите ли читать. Самому читать, слушать.
6. Что особенно любите читать.
   а) приключения и путешествия;
   б) о сельском хозяйстве;
   в) о ремеслах;
   г) о здоровьи и болезнях;
   д) о том, как справедливо жить;
   е) о любви;
   ж) о том, как люди на белом свете живут;
   з) исторические книги;
   и) политические;
   к) военные рассказы.
7. Нравятся короткие или длинные рассказы. Почему.
8. Что больше нравится читать: сказки или правду.
9. Из прочитанных книг какая больше нравится. Почему.
10. Читаете ли газеты. Какие. Какие статьи особенно нравятся.
11. Какие из читанных Вами писателей больше всего понравились, и чем именно.
12. Читаете ли Вы на военной службе больше или меньше, чем раньше.
13. Дало ли Вам чтение что-нибудь полезное для жизни. Что именно.
14. Изменило ли чтение Ваши политические взгляды и как.
15. Состоите ли Вы членом какого-нибудь кружка, партии.

Чтобы гарантировать однообразие условий постановки опыта, была составлена инструкция следующего содержания:

ИНСТРУКЦИЯ

для производства опроса красноармейцев о чтении.

Просветительный Отдел Политуправления Реввоенсовета Республики, прилагая при сем текст опроса о чтении красноармейцев Вашей части, предлагает произвести опрос при соблюдении следующих условий:

1. Опросу должны подлежать по возможности все красноармейцы части. Если это почему-либо неисполнимо, то какого-либо отбора делать отнюдь не следует.

2. По распоряжению Военкома или культурно-просветительной комиссии, руководитель опыта (библиотекарь, инструктор и т. д.), собравши всех красноармейцев части, должен предварительно объяснить им цель опыта, что никаких последствий для участников опыта он иметь не будет, что ответы будут анонимны, и поэтому должны быть даны совершенно свободно.

3. Раздавши участникам опыта письменные принадлежности, руководитель опыта последовательно пишет на доске или диктует вопросы, опрашивая участников опыта, для всех ли ясен и понятен вопрос анкеты. В своих объяснениях руководитель не должен внушать участникам опыта определенных ответов на вопросы анкеты.

4. Каждый следующий вопрос анкеты пишется руководителем опыта на доске (или диктуется) лишь после того, как все участники опыта успеют дать ответ на предыдущий вопрос, при чем самый вопрос участники не пишут, а пишут только ответ отмечая цифру вопроса.

5. В виду добровольности участия в опыте, некоторые вопросы могут быть оставлены без ответа. В таких случаях участники опыта против соответствующей цифры ставят черту. Так же поступают и те, кто не может справиться с тем или иным вопросом. Пусть не будет совсем ответа, вместо того, чтобы давать фактически не соответствующий действительности ответ.

6. Каждый красноармеец должен давать не только вполне правдивые, но и совершенно самостоятельные ответы, без помощи товарищей, соседей. Вот почему всякого рода разговоры во все время опыта должны быть запрещены.

7. Опрос должен быть произведен в части одновременно, чтобы разговоры ранее участвовавших не могли внушать другим определенного ответа.

8. Руководитель должен собрать и прислать обязательно все полученные ответы, хотя бы они ему и казались малоценными.

9. К ответам руководитель должен приложить краткое описание того, как протекал опыт, были ли выполнены при его постановке все выше указанные условия, как отнеслись красноармейцы к самой постановке и т. д.

Кроме того, необходимо получить ответы на следующие вопросы:

1. Есть ли при Вашей части библиотека.
2. Успешно ли она работает.
3. Каков состав книг.
4. Широко ли оповещены о библиотеке красноармейцы.
5. Устраивались ли собеседования с читателями. На какие темы.
6. Какие сочинения чаще всего спрашиваются.
7. В чем выражается культ.-просветительная работа в части.
8. Где часть расположена. Численный состав. Количество принявших участие в опыте. Количество неграмотных.
9. Какое участие принимали сами красноармейцы в создании библиотеки при части.
10. Опыт должен быть произведен по возможности тотчас по получении настоящего приказа и ответы вместе с протоколами опыта высланы незамедлительно в Политуправление по адресу: Москва, Сретенский бульвар, 6, — Библиотечное Отделение Просветительного Отдела Политуправления Р. В. С. Р.
11. Особенно желательно получить от библиотекаря его впечатления и наблюдения над чтением красноармейцев.

При соблюдении этих условий в пяти частях московского гарнизона был поставлен опрос, давший около 450 ответов. С некоторыми результатами обработки этих данных и знакомит нижеследующее изложение.

Как возраст влияет на читательские интересы красноармейцев.

Первый вопрос нашей анкеты—вопрос о возрасте. Всего в полученных ответах упоминается целых 24 возрастных категории—от 17 до 40 лет. В виду того, что на старшие возрасты приходится сравнительно небольшое число ответов, мы объединили при подсчете все возрастные группы в следующие четыре категории:

I кат. 17 — 18 — 19 — 20 л.
II „ 21 — 22 — 23 — 24 л.
III „ 25 — 26 — 27 — 28 л.
IV „ от 29 до 40 лет.

Наиболее многочисленной оказалась первая категория—130 ответов; во второй 99 отв., в третьей 88 и в четвертой 75.

Посмотрим, как возраст влияет на интересы читателей. Эти интересы особенно выпукло выявляет в ответе их 6-й вопрос: „Что особенно любите читать“. Ответы любящих читать о приключениях распределились так:

I кат. — 22%.
II „ — 18%.
III „ — 18%.
IV „ — 12%.

Цифры показывают, что есть некоторое соответствие между принадлежащими к той или иной возрастной группе и интересом к приключениям. Чем старше читатель, тем реже он берет книгу о приключениях. Точно также соответствие—и в гораздо более выпуклой форме—можно подметить по отношению к романам, или, как эта рубрика у нас названа, „книги о любви“.

I кат. — 22%.
II „ — 17%.
III „ — 13%.
IV „ — 6,5%.

Следовательно, с возрастом требования на романы падают: первая группа почти вчетверо чаще берет эти книги сравнительно с четвертой группой.

В менее резкой форме подобное соответствие можно проследить по отношению к книгам историческим и политическим. Для исторических книг мы получили такие цифры:

I кат. — 14%.
II „ — 10%.
III „ — 10%.
IV „ — 9%.

Что касается политических книг, то здесь максимум требований приходится на вторую группу от 21-го до 24-х лет, затем интерес к этим книгам заметно слабеет. Повидимому, именно в этом возрасте есть потребность дать себе отчет по вопросам политического миросозерцания, в более же зрелом возрасте эта потребность слабее, или, быть может, ответы на эти вопросы были даны в предыдущем возрасте.

Если легкое чтение — романы, приключения, историческая беллетристика—особенно характерно для более юных возрастных групп, то совершенно иначе обстоит дело по отношению к более серьезному чтению. Здесь с переходом к более старшему возрасту

не уменьшается, а увеличивается число ответов. Так, по отношению к сельскому хозяйству получились такие цифры:

I	18%
II	35%
III	47%
IV	52%

Т.-е. старшая группа в три раза чаще упоминает книги по сельскому хозяйству.

Такое же примерно соответствие можно подметить и по отношению к медицинским книгам. У нас эта рубрика называется „о здоровьи и болезни“:

I	3%
II	9%
III	7%
IV	18%

Следовательно, старшая группа раз в шесть чаще первой спрашивает книги медицинского характера. Есть еще группа книг, спрос на которые приходится, главным образом, на средние возрастные группы, такова, напр., наша рубрика „как люди на белом свете живут“, „военные“, „ремесла“, „как справедливо жить“.

Для рубрики: „Как люди на белом свете живут“ получились такие данные:

I	6%
II	11%
III	9%
IV	3%

Примерно такие же результаты получены для других вышеупомянутых промежуточных групп. Общим для них является тот факт, что колебание по возрастам здесь не так заметно. Как будто бы вопросы этического характера, профессионального и т. д. более или менее равномерно интересуют во всех возрастах. Вообще же говоря, на-ряду с этими общими для всех возрастов интересов, наша анкета подчеркивает наличность специфических для каждого возраста интересов, которые с возрастом могут или увеличиваться (по преимуществу книги научного и прикладного характера) или уменьшаться (беллетристика, романы и т. д.). Итак, у каждого возраста есть свои специфические интересы и запросы; ответ на на эти запросы читатель ищет в доступной ему книжной литературе. Вообще же по преимуществу читается

беллетристика—процентов 70, затем идет научная — 25%, и 5% приходится на агитационную. Таковы, по крайней мере, данные за июль 1920 г. (когда был произведен наш опыт) по всем библиотекам гор. Москвы.

К сожалению, наши данные не позволяют сделать более или менее точные сравнения с этими результатами, так как намеченные нами рубрики очень не однозначны. Например, куда отнести „исторические книги". Все будет зависеть от того, что имел в виду отвечавший; так, Сергея Соловьева надо было отнести к научным, Всеволода Соловьева — к беллетристике. Но такого учета в наших результатах произвести не представляется возможности. Вообще же ответы на 6-й вопрос анкеты: „что особенно любите читать" распределяется в грубой форме так:

1)	о сельском хозяйстве	152 отв.
2)	приключения и путешествия	99 „
3)	политические книги	91 „
4)	о любви	78 „
5)	исторические книги	66 „
6)	как люди на белом свете живут	52 „
7)	о ремеслах	50 „
8)	военные рассказы	46 „
9)	о здоровьи и болезнях	45 „
10)	„как справедливо жить"	42 „

Некоторые из отвечавших, желая подчеркнуть преобладание научных интересов и не удовлетворясь намеченными нами рубриками, определенно заявляют, что они по преимуществу читают научные книги (5 отв.). У других же интересы настолько не диференцировались, что пишут „обо всем". Наконец, есть ответы, напоминающие об интересе к религиозным книгам. Несмотря на отсутствие соответствующей рубрики, все же есть ответы, говорящие о религиозных интересах.

На первом месте, как видно из приведенной выше таблицы, стоит литература сельско-хозяйственная. И это вполне естественно, если принять во внимание, что 47% отвечавших принадлежат по своей предшествующей профессии к землеробам. Вообще говоря, этот факт имеет чрезвычайно важное влияние на наличность тех или иных читательских интересов. Всех отвечавших, по их профессиям, мы разбили на следующие четыре категории:

I	хлебопашцы	47%
II	рабочие	22%

III . . . . . ремесленники 22%
IV . . . . . интеллигенты 9%

Посмотрим теперь, как распределяются ответы читателей по отношению к бывшим профессиям. Так, „сельско-хозяйственные“ книги названы:

I кат. 59%
II „ 17%
III „ 48%
IV „ 15%

Т.-е. этой литературой главным образом интересуются крестьяне и ремесленники, не порвавшие еще связи с землей. В гораздо меньшей степени они привлекают рабочего и еще меньше интеллигента. Литература о „ремеслах“, как и следовало ожидать, интересует по преимуществу третью группу—ремесленников. Вот цифры:

I 6%
II 7%
III 30%
IV 6%

Тех же самых ремесленников по преимуществу интересует такая литература, как приключения, историческая, „как люди живут“. Это тоже вполне вяжется с характером этой профессии. Подвижная, порой связанная с целым рядом приключений, профессия какого-нибудь плотника или деревенского портного побуждает читателя этой категории искать аналогичного их собственым переживаниям и в книге. Вот цифры для литературы „о приключениях“:

I 11%
II 20%
III 48%
IV 14%

„Как люди на белом свете живут“:

I 15%
II 13%
III 25%
IV 10%

И в этом пункте есть некоторое сходство (по преобладанию ответов) для крестьян и ремесленников. Еще больше это заметно по отношению к рубрике „о справедливой жизни“. Вот цифры:

I	13%
II	4%
III	19%
IV	4%

Повидимому, интеллигентов и рабочих вопросы этического характера интересуют меньше, чем крестьянина и ремесленника. Быть может, это происходит потому, что в этом возрасте для первых двух групп эти вопросы до некоторой степени предрешены.

Эти выводы в общем подтверждают уже ранее высказанные утверждения на этот счет. Крестьянин менее впечатлителен и менее падок на сильные ощущения, чем рабочий. Он не прочь выслушать занимательный рассказ, но как бы ни была сложна и занимательна фабула рассказа, она не захватывает деревенского солидного слушателя так сильно, как рабочего, и остается для него развлечением, забавой от нечего делать. Серьезно он начинает относиться к книжке только тогда, когда находит в ней что-либо полезное: поучение, указание, как жить. В подобном отношении крестьянина к книге соединяется его обычная практичность, сыздавна сложившимся у него взглядом на книгу, как на проповедь (Ан-ский—„Народ и книга“).

И в политической литературе он тоже ищет ответа на вопрос „как надо жить“, и потому спрашивает ее чаще рабочего. Вот цифры:

I кат.	20%
II „	13%
III „	20%
IV „	9%

Для интеллигента или рабочего эти вопросы политического характера более или менее ясны, он редко прибегает к этой популярной политической брошюре, которая по преимуществу рассылается в красноармейские библиотеки. Возможно, что тот же элемент поучительности бывший крестьянин ищет в романе. Вообще же говоря, этот род литературы чаще всего указывается ремесленниками. Вот цифры:

I кат.	15%
II „	13%
III „	25%
IV „	10%

Вопросы войны, как будто, больше интересуют рабочего и совсем не интересуют интеллигента.

I кат. 7%
II „ 10%
III „ 5%

Эти цифры ясно показывают, что принадлежность к той или иной профессии накладывает резкий отпечаток на характер писателя. Этот последний чаще всего интересуется тем, что имеет то или иное отношение к его обычным занятиям. Характер же этих занятий побуждает читателя брать такую книгу, которая бы соответствовала уровню его развития, своеобразным особенностям его психики, в сильной степени определяемых его профессиональной работой. На-ряду с профессиональным, на уровень развития читателя, а следовательно, и его читательские способности, оказывает, конечно, влияние общее образование. Все ответы по этому пункту (3-й вопрос анкеты) мы разбили на следующие четыре категории:

I кат. Год начальной школы и менее 18%
II „ 2 года начальной школы . . . 19%
III „ 3—4 года нач. школы. . . . 59%
IV „ Более высшее образование. . . 4%

Различие в подготовке читателя прежде всего сказывается в том, что, чем ниже образовательный стаж, тем больше читатель интересуется данными прикладного характера: конкретными результатами близкой ему области земледелия и ремесла. Так, по отношению к „ремеслам“ получились такие данные для читателей разных категорий:

I кат. 24%
II „ 13%
III „ 13%
IV „ 10%

Для рубрики „сельское хозяйство“.

I кат. 37%
II „ 35%
III „ 37%
IV „ 2%

Для этой последней рубрики характерны цифры первых трех категорий читателей; видимо, образовательный стаж здесь отходит на второй план, чувствуется более сильное, почти исключительное влияние профессиональных интересов. Беллетристика и

научные книги чаще читаются более подготовленным читателем. Так книги исторического содержания упоминаются в следующем порядке:

I кат.	3%
II „	3%
III „	13%
IV „	12%

Первая категория малоподготовленных читателей совсем не интересуется такой рубрикой: „как люди на свете живут“.

I кат.	0
II „	2%
III „	25%
IV „	14%

Сравнительно меньше он читает романы и приключения. Так, для рубрики „о любви“ получились такие цифры:

I кат.	9%
II „	15%
III „	16%
IV „	17%

Другими словами, спрос на романы растет по мере развития читателя. Аналогичные данные получились и для рубрики „приключения“:

I кат.	7%
II „	20%
III „	69%
IV „	11%

Сравнительно высокой подготовки требуют и книги этического характера. Вот почему малая подготовка дает и малое число ответов. Вот цифры:

I кат.	8
II „	9
III „	12
IV „	11

Но эта малая подготовка не мешает обнаружить сравнительно высокий интерес военного характера:

I кат.	12
II „	4
III „	5
IV „	0

Ответ на 3-й вопрос анкеты проливает свет на образовательный стаж современной армии. Цифры говорят, что около 37%

современных красноармейцев—почти полуграмотны, пробыли в школе всего лишь один или два года. Предполагается, что этот $^0/_0$ должен быть повышен, в виду того, что часть этой полуграмотной массы должна была отказаться от участия в опыте, так как не умела мало-мальски сносно графически выразить свои мысли. По отношению именно к этой полуграмотной массе особенный интерес приобретает ответ на 12-й вопрос: „Читаете ли на военной службе больше или меньше, чем раньше". Почти одинаковое число ответов говорят, что на военной службе они читают или больше, или меньше, чем раньше. Таким образом, современная военная служба, повидимому, не оказывает того отрицательного влияния, какое, несомненно, имела старая казарменная жизнь. Но, с другой стороны, не следует, пожалуй, переоценивать ее воспитывающего влияния по части чтения. Как уже было замечено, почти 50$^0/_0$ ответов заявляют, что на военной службе приходится читать меньше, чем раньше. 16 ответов определенно заявляют, что в казарме они читают столько же, как и дома. Как же сами красноармейцы оценивают значение чтения. Огромное большинство из них (79$^0/_0$) определенно заявляют, что чтение принесло им несомненную пользу, лишь 7$^0/_0$ отрицают эту пользу, и 14$^0/_0$ отказываются дать показания на этот вопрос. Объясняется это, по всей вероятности, трудностью этого ответа, предполагающего уменье разбираться в своих переживаниях, давать себе отчет в более сложных душевных явлениях.

79$^0/_0$, давших положительный ответ о пользе чтения, так понимают эту пользу:

1)	Знание	72 отв.
2)	Познание жизни	36 „
3)	Умственное развитие	30 „
4)	Самообразование	42 „
5)	Знание по сельскому хозяйству	26 „
6)	Стали лучше читать	13 „
7)	Понятие о политической жизни	9 „
8)	О нравственной жизни	5 „
9)	Дало духовное развитие	4 „
10)	Образование	4 „
11)	Стали логически мыслить	3 „
12)	Стали презирать ложь	3 „
13)	Знание крестьянской жизни	2 „

14) Знание по ремеслу . . . . . 2 „
15) Просвещение . . . . . 2 „

Еще больший % воздержавшихся (35%) по 14-му вопросу анкеты „Изменило ли чтение политические взгляды“. Но здесь, по всей вероятности, отказ от ответа надо поставить в связи с некоторым опасеньем дать вполне определенный ответ на этот несколько щекотливый вопрос. 10% заявляют, что чтение не оказало никакого влияния на их политические взгляды; 46%, наоборот, определенно констатируют влияние чтения на изменение их политических взглядов. Если признать эти цифры соответствующими действительности, то приходилось бы очень высоко поставить влияние агитации на формирование политических взглядов. Но уже при обсуждении текста высказывались мнения, что трудно рассчитывать на объективность в данном пункте. И контрольный вопрос 15-й нашей анкеты до некоторой степени оправдал эти сомнения. Ведь политическая агитация ведется в определенном направлении, и 46%, говорящие о влиянии литературы на их политические взгляды, должны были бы отметить это и в ответе на 15-й вопрос. Этого-то как раз и нет. Лишь около 2% заявляют о своем сочувствии коммунистам, 7% говорят о принадлежности к Коммунистической партии, 2,5% причисляют себе к Союзу Молодежи. Вместо 46%, отметивших влияние литературы на изменение политических взглядов по 14-му вопросу, лишь 10% говорят о реальных последствиях этого влияния. Остальная же масса предпочитает умалчивать о своих действительных политических взглядах, изредка лишь упоминая о работе в культурно-просветительных кружках, профессионильных союзах и т. д.

Эти данные лишний раз подчеркивают, как трудно рассчитывать на выявление действительных взглядов широких масс, когда эти массы опрашиваются о столь щекотливых вопросах, какими являются политические взгляды в период обостренной гражданской войны.

Ответы на 11-й вопрос: „Какие писатели больше всего понравились“, распределяются так:

Толстой Л. . . . . 101 отв.
Пушкин . . . . . 40 „
Гоголь . . . . . 27 „
К. Маркс . . . . . 12 „
Горький . . . . . 11 „

Некрасов	8	„
Ломоносов	7	„
Чехов	6	„
Тургенев	5	„
Дем. Бедный	5	„
Достоевский	4	„
Крылов	3	„
Ленин	3	„
Соловьев	3	„
Стеклов	2	„
Троцкий	2	„
Пазухин	2	„
Шевченко	2	„

Остальные упомянутые писатели названы по разу.

Сравнительно большой $^0/_0$ воздержавшихся (171) показывает, что и этот вопрос, повидимому, труден для той малоподготовленной массы читателей, которые опрашивались в нашей анкете. Об этой малой подготовленности говорят и данные об образовательном стаже, а также и ответы на 5-й вопрос: „Любите ли Вы сами читать или слушать". $^2/_3$ отвечавших ($67^0/_0$) заявляют, что предпочитают читать сами, остальная же часть не прочь предпочесть чтению слушанье. Из них $12^0/_0$ явно отдает предпочтение слушанью, $19^0/_0$ не знает, какой способ усвоения следовало бы предпочесть—чтение или слушание. Треть же эта состоит из читателей, которых мы отнесем по образовательному цензу к 1-й категории; т.-е. пробывшие год или два в начальной школе. Примерно такое же соотношение получается по 7-му вопросу. „Любите ли короткие или длинные рассказы". Вот цифры: $48^0/_0$ ответов говорят о предпочтении более длинных, $22^0/_0$ не дают предпочтения ни тем, ни другим, а $30^0/_0$ явно препочитают короткие. Сторонники длинных рассказов так мотивируют свой ответ:

1) Больше узнаешь	40	отв.
2) Больше интереса	17	„
3) Более увлекательны	10	„
4) Больше переживаний	4	„
5) Более поучительные	2	„

Сторонники коротких рассказов, в свою очередь, так оправдывают свое предпочтение.

1) Более понятные	23	отв.
2) Нет времени читать длинные	7	„

3) Больше действия . . . . . 6 „
4) Более интересные. . . . . 4 „
5) Не утомляют. . . . . 3 „
6) Разнообразные . . . . . 1 „
7) Лучше запомнить . . . . . 1 „
8) По малограмотности. . . . . 1 „

8-ой вопрос нашей анкеты имеет в виду выяснить отношение читателя к реальному и сказочному содержанию книг. Около 77% ответов отдают предпочтение „правде“, 15%—не проводит различия и лишь 6% высказываются за сказки.

10-й вопрос нашей анкеты о газетах. Указанный нами уровень развития опрашиваемых делает вполне понятным тот факт, что на первом месте стоит „Беднота“ (86), затем идут „Известия“ (76%) „Правда“ (71%) и „Коммунистический Труд“ (22%). Современные газеты имеют совершенно однообразную в политическом отношении физиономию, что, повидимому, и служит одной из причин некоторого безразличия в выборе газет. Целых 54 ответа заявляют, что читают газету, какую придется. Приблизительно такой же % опрашиваемых (52) совершенно воздерживается от ответа. Наконец, есть еще категория малоподготовленных читателей, предпочитающих слушание самостоятельному чтению (3). Для этой категории особенно интересна будет „живая газета“, входящая теперь в моду. Непонятным для большинства оказался вопрос 9-й „Из прочитанных книг, какая больше всего понравилась“. В ответах наряду с названием книг (напр., „Мать“—Горького) очень часто встречаются ответы, говорящие о категориях книг (политические, религиозные и т. д.), а также лишь указания на автора. Вот почему результаты по этому вопросу оказалось очень трудно свести к каким-нибудь однообразным выводам.

Наконец, совсем лишним оказался вопрос 2-й „Какую должность занимаете“. Почти все отвечавшие оказались рядовыми красноармейцами, командный состав почти не принимал участия в анкете. Таковы в общих чертах выводы, которые пока удалось получить из данных предварительного опроса, произведенного пока в Московском гарнизоне. Результаты этого предварительного опыта в общем подтверждают правильность принятой формы опроса, но в частности лишь дают указание на некоторые изменения в тексте. Так, излишним оказывается вопрос о занимаемой должности, точно также излишним можно признать вопрос о

принадлежности к политической партии и кружкам, а также о влиянии чтения на политические взгляды.

Именно с этой методологической точки зрения и следует оценивать данные этого предварительного опыта. Выводам же из них мы отнюдь не склонны придавать характер окончательного решения. Их не даст прежде всего малочисленность обработанного материала с мест. Другое дело, когда удастся подытожить тот обширный материал, который в большом числе продолжает поступать. К его обработке уже приступлено. Эти данные чрезвычайно интересно будет сравнить с результатами Московского предварительного опыта.

Итак работа по изучению психологии читателя-красноармейца начата, и этой работе с самого начала надо придать систематический и планомерный характер. Для этой цели необходимо создать при ПУР'е Бюро по изучению психологии читателя, в которое вошли бы библиотекари, психологи, историки литературы, а также представители тех учреждений, которые заинтересованы по роду их деятельности работой Бюро. Самую же исследовательскую работу психологического характера Бюро могло бы поручить Опытной Психологической Лаборатории Генштаба, которая могла бы применять не только статистические, но и лабораторные методы, так как располагает необходимыми для этого приборами.

Успех Московского опыта всецело обусловлен тем, что удалось заинтересовать анкетой московских библиотекарей. Точно так же и успех работы „Бюро по изучению психологии читателя" исключительно будет зависеть от того, в какой мере работники на местах заинтересуются нашим начинанием и окажут содействие и помощь в деле собирания материалов. К этой дружной совместной работе на общую пользу мы горячо и призываем товарищей библиотекарей.

Б. Д. Веккер.—*Снабжение и его организация.*

1. Аппарат снабжения.

В вопросе о снабжении частей и учреждений Красной армии литературой для пополнения и комплектования библиотек необходимо различать 3 момента: 1) прежде всего идейную внутреннюю сущность работы снабжения в целом, от которой зависит успех или неуспех всей агитационно-политической пропаганды и просветительной работы в армии через книгу и библиотеку,

ибо здесь закладывается фундамент духовной мощи вооруженных сил Республики; 2) организационную часть дела снабжения,— т.-е. тот аппарат, при помощи которого проводятся в жизнь политические и просветительные цели снабжения, его структура, его гибкость, его приспособленность к исключительным бытовым условиям армии в тылу и на фронте и 3)—насколько быстро, точно и целесообразно выполняются техническими органами снабжения задания руководящих этим делом учреждений и лиц.

Совершенно очевидно, что насколько последние 2 момента совпадают, дополняя друг друга, настолько же момент первый— идейное руководительсто снабжением — представляет из себя совершенно самостоятельную задачу, по природе своей ничего общего не имеющую с двумя другими моментам. Первый момент—это вопрос о том, чем питать настроение читателя бойца, отправляющегося на фронт, или в запасных частях тыла готовящегося к выполнению своего коммунистического долга. Оба последние момента—это вопрос о том, как лучше в чисто хозяйственном и техническом смысле приводить в действие организационный аппарат снабжения. И действительно, все органы снабжения стоят всегда на высоте своего призвания только в том случае, если они в точности, без всякого промедления, ибо в обстановке войны „промедление смерти подобно“,— выполняют все руководящие, все творческие задания ответственных учреждений и лиц. Тем самым с органов снабжения снимается ответственность за идейную сущность работы, которая заключается в пополнении и комплектовании библиотек литературой, отвечающей целям революционного воспитания и коммунистического мировоззрения Красной армии. Совершенно правильно и рационально, что эта ответственность, моральная и фактическая, возлагается на учреждения и лица, ведущие в армии просветительную, в частности—библиотечную работу.

Все соображения эти примитивны и, казалось бы,—бесспорны. Между тем, так ли обстоит дело во всей организации политическо-просветительной работы в Красной армии? Занимают ли органы снабжения, действующие при политическо-просветительных учреждениях Округов, то место, которое им принадлежит по природе, роли и характеру их работы? К сожалению, нет, но справедливость требует указать, что отнюдь не по вине сами органов снабжения.

Нам, работникам на местах, в течение более двух с половиной лет ведущим библиотечную работу в Красной армии и, следовательно, выполнившим самую трудную и самую ответственную часть всей политическо-просветительной работы в Красной армии, работы, отмеченной и признанной тов. Лениным одной из главнейших основ в достигнутых до сих пор Красной армией успехах на боевых фронтах,—нам неизвестно, разумеется, каким образом случилось, что книжные склады, питающие армию литературой и книжным составом для пополнения и комплектования красноармейских библиотек, подчинены непосредственно не библиотечным органам, не просветительным отделам, а Отделам Снабжения. Мы стоим перед фактом, о котором и по поводу которого нам представилась возможность говорить лишь теперь, спустя чуть ли не целый год после существования такого снабженческого аппарата, а именно: совершенно перепутались внутренняя идейная сущность питания Красной армии книжным составом и чисто технические функции, выполнение которых необходимо для осуществления сложных и ответственных целей воспитания Красной армии в духе революционной и коммунистической активности. Нужно полагать, что если бы до окончательного установления штатов Пуокров был бы выслушан голос лиц, ведущих библотечную работу в Красной армии, можно было бы избежать большой ошибки, если не везде оказавшейся определенно вредной общему делу просвещения армии, то, несомненно, везде тормозившей продуктивную организованную работу вследствие трений, неизвестно для чего созданных между ответственными руководителями работы, ее вдохновителями и техническими органами снабжения, взявшими на себя чуждую им обязанность.

Было бы очень приятно узнать от товарищей с мест, что не везде органы снабжения вторгались в чуждую им область работы, и я сам знаю такие места, где, например, ни одна книжка, ни одна листовка, ни один плакат не могли выйти из пределов книжного склада без разрешения лиц, несущих ответственность за библиотечную работу, как таковую. Зла, следовательно, причинено меньше, но наша задача заключается не в том, чтобы уменьшить зло, а в полном искоренении его. И такие факты, что в одних случаях представлялась возможность подчинить аппараты снабжения в указанном смысле библиотечным органам, а в других процветал параллелизм в деле снабжения и распре-

деления литературы и книжного состава,—такие факты еще ярче подчеркивают всю недопустимость такого положения вещей, при котором самая серьезная часть общепросветительной работы не регламентирована единым твердым, неуклонным положением, обязательным для всех.

К чему приводила такая „независимость“ аппаратов снабжения от руководящих органов просветительной работы? Просто-на-просто к тому, что в одном этаже не было известно, что делается, что предпринимается в другом в той же области. А когда в результате этой „независимости“ получались несоответствие, несогласованность, зачастую противоположность действий, то в чью сторону направлялись недоуменные или негодующие взоры на местах со стороны тех, кого это задевало непосредственно? Совершено естественно,—в сторону лиц, ответственных не за правильность действий аппаратов снабжения, а за всю постановку библиотечного дела в Красной армии. Задача съезда указать на эту ненормальность и устранить ее—путем своего вотума—в ближайшие дни.

II. Снабжение материалами для оборудования библиотек.

Однако, отмеченной выше ненормальностью не исчерпываются все преграды, стоящие на пути действительно планомерного и продуктивного питания Красной армии нужной ей литературой. Если в указанном случае дело снабжения страдает от искусственно созданных междуведомственных трений, то в другом оно не меньше страдает от недостаточной энергии и недостаточной заботливости со стороны органов снабжения к библиотечному делу вообще, которое отнюдь не мыслится этими органами, как самая существенная часть общеполитической работы в Красной армии, и которое как бы не в праве даже претендовать на ту степень внимания и расходования средств, какая отдается театральному, например, или музыкальному делу. Едва ли здесь в среде библиотечных работников Красной армии, прекрасно понимающих, что книжные составы только тогда превращаются в библиотеки, служащие целям максимального распространения книги, когда они снабжены соответствующим техническим аппаратом,—едва ли здесь придется говорить и доказывать, что отсутствие такого аппарата, отсутствие того, что мы называем

техническими материалами для оборудования библиотек, превращает книжные собрания в пункты для раздачи книг и способствует расхищению и пропаже их, что в настоящих условиях книжного голода граничит с преступлением против Красной армии, против Республики. Какое же значение придается этой стороне библиотечного дела органами снабжения? Кому же неизвестно, что требования на технические библиотечные материалы либо просто вызывают улыбку на устах товарищей - снабженцев, либо игнорируются, как притязания, отнюдь в их, товарищей - снабженцев, представлении не столь серьезные, чтобы с ними необходимо было считаться немедленно для немедленного осуществления. В результате совершенное отсутствие каких бы то ни было технических материалов, совершенная невозможность обслуживания красноармейских библиотек инвентарем и каталогами,—т.-е. полное разрушение библиотек, если под ними понимать не груды сложенных книг, а учреждения, для правильного существования которого техническое оборудование является одним из важнейших условий. Разумеется, в качестве причин, мешающих снабжению красноармейских библиотек техническими материалами, прежде всего, на первом плане фигурирует все та разруха, все те же тяжелые условия бумажного голода и полного расстройства типографского дела вообще. Однако, при большем сознании всей важности для библиотечного дела технического аппарата со стороны органа снабжения, как и при большем внимании к библиотечному делу вообще, при сознании не обходимости, чтобы библиотечное дело было обставлено, в интересах его продуктивности, всеми средствами, обеспечивающими правильную работу с книгой в Красной армии,—положение могло бы быть менее катастрофическим, чем оно представляется в настоящее время. Естественно, такое отношение к этой стороне библиотечного дела терпимо быть не может, потому что лишенные возможности снабжать красноармейские библиотеки необходимыми техническими материалами, мы тем самым приводим к абсурду всю нашу теоретическую работу, направленную к созданию библиотечной техники вообще, а единой для всех красноармейских библиотек Республики—тем более. Не отрицая, что общие технические затруднения, в которых находится страна, в значительной степени мешают созданию в библиотеках Красной армии надлежащего технического аппарата, нельзя однако не признать, что в еще большей мере дело страдает вследствие

недопустимо невнимательного отношения отделов снабжения к задаче изыскания мер и источников для получения технических материалов. Таковы тяжелые условия, создаваемые для библиотечного дела внутри самих учреждений, руководящих политической и просветительной работой в Красной армии.

III. Внешние тормозы библиотечной работы.

Неудивительно поэтому, что еще более серьезные причины, задерживающие успешное развитие дело просвещения Красной армии, мы наблюдаем за пределами наших политическо-просветительных учреждений. 1-ый Всероссийский Съезд по библиотечному делу в Красной армии не выполнил бы возложенной на него задачи, если бы он не коснулся деятельности тех государственных учреждений Республики, которые вообще ведают делом снабжения страны литературой и книгой и тем более обязаны считаться с нуждами Красной армии в этой области, что только через нее лежит путь к окончательному закреплению великих завоеваний Октябрьской Революции, и что лозунг „все для Красной армии, все для фронта“ прежде всего обязателен для правительственных учреждений страны, которые призваны творить коммунистическую культуру и проводить в широкие народные массы коммунистическое мировоззрение.

Отвечает ли этой первейшей задаче работа Государственного Издательства, не оторвано ли оно от нужд и интересов Красной армии? В задачу доклада, посвященного вопросам снабжения Красной армии литературой и книжным составом для комплектования библиотек, не входит оценка деятельности Государственного Издательства в общегосударственном масштабе, но поскольку материальные и духовные интересы Красной армии в условиях политического момента не только стоят в центре общегосударственных задач первейшей важности, но превалируют над всеми другими насущными запросами дня, постольку мы в праве были до сих пор ожидать и в настоящую минуту мы в праве требовать, чтобы очередные задачи Государственного Издательства не исключали его забот о снабжении Красной армии той именно литературой, в которой испытывает в настоящий момент нужду красноармейская казарма и красноармейская библиотека. Если обратиться непосредственно к той литературе, которая выбрасывалась в 1920 г. на

государственный книжный рынок, то станет совершенно очевидно, что это не та именно литература, в которой испытывается особо острая нужда среди широких слоев трудящихся масс, лучшие представители которых стоят сейчас, вооруженные винтовкой, на страже социалистической Республики. Кто сколько-нибудь близко стоит к читательской массе сегодняшнего дня, а к красноармейской читательской массе в особенности, тому достаточно очевидно, что эту массу занимают прежде всего вопросы познания окружающего мира, вопросы сельской, и в частности сельско-хозяйственной, культуры, что далее ее занимает революционное прошлое страны и, наконец, что особенно сильно стремление к познанию красот русского художественного слова в лице избранных представителей нашей классической беллетристики. Что касается последнего вида литературы, то, поскольку речь идет о красноармейской читательской массе,— спрос на нее колеблется между 60—75%. Между тем, в какой мере вышедшая до сих пор художественная и по другим отделам литература отвечает реальным потребностям момента? Само собою разумеется, мы далеки от мысли признать нецелесообразными вышедшие до сих пор издания. Но если в наше время*) катастрофического бумажного голода выходят книги не только не одобряемые, не только не приветствуемые коммунистической прессой, но признаваемые даже вредными, а Красная армия в то же время испытывает острую нужду в научно-популярной, прикладной и особенно художественной литературе, то наш долг, долг нашей гражданской и революционной совести, требовать всемерного устранения этого явно недопустимого явления. Если на-ряду с переживаемым бумажным голодом, при неведомой всему миру ненасытной жажде просвещения в широких пролетарских массах, издательство „Всемирной литературы“ явно не отвечает запросам рядового массового читателя, а скорее всего удовлетворяет читателя из среды в литературном отношении подготовленного, образованного, интеллигентного класса, если мы не можем дать красноармейской библиотеке полного собрания Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова, Белинского или Герцена, а издательские силы Республики поглощаются изданием образцов итальянской или испанской литературы,—то при всей неоспоримой ценности указанных призведений, мы не можем квалифицировать их, как литературу „первой необходимости“,

*) В 1920 г.

тем более, что эта увидевшая свет литература либо совсем не проникает в красноармейскую библиотеку, либо проникает в совершенно ничтожном количестве, либо просто не может быть использована мало подготовленным „массовым“ читателем, для которого эта литература якобы предназначается, по целому ряду причин как литературно-художественного, так и технического характера.

В чем же причина? Где искать объяснений приводимых фактов, при наличности которых тяжелое положение дела снабжения красноармейских библиотек будет и впредь оставаться таким, каким оно остается сейчас? Разумеется,—как уже было упомянуто вскользь,—причина полной оторванности Государственного Издательства от Красной армии, от условий ее жизни и быта, от тех непосредственных „текущих“ целей, которые стоят перед руководителями дела политического воспитания и просвещения Красной армии, заключается в том, что библиотека в целом и книга в частности, как это ни странно, исключены из числа „предметов снабжения“, необходимых для поддержания боеспособности Красной армии, что за эту точку зрения приходится еще выдерживать упорную борьбу; причина в том, что, мысля вооруженные силы Республики, как институт временный, институт момента, наши издательские учреждения, однако, не считаются с реальными особенностями и требованиями данного момента, в котором живет, действует, борется и страдает Красная армия; еще вернее—причина в отсутствии живой связи издательских государственных учреждений с просветительными органами Красной армии, вследствие чего от этих учреждений ускользает подлинный характер просветительной работы в Красной армии и—естественно—ее особенно острые нужды.

По этому поводу здесь будет уместно указать на следующее:

Весь исторический период, охватывающий возникновение, развитие и все вообще существование Красной армии, был и продолжает оставаться до сих пор периодом беспрерывной напряженной борьбы, которая велась на всех фронтах. Естественно, в условиях этой боевой обстановки и вся просветительная работа в Красной армии носила и продолжает носить характер исключительно боевой напряженной деятельности. Фронт просвещения все время живет одной жизнью с жизнью боевых фронтов и с особенной отчетливостью это всегда проявлялось

и проявлется теперь в области библиотечного дела. Книги, листовки, брошюры и библиотеки—вообще все дело снабжения—направлялось все время за кр-цем, шло туда, куда его направлял исторический ход событий и незыблемые законы великой Революции. Руководители библиотечного дела в Красной армии никогда не мыслили своей работы вне общих политических задач, вне общей политической конъюнктуры, и те вопросы, которые занимают нас, это вопросы, выдвигаемые моментом и бытовыми условиями воинских частей, живущих в боевой атмосфере. Вот почему эта работа по формам и видам своим—военная, производимая аппаратом ярко выраженного военного типа. Передвижные библиотеки, походные библиотеки, литература, отражающая жизнь фронта и питающая революционное настроение читателя-бойца, читателя, ни на секунду не выпускающего из своих рук винтовки, теснейшая и беспрерывная связь библиотечных и книжных работников из центра с библиотечными работниками в рядах Красной армии, сплошь и рядом несущими одновременно и чисто-политическую работу, и среди масс самой армии,—вот те специфические особенности работы, которые мы вкладываем в понятие о библиотечном деле в Красной армии. Необходимость жить одною с ней жизнью, реагируя каждодневно на все факты и события как в процессе гражданской войны, так и в обстановке боевой схватки социалистической революции в России с мировым империализмом,—вот о чем не забываем мы, библиотечные работники в Красной армии. И если до сих пор библиотечное дело в Красной армии не стоит еще на должной высоте в отношении быстрейшей и вернейшей отражаемости интересов и настроений красноармейской читательской массы, то это исключительно потому, что зачастую библиотечная работа в Красной армии сбивается на библиотечную работу вообще, уклоняясь,—по тем или иным причинам,—от исключительных особенностей жизни и быта воинских и, главным образом, красноармейских частей.

Вот почему и представляется настоятельно необходимым, чтобы работа Государственного Издательства и работа наша не были нарушены отсутствием живой связи, которая нами мыслится в виде представительства в указанных учреждениях.

Резюмируя все вышеизложенное и исходя из того, что существующие формы снабжения Красной армии литературой и другими необходимыми для красноармейских библиотек материалами вредно

отражаются на интересах просвещения Красной армии, следовательно, на конечных целях ее героической борьбы, я устанавливаю следующие основные положения:

1. Снабжение частей и учреждений Красной армии агитационной литературой, книжным составом для комплектования и пополнения библиотек, а также материалами, необходимыми для технического их оборудования—в исключительно тяжелых условиях экономической современности—приобретает характер боевой задачи просвещения, от успешного выполнения которой в значительной степени зависит вся продуктивная работа в рядах Красной армии, направленная к развитию в ней стойкого революционного духа и выдержанного коммунистического мировоззрения, серьезно обоснованного в процессе просвещения и воспитания.

2. Эта же задача, естественно, требует особенного напряжения сил, которое вывело бы дело снабжения (а вместе с ним и всю просветительную работу) из того критического положения, в котором оно находится в настоящее время.

3. Первое необходимое для этого условие—поднятие библиотечного дела в Красной армии на соответствующую высоту, определяемую целями и характером просветительной работы, в которой книжно-библиотечному делу должна принадлежать подчиняющая, а не подчиненная, как в настоящее время, роль; второе условие—создание такого аппарата снабжения, при котором внутреняя идейная сущность питания частей и учреждений Красной армии литературой и книжным составом была бы совершенно точно отграничена от чисто технических функций, выполнение которых необходимо для осуществления политических и просветительных целей снабжения.

4. Действующие в настоящее время штаты Пуокров, согласно которым книжные склады поставлены на-ряду с экспедицией и подчинены непосредственно Отделам снабжения, выполняющим определенное задание руководящих органов политической и просветительной работы, и, следовательно, никакой принципиальной и творческой работы не производящим, должны быть изменены в части, касающейся книжных складов.

5. Через Библиотечные Отделения, несущие фактическую и моральную ответственность за правильную и целесообразную организацию снабжения Красной армии литературой, Библиотечные Отделения Пуокров руководят всей работой книжных складов,

давая им определенные указания по вопросам пополнения складов книжным инвентарем, в том числе и выпиской тех или иных периодических изданий; на заведывающих книжными складами возлагается исключительно забота о создании гибкого и технически вполне оборудованного аппарата (получение, отправка, средства передвижения, перевозочные принадлежности и т. д.) который обеспечивал бы в полной мере успешность и быстроту достижения целей снабжения.

6. Из других задач, теснейшим образом связанных с непосредственными целями библиотечного дела в Красной армии и относящихся к области снабжения, особенно важным является скорейшее изыскание способов и мер для обеспечения библиотек Красной армии необходимыми материалами для технического оборудования, без которого (к чему ведет совершенное истощение технических запасов), во 1-х, красноармейские библиотеки перестают быть таковыми, превращаясь просто в пункты для раздачи книг, и, следовательно, теряют свой удельный вес в качестве правильно функционирующих политическо-просветительных учреждений, во 2-х, приводится к абсурду вся работа инструкторов, стремящихся к созданию на местах правильных технических аппаратов для рациональной постановки библиотечного дела. Наличность необходимых технических средств обеспечит правильную библиотечную технику, которая в настоящее время уродуется и извращается, применяясь к тяжелым техническим условиям работы. Получение технических материалов будет обеспечено, если библиотечная работа и все потребности библиотек не будут нуждаться в особом протекционизме, к системе которого приходится нередко прибегать.

7. Отсутствие необходимой литературы, в виду полной оторванности Государственного Издательства от просветительной работы в Красной армии, требует установления между ними живой связи в виде отдельного представительства в редакционных коллегиях Отделений Государственного Издательства от центральных учреждений военных округов, ведущих просветительную работу в Красной армии, ибо только в этом случае представится возможность, выявляя истинный характер и непосредственные, связанные с событиями политической жизни, задачи просвещения в Красной армии,—обеспечить ее в первую очередь требуемой ею литературой, а именно: 1) по истории революционного движения, 2) по прикладным и научным знаниям, 3) художественной литературой

русских классиков; при чем внимание Государственного Издательства должно быть обращено на то, чтобы, отвлекаясь к событиям политической жизни, оно стремилось к наиболее полному изданию произведенной художественной литературы и использовывало ее не только для выпуска полных собраний и отдельных книг, но и для отрывков, изображающих те или иные стороны общественного и политического движения, 4) пособиям по библиотечному делу.

8. Вся новая литература, выходящая в свет, должна быть на особом учете руководящих органов библиотечного дела в Красной армии, как ответственных морально и фактически за доброкачественность, художественную и политическую ценность книжных составов красноармейских библиотек.

Только правильная, идейно выдержанная организация дела снабжения и предоставление реальной возможности проводить в жизнь все теоретические указания в области библиотечного строительства, выведут его на дорогу широкого развития.

Н. Рыбников.— *Биографическая литература и ее значение для начинающего читателя.*

Некоторые из членов Съезда обратились ко мне с просьбой поделиться с ними сведениями о работах организующегося Биографического Института. В двух словах я и хотел бы сделать это, остановившись, главным образом, на той стороне проектируемой работы, которая может представлять интерес для библиотекаря, как такового.

Институт учреждается для систематического, всестороннего изучения человеческих биографий. Вместе с тем Институт имеет целью также и сохранение для последующих поколений описаний жизни выдающихся деятелей прошлого и настоящего. Для осуществления обеих этих целей Институт собирает всевозможные документы, относящиеся к жизни деятелей на различных поприщах (как прошлого, так и настоящего). Такими документами могут быть биографии, автобиографии, дневники, семейные архивы, записки, воспоминания, письма, некрологи, curriculum vitae, фотографии, почерки, фонограммы, продукты творчества и т. д. Всестороннее изучение такого рода материалов даст возможность воссоздать образы личностей прошлого, сохранить их для потом-

ства. Главное же, научная обработка собранного в огромном количестве биографического и автобиографического материала могла бы обогатить чрезвычайно ценными выводами целый ряд дисциплин, имеющих то или иное отношение к человеческой личности. Особенно многого от такого рода изучения может ждать та дисциплина, которая изучает душевный мир человека, т.-е. психология—как общая, так и многочисленные отрасли специальной психологии: учение о характерах, генетическая психология, этическая, прикладная, психология творчества и т. д.

На-ряду с психологией, изучение огромного числа человеческих личностей различных времен, народов, классов, положений и т. д. окажется весьма ценным для истории, экономической науки, педагогики, для истории быта, культуры, торговли, техники, а также для истории наук вообще. Немало поучительного в этой области можно будет найти для решения проблемы наследственности, одаренности, для патологии. Работа Института может иметь и чисто практическое значение: изучение жизни многих деятелей на различных поприщах поможет учесть их жизненный опыт и для будущих поколений. Сохранение возможно большего числа биографий будет способствовать накоплению этого жизненного опыта для будущего.

При Институте должен издаваться орган, который периодически знакомил бы с ходом работы по изучению собираемых „человеческих документов". Биографический Институт, если бы его удалось создать, был бы наиболее достойным памятником выдающимся деятелям прошлого, а также деятелям великой революции.

Его создание показало бы, что общество прониклось сознанием необходимости более бережного и внимательного отношения к человеческой личности.

В данный момент работа Института ведется в обоих намеченных выше направлениях: выработка методов изучения биографического материала и собирание этого материала. Наша основная ближайшая задача наметить методы этой новой науки. Говорю именно о новой науке, новой дисциплине универсального, энциклопедического характера. Эту новую науку, долженствующую быть созданной, можно было бы назвать биографологией. Другие называют ее теоретической биографией или онтогенетической психологией. В противоположность генетической психологии, которая исследует, главным образом, ребенка, развивающегося человека до момента его превраще-

ния во взрослого, биографология ставит своею целью дать ясное описание всего хода развития душевной жизни человека, как чего то единого цельного, начиная с рожденья до самой смерти.

В своей работе мы стремимся наметить основные ступени психической жизни человека, установить неизменные вечные законы духовного развития человека. Мы верим, что эти законы есть, и что они будут найдены, и для отыскания их нужно прежде всего найти правильные методы. Коллективное искание этих методов и является ближайшей целью работы Института.

Наравне с нащупыванием методов этой новой дисциплины должно итти собирание биографических материалов. Самый характер работы и основная цель ее требует массового собирания материалов. Нам нужны не биография, а биографии, ибо центр тяжести лежит в отыскании общих точек таковых. А они могут быть вскрыты лишь путем сравнительного изучения многих биографий. Затем наука интересуется типичным, а до сих пор биографии удостаивался лишь выдающийся человек, во многих отношениях не типичный, стоящий выше средней нормы. Кроме того, тот факт, что полученный нами литературный биографический материал носит порой уж слишком тенденциозный характер, побуждает нас к самостоятельному собиранию в широком масштабе биографического материала.

Есть еще одна сторона деятельности Института, имеющая более непосредственное отношение к работе библиотекаря. Я говорю об изучении воспитательного влияния биографической литературы. Много было говорено о влиянии биографий именно с этой точки зрения, но очень мало было сделано по части систематического изучения этого вопроса. И в этом пункте работа Института тесно переплетается с практической повседневной работой библиотекаря.

Вообще говоря, биографической литературе в современной библиотеке не отводится того места, которое ей принадлежит в силу ее важности—до сих пор она помещается где-то на литературных задворках. Зачастую она совершенно отсутствует в библиотечных классификациях; редко можно найти системаческий подбор биографий на полках библиотеки. Нередко даже этот отдел совсем не представлен в библиотеке, или же представлен двумя-тремя тощими брошюрами. Между тем, потребность в такого рода литературе очень велика, в особенности у мало подготовленного читателя, с каким по преимуществу приходится иметь

дело в красноармейских библиотеках. Для иллюстрации я сошлюсь на результаты нашей анкеты о читательских интересах красноармейцев. В анкете отсутствует рубрика „религиозная литература". И, несмотря на это, мы имеем целый ряд ответов с указанием на эту литературу. Несомненно, что одной из причин здесь служит интерес к литературе биографического характера. Да и теперь еще, как показывают данные анкеты, потребность в такого рода биографической литературе велика, так как о существовании иной биографической литературы начинающий читатель очень мало знает. Кроме того агиографическая литература во многом совпадает с литературой биографической, поскольку ей зачастую присущи все те свойства, которые делают биографию столь интересной для начинающего читателя. Эта литература вполне удовлетворяет потребность читателя в героическом, поучительном и в то же время конкретном материале. Общение с великими душами, поскольку они нашли свое отражение в форме биографий, особенно ценно потому, что оно способно заразить читателя, внушить ему целый ряд свойств, которые являются характерными для многих биографий. Ведь большинству великих личностей, независимо от их направления и интеллектуальных свойств, присущи некоторые общие черты; таковы, напр., душевная цельность, сконцентрированность, неиссякаемая энергия, трагизм существования, благородство. Возьмем хотя бы последнее свойство. Можно назвать целый ряд великих людей, являющихся воплощением этого свойства, могущих служить образцом искренности, безкорыстия, нравственной стойкости. Жизнь таких людей учит нравственности в более убедительной форме, нежели отвлеченные рассуждения этического характера. Для начинающего читателя, интересующегося этическими вопросами, подобного рода биографический материал является прямо таки незаменимым. В нашей анкете о читательских интересах есть рубрика „как справедливо жить". По числу ответов эта рубрика занимает последнее место. Такой результат плохо вяжется с несомненным тяготением русского читателя к вопросам этического характера. И если этот интерес остался не выявленным в нашей анкете, то это надо поставить в связь с отсутствием в библиотеках такой литературы, которая могла бы удовлетворить начинающего читателя. Во всяком случае его очень мало удовлетворяют те отвлеченные рассуждения, которые обычно в данном случае ему предлагаются. Другое дело биографии, где этическое учение тесно связано с жизнью носителей этих взглядов.

Другой пример из данных нашей анкеты: в числе других вопросов есть такой: „что больше нравится правда или сказка?“. Большинство высказываются за правду, но при более глубоком анализе ответов создается впечатление, что большинству нравится особая правда, — „правда, похожая на сказку“. И здесь биографический материал стоит вне всякой конкуренции. Разве биографии таких людей, как Колумб, Нансен, не являются „правдой, похожей на сказку?“. Разве подобного рода жизнеописания не способны помочь воображению начинающего читателя подняться над действительностью, отправляясь от этой действительности? А это последнее условие особенно важно для слабого воображения начинающего читателя с его огромной потребностью в конкретном, реальном.

Одной из труднейших задач библиотеки по отношению к начинающему читателю является необходимость приохотить его к чтению, пробудить интерес к книге, внушить ему сознание социальной важности книги и чтения в жизни как целого общества, так и отдельной личности. И здесь биографическому материалу должно быть отведено подобающее место. Систематическое изучение биографий ясно показывает, какую огромную роль книга и чтение играли в жизни огромного большинства людей. Так, по подсчету одного исследователя, 163 из 170 изученных им биографий отмечают благотворное влияние прочитанных книг на выяснение своего призвания, подготовку к нему. Особенно, конечно, ярко это влияние можно проследить в жизни самоучек из народа. Пишущему эти строки сейчас приходится изучать во всех отношениях интересную биографию убитого в 1915 г. крестьянина А. А. Штукатурина. На опыте его очень типичной для русского пролетария жизни воочию убеждаешься в поразительном влиянии книги на человека. Все было против книги: и каторжный труд на Путиловском заводе, и взгляды окружающих и т. д. И всетаки книга победила и безгранично раздвинула рамки личного опыта этого замечательного летописца великой войны, дневник которого сейчас является объектом нашего самого пристального изучения.

Да и сама жизнь Штукатурова достойна описания. Мы так мало имеем биографий лиц, вышедших из народа. А для начинающего читателя из народа этого рода материал представлял бы особенный интерес.

Можно было бы привести еще много соображений в пользу того взгляда, что умело подобранная биографическая литература является незаменимым материалом для начинающего читателя. На это и следует в первую очередь обратить внимание библиотекаря. Это внимание могло бы быть выражено не только в более интенсивном продвижении биографической литературы и в систематическом подборе ее в библиотеке, но и в собирании материалов об отношении читателей к этого рода литературе. Заполнение читательских анкетных бланков было бы наиболее доступным первым шагом в этом направлении. С другой стороны, можно было бы приписать к биографии вопросник, на который рекомендовалось бы ответить самому читателю. Такого рода вопросники уже выработаны институтом, который обращается с просьбой о собирании подобного рода материалов. Ведь нужно же сдвинуть с мертвой точки вопрос о биографиях, как материалов для чтения, нужно, чтобы кто-нибудь взял на себя труд подобрать, систематизировать и заново создать необходимый материал биографического характера. А для этого нужны данные, результаты кропотливых библиотечных наблюдений. С другой стороны, тот же библиотекарь может иной раз выступить в роли собирателя и сырого биографического материала, благодаря тесному общению с читателем-автором. Было уже отмечено, что мы слишком мало имеем биографических данных, относящихся к пролетарским слоям населения. Пополнить наши сведения о психологии широких масс очень важно для более продуктивной постановки полит-просветительной работы.

Приложение.

Библиотечная техника.

Инвентарь. — При обработке материалов по библиотечной технике, доставленных на Съезд, прежде всего следует коснуться инвентаря.

Обычно инвентарю уделяется наибольшее внимание, так как он является документом, по которому можно проследить судьбу библиотеки. Точкой отправления для выработки формы инвентаря можно считать образец, предложенный Хавкиной в ее „Руководстве для небольших библиотек“ (из двадцати двух форм, при-

везенных на Съезд, девять образцов — копии инвентарного листа Хавкиной, в остальные формы внесены те или иные изменения). В большинстве случаев изменения образца направлены не к упрощению записи, а к усложнению ее: добавляются все новые и новые графы или двоятся графы, уже потерявшие свое значение; так, например, 7-я армия, Волжско-Каспийская флотилия и др. отводят две графы для цены: „Цена номинальная“ и „сколько уплочено“. Некоторые армейские теоретики исключили совершенно эту графу и ввели „число страниц“, вероятно, предполагая, что число страниц даст лучшее представление о ценности книги, чем цена, обозначенная на обложке. И действительно, инвентарь в красноармейских библиотеках потерял свое старое значение записи „ценности“ библиотеки.

Графа „шифр“ также испытала некоторые изменения: многие нашли удобным поместить шифр вслед за инвентарным номером, перед графами „автор“ и „заглавие“, в некоторых случаях были добавлены еще особые отметки и решающие дальнейшую судьбу книги: „выбыла за ветхостью“, „выбыла в другую библиотеку“ или „не возвращена“.

Каталог. — Каталогу, который считается „путеводителем по книжным запасам библиотеки“, „облегчающим читателю с наименьшей затратой времени найти нужную книгу“ и „держащим книги на учете со стороны их содержания“ уделяется мало внимания. Такое отношение понятно, потому что составление одного систематического каталога требует много энергии, а главное, свободного времени, которым, несомненно, красноармейские библиотекари не располагают. В инструкциях и руководствах, изданных библиотечными органами на местах, каталог определяется, как „опись книг“, в виду чего библиографического значения он, конечно, иметь не может. Один из Политотделов попробовал снабдить карточки вопросами, касающимися области библиографии. К сожалению, все карточки, представленные в Библиотечное Отделение Пур'а, не были заполнены; поэтому трудно дать более полную картину методов составления каталога в красноармейских библиотеках. Почти во всех руководствах рекомендуется лишь систематический каталог; другим видам каталога, как не имеющим места в библиотечной практике Красной армии, не уделяется ни одного слова.

Абонемент.

По сведениям, полученным от делегатов Всероссийского Съезда Библиотечных Работников Красной армии и флота, можно нарисовать лишь приблизительную картину систем выдачи книг в красноармейских библиотеках. Одним из условий образцовой техники библиотеки является быстрота выдачи книг.

Запись выдаваемых книг для больших библиотек обычно рекомендуется производить по двухкарточной системе. Каждый новый подписчик заполняет абонементную карточку, в которой поставлены следующие вопросы: имя, отчество, фамилия, возраст, образование, полк, рота, партийность. На карточке обозначается порядковый номер каждого нового подписчика. Отдельные страницы абонементной карточки разделены на графы, в которых помечается шифр взятой книги и срок возвращения.

Вторая карточка — формуляр книги. На формуляре обозначается шифр книги, ее инвентарный номер, автор и название. Дальше формуляр разделяется на 2 части (ради экономии бумаги) и в каждой обозначается порядковый номер читателя и время возврата книги (чаще всего выдается на 2 недели). Формуляры книг находящихся в библиотеке, расставлены в систематическом порядке. Формуляры выданных книг выделяются в особый ящик, причем ставятся закладки, на которых помечается дата возвращения книги. Та же дата записывается на последней странице книги в абонемент читателя.

Небольшие библиотеки пользуются обычно тетрадными записями. Почти везде рекомендуется следующая форма тетради: на каждого подписчика отводится отдельная страница, в которой отмечается только „дата выдачи“ и „шифр“ (Зап. В. О.); в других Политотделах отмечается „отдел“, „инвентарный номер“ (Кав. фронт), в третьих „шифр“, „время выдачи“, „время возврата“, „название взятой книги“.

Существует еще двухтетрадная форма выдачи. В одной тетрадке отмечаются все подписчики рубриками „№№ по порядку“, „фамилия“, „имя и отчество“, „возраст“, „образование“, „профессия“, „какой части“. Библиотечное Отделение Красноармейского Университета ввело графы: „к каким занятиям чувствует склонность“, „что читал“, „чем наиболее интересуется“, „откуда и как доставал книги“. Запасная армия кавфронта добавляет

„чем интересуется“, „пишет ли сам“, „много ли читал“. По ответам на подобные вопросы стремятся определить интересы читателя. В другой тетради отмечаются выдачи подписчикам за день. Вот один пример — запись выдач, практиковавшаяся в 8-й дивизии 16-й армии.

1. Список читателей по общей форме.
2. Тетрадь выдачи (см. образец).

Тетрадь выдачи.

№ выдачи.	№ читателя.	Шифр книги.	Примечание.	№ выдачи.	№ читателя.	Шифр книги.	Примечание.
	1. ЯНВ.						
	1	8	$\frac{320}{К-1}$				
	2	3	$\frac{100}{М-4}$				

Через все графы пишут срок возврата взятых книг, затем № читателя и шифр книги (в виду некоторой особенности шифровки, каждая книга имеет характерный для нее шифр; так например шифр: $\frac{320}{К-1}$ принадлежит определенной книге.

На самой книге делается пометка: 1/I № 3, т.-е. срок возвращения и номер выдачи; при возвращении легко по этим данным найти запись и аннулировать ее проставлением в графе „примечание“ времени возврата.

Выгоды формы: 1) понятность, 2) портативность (обычная „простыня“—тетрадь записи книг слишком громоздка, быстро треплется. Формат такой тетради принят не только в 8-й дивизии но и во всей 16-й армии), 3) экономичность—запись следующего дня производится непосредственно за записью предыдущего (без пропусков), 4) форма удовлетворяет следующим вопросам статистики: 1) колич. выд. книг по отд. за день; 2) кому выданы книги; 3) прибыль-убыль читателей (читаемость каждой книги видна только по количеству записей на самой книге).

Эта форма была пущена в ход в 8-й дивиз. 16-й армии и в самой армии; удобство ее было оценено работниками на местах, отзывы были достаточно удовлетворительны и она предпочиталась обычной.

Статистика должна наиболее ярко отражать всю работу библиотеки. Основываясь на фактическом материале, мы видим положительные начинания в библиотечной работе, которые следует распространять; из тех же статистических ведомостей мы знакомимся с теми библиотеками, в которых работа протекает слабо и которые нуждаются в различных изменениях. Статистические формы, привезенные на Съезд, дают возможность обследовать бегло картину положения биб. отчетности на местах.

В библиотеках подводится ежедневно статистика, к концу месяца ведомость посылается в ближайшую инстанцию (Подив, Погуб). Ежедневная ведомость не везде разделена на одинаковые графы. Раньше всего идут числа месяца, затем сведения о количестве прибывших, выбывших и состоящих подписчиков и о числе выданных книг по отделам. Тут замечается некоторое разнообразие делений: часть придерживается делений, рекомендуемых в руководстве Хавкиной, т.-е. для каждого отдела десятичной классификации и для беллетристики предлагается графа (напр. в 6-й армии, Доноблвоенкомат, Владимирский Погуб), часть библиот. учреждений видоизменила это деление, приспособляясь к условиям жизни, т.-е. ввела более подробные деления для отделов, которыми читатель-красноармеец более интересуется и читает. Так, из ведомости Иваново-Вознесенского и Костромского Погубов мы видим только одну новую графу 910 (география), в большинстве же приняты следующие новые деления 37 (образование), 61 (медицина), 63 (сельское хозяйство) и 91 (география); некоторые армии (Поарм 12, Поарм 16) вводят еще более подробные деления для 3-го отдела, но это, усложняя работу библиотекаря, прибавляет мало материала для ознакомления с интересами читателей. В некоторых местах вводится отдельная графа для подсчета читателей журналов. Дальше подсчитывается общее количество выданных книг, количество помещений б-ки, читальни, сведения о прибывших и выбывших книгах и в конце графа „примечание“. Некоторые библиотеки делают отметки о состоявшихся беседах, лекциях, собраниях. Вообще делаются попытки собирания материала об идейной работе в биб-ке, на что указывают вопросы сколько чтений вслух,

устроено было биб-кой за отчетное время, „на какие темы происходили митинги, собеседования“ общее количество кр-цев, посетивших их“, „перечислить книги, требования на которые не были удовлетворены за отсутствием их в биб-ке“, „работает ли библиотечный совет“, „есть ли связь с другими видами культпросветработы“. Ответы на последние вопросы могут дать представление не только о технической и организационной постановке библиотечного дела, но и о внутренней живой, активной работе.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 1972 г.

Архив Кр. Армии
49
~~13026~~

ОГЛАВЛЕНИЕ:

от библиотечного отделения военсекции Главполитпросвета.

стр.

Приложение. — Фотография съезда . . . . . —

Проф. **Нечаев.** — Психологические основы библиотечного дела. 5

Проф. **Боднарский.** — Международная десятичная классификация и десятичная классификация Дьюи. 14

А. В. Цикуленко. — Идейные основы подготовки библиотекарей 26

Я. Киперман. — Задачи и средства библиотечной активности 32

А. А. Покровский. — О работе с беллетристикой 80

Н. Рыбников. — Изучение психологии читателя. 92

Б. Д. Веккер. — Снабжение и его организация. 107

Н. Рыбников. — Биографическая литература и ее значение для начинающего читателя 118

[redacted] — Библиотечная техника. 123

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ
1922